

Исследовательская группа ЦИРКОН
109028, Москва, ул. Солянка, д.3, стр.1,
тел./факс: (495) 621-3415,
www.zircon.ru, info@zircon.ru

**Состояние и
перспективы развития
российской
гражданской
идентичности.
Обзор научных
исследований и
публикаций 2010–2015 гг.**

**Отчет по результатам научно-
исследовательской работы**

Оглавление

Предисловие	3
Резюме	5
Тематическая карта научных исследований и экспертных суждений	5
Выводы относительно распространенных рекомендаций по разработке государственных мер по формированию российской гражданской идентичности	8
Рекомендации относительно направлений дальнейших исследований российской гражданской идентичности	16
Введение: теоретико-методологические замечания	20
Теоретические неудобства с «идентичностью»	20
Отбор источников	22
1. Академический дискурс	26
1.1. Тематическая логика академического дискурса о гражданской идентичности	26
1.2. Трактовки понятия «гражданская идентичность» в академической литературе 2010–2015 гг.	31
1.3. Трактовки понятия «регионально-территориальная идентичность»: ее отношение к гражданской идентичности	42
1.4. Проблематизация гражданской идентичности	47
Выводы	82
2. Прикладные исследования	83
ИС РАН	83
ФОМ	92
ВЦИОМ	93
Левада-центр	95
Выводы	96
ПРИЛОЖЕНИЯ	97
Список процитированной литературы	97
Тематическая группировка источников	102
Центр	102
Периферия	113

Предисловие

Настоящий документ представляет собой аналитический обзор по теме **«Состояние и перспективы развития российской гражданской идентичности. Обзор научных исследований и публикаций 2010-2015 гг.»**, включая перечень документальных источников (публикаций), использованных в рамках подготовки обзора.

Работа выполнена в соответствии с договором Договором № 18/11 от 18 ноября 2015 года на организацию и выполнение научно-исследовательских работ.

Целью работы являлась подготовка аналитического обзора в формате справочника-рубрикатора, агрегирующего и систематизирующего актуальные научные исследования и публикации по теме *российской гражданской идентичности*.

Предметом (тематикой) аналитического обзора являлись *научные исследования, концепции и экспертные суждения* относительно российской гражданской идентичности, ее характерных черт и особенностей и связанных с ней понятий, отраженных в научных исследованиях и публикациях (например, «политическая идентичность», «цивилизационная идентичность» и т.п.).

Исследование проводилось в формате *систематического обзора релевантных источников данных*. Основными источниками первичных данных являются:

- научные статьи, монографии и иные публикации за период с 2010 по 2015 гг., раскрывающие тему формирования российской гражданской идентичности и/или определяющие ключевые характеристики гражданской идентичности как таковой;
- результаты (материалы) опросов общественного мнения и комплексных социологических исследований, проведенных в стране в целом (федеральный уровень) и в различных регионах России (региональный уровень) в период с 2010 по 2015 гг.

По итогам информационного поиска и отбора исходных данных разработана *тематическая карта* научных исследований, концепций и экспертных суждений относительно российской гражданской идентичности.

В дополнение к указанным выводам информационно-аналитического характера сформулированы *выводы* относительно распространенных *рекомендаций по разработке государственных мер по формированию и развитию российской гражданской идентичности*, а также *рекомендации* относительно направлений дальнейших исследований российской гражданской идентичности.

Структура представленной информации соответствует задачам, поставленным в Техническом задании на НИР: помимо теоретического введения в обзоре имеются два больших содержательных раздела, представляющих два компонента первоисточников: 1) академических публикаций и 2) данных прикладных исследований.

В заключении текста приведен список использованных источников в двух форматах: 1) алфавитный список, 2) тематически сгруппированный список.

Авторский коллектив:

О.А. Оберемко — к. социол. н., доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации НИУ ВШЭ

А.Б. Ткачева — магистр социологии, выпускник НИУ ВШЭ

Техническая редакция:

Л.В. Шубина — зам. рук. Исследовательской группы ЦИРКОН

Руководитель проекта:

И.В. Задорин, руководитель Исследовательской группы ЦИРКОН

Резюме

Тематическая карта научных исследований и экспертных суждений

Определение пространства информационного поиска

В тематическое поле понятия «*гражданская идентичность*» в рамках данной работы включались материалы 2010–2015 гг., отобранные в несколько этапов в базах, аккумулирующих сведения о выходе академических печатных изданий и экспертных материалов (в том числе, имеющих статус рукописи). На первом этапе задавался поисковый вопрос по ключевому слову «идентичн*», в дальнейшем пошагово производилась тематическая выбраковка источников. В итоге из 2744 источников было отобрано 235 статей и монографий, предметом которых является *самоопределение, самоотнесение людей к общности россиян, жителей или граждан России*.

Все источники условно делятся на два типа – «научные исследования» и «экспертные суждения». Под *научными исследованиями* понимаются материалы, где на равных сочетаются эмпирические данные и их теоретическое осмысление; под *экспертными суждениями* понимаются философско-публицистические размышления об идентичности (опубликованные в том числе и в научных изданиях), где уровень эмпирических данных либо не представлен вовсе, либо играет подчиненную роль, поскольку приоритет безоговорочно отдается теоретической аргументации.

Тематическая карта

В дискурсе самоотнесения людей к общности россиян, жителей или граждан России выделились следующие ключевые синонимичные понятия:

- национальная (или общенациональная в противоположность регионально-национальной) идентичность,
- государственная (национально-государственная) идентичность,
- политическая идентичность,
- патриотизм (как характеристика идентичности, т.е. самосознания),
- региональная идентичность (в ее отношении с общенациональной),
- культурная идентичность,
- этническая (этнокультурная) идентичность,
- русская идентичность,
- социокультурная идентичность,
- цивилизационная идентичность,
- имперская идентичность,
- идентичность России,
- правовая идентичность,
- языковая идентичность.

Подавляющее большинство источников посвящено рассмотрению гражданской идентичности, т.е. проблематике соотношения с гражданскими общностями.

В подавляющем большинстве источников гражданская идентичность рассматривается исключительно или преимущественно как государственно-гражданская, то есть в логике одной из центральных задач модерна — формирования нации-государства.

Только в 2% источников гражданская идентичность обсуждается в постмодернистской (постгражданской) повестке дня.

Следовательно, российский академический дискурс посвящен проблематике, актуальной для России (сообразно уровню развития российской гражданской общности), а не глобальной (глобалистской) повестке дня.

Постмодернистские сюжеты с идентичностью представлены за пределами обсуждения темы гражданской идентичности.

Постмодернистская повестка почти отсутствует в источниках, тематически напрямую связанных с формированием гражданской идентичности.

За пределами дискурса гражданской идентичности постмодернистская повестка и представлена не в социологической (в широком смысле, обществоведческой) литературе, а в психологической — под эгидой самоактуализации и достижения индивидуальным субъектом аутентичности бытия.

Иерархические отношения в распространенности базовых концептов представлены в таблице 1.

Таблица 1. Общая тематическая структура академического дискурса гражданской идентичности в 2010–15 гг., % (N=235)

Идентичность	Аспекты	%
Центр		
Гражданская идентичность		76
	гражданский	2
	Национальный	42
	региональный	33
Периферия		
Культурная идентичность		8
Идентичность России		9
	международный	3
	цивилизационный	5
	имперский	1
Материалы с данными замеров разных аспектов идентичности		3
Философская публицистика		5
ИТОГО		100

В целом, многие авторы не дают четкого определения ключевому концепту идентичности и употребляют его без специальных пояснений с неодинаковыми смыслами. Это говорит о том, что подавляющее большинство авторов не придерживается в рассмотрении топики идентичности какой-либо определенной теоретической ориентации и употребляет это понятие не терминологически, а как некий собирательный образ.

Наиболее явные исключения репрезентируют авторы двух работ, не относящихся к центральному в освещении тематики гражданской идентичности. В первой работе развивается весьма своеобразная авторская концепция правовой идентичности. Во второй работе развивается учение о языковой идентичности, которое перекликается с работами других авторов о культурной идентичности, однако выгодно отличается терминологической строгостью и четкой теоретической ориентации.

Национальное или этническое

При всей нечеткости границ между концептами практически вышло из употребления использование концепта «национальный» в смысле этнического. Можно констатировать модернизацию академического дискурса: различие между «гражданской» и «этнической» трактовками национально-гражданской общности получило полное распространение.

Подмена этническим гражданским встречается при обсуждении программ формирования (этно)региональных идентичностей.

Таким образом, архаическое отождествление национального с этническим осталось в прошлом; по крайней мере, в российском научном дискурсе. Большинство (почти все) авторов сходятся в конструктивистском понимании процесса производства национально-государственной идентичности (здесь и далее используется сокращение - НГИ).

Тематизация региональной идентичности

Если за количественным распределением источников, тематизирующих специфику региональной идентичности, видеть остроту проблемы, то окажется возможным сделать следующие выводы. (См. табл. 2).

Таблица 2. Географическое распространение тематизации региональной идентичности в 2010–15 гг. (N=62)

Этнически маркированные общности	N	Общность «русские» либо этнически не маркированные общности	N
Юг европейской России			
Дагестан	6	Ставрополь	4
Кавказ	5	Ростов	2
Чечня	3	Волгоград	1
Адыгея	3	Краснодар	1
Центр европейской России			
Татарстан	3	Пенза	1
Мордовия	3	Псков	1
Башкортостан	2	Иваново, Кострома, Вологда	1
Чувашия	2		
Север, Урал, Сибирь			
Алтай	2	Екатеринбург	6
Хакасия	2	Сибирь	5
Якутия	2	Кольский Север	2
		Тюмень	2
		Магадан	1
		Сахалин и Курилы	1
		Север	1

В регионах европейской России (Юга и условного Центра) тон обсуждению специфики региональной идентичности задают этно-национальные республики; авторы из «рус-

ских» регионов уступают и в количестве, и в интенсивности подчеркивания этнокультурной специфики своих регионов.

Иначе обстоит дело в регионах Севера, Урала, Сибири, где региональная специфика подчеркивается представителями академического сообщества, главным образом, базирующимися в регионах с подавляющим преобладанием этнически русского населения. В ряде источников региональная специфика «русских» возводится в статус протоэтнической или субэтнической с ощутимым компонентом политизации региональных различий.

Выводы относительно распространенных рекомендаций по разработке государственных мер по формированию российской гражданской идентичности

Общее состояние дискуссии

По сравнению с 1990-ми гг.¹ иной стала тематизация российской идентичности: обсуждение культурного (этнокультурного, этнического) компонента либо подчинено раскрытию гражданской идентичности, либо имеет самостоятельное значение, безотносительно проблематики гражданской консолидации, например, в собственно этнологических / этнографических работах с фокусом на собственно этничность. Даже в работах, посвященных цивилизационным аспектам идентичности России, так или иначе затрагивается тематика гражданской консолидации. Дискурс российской идентичности за короткий срок пережил модернизацию, по крайней мере, в своем академическом сегменте.

Эксперты отмечают, что для ситуации с гражданской идентичностью в России актуален переход из домодерна в модерн: России еще только предстоит решать проблемы модернизации гражданского самосознания. Из этой констатации вытекает и фокус внимания участников дискуссии на необходимости (срочно) формировать национально-гражданскую, или (синонимично) государственно-гражданскую идентичность.

Подавляющее большинство авторов выражают взгляды, которые можно отнести к конструктивистским: формирование нации-государства лишь отчасти естественный, но в гораздо большей степени — общественно-исторический процесс. Поэтому сама по себе нация-государство не сформируется, даже если к этому имеются естественные предпосылки.

Формирование нации-государства рассматривается как процесс активного производства нации-государства, активной деятельности, в которой, прежде всего, различима идея, цель, идеология как комплекс идей, предназначенных для практического внедрения.

В современном дискурсе гражданской идентичности патернализм явно преобладает над либерализмом; возможно, дело не только в идеологических установках авторов, сколько в недоверии к тому, что либеральные инструменты и модели сработают.

¹ Малинкин А.Н. «Новая российская идентичность»: исследование по социологии знания // Социологический журнал. 2001. №4.

Соотношение национально-гражданского и этнического

Подавляющее большинство академических текстов, тематизирующих так или иначе гражданскую идентичность, демонстрируют на поверхности модерный дискурс идентичности, но фундаментом этой в модерном ключе понимаемой идентичности чаще видят (хотят видеть) *актуально действующие* примордиалистские элементы.

Нет авторов, безоговорочно, прямо призывающих строить общность на кровно-этнических основаниях.

Чаще всего примордиализм скрывается под термином *культура* (но не только); однако некоторыми авторами *культура понимается вполне модернистски* — как продукт общественно-исторического, а не естественно-исторического процесса.

Вызовы для интеграции российской нации-государства

Вызовы (трудности) для интеграции российской нации-государства делятся на внутренние и внешние.

Разнообразие

В числе внутренних чаще всего отмечаются физическое, социально-экономическое и культурное разнообразие России; некоторые авторы считают его беспрецедентным. Другие авторы полагают, что разнообразие России *по существу* сравнимо с разнообразием, которое имели до формирования нации-государства такие страны как Великобритания, Франция, Германия, даже США.

Констатации разнообразия соответствует императив снижения разнообразия. Об ассимиляции речи нет. Речь идет о формировании единого российского культурного пространства.

Чем сложнее представляется пространство российского гражданства, тем сложнее представляется задача формирования гражданской нации.

Наиболее часто называются следующие характеристики разнообразия:

- конфессиональная,
- этническая,
- культурная,
- экономико-географическая,
- социально-экономическая.

Разнообразие отмечается среди общностей разных уровней и аспектов общности: этносы (народы), регионы, укрупненные регионы (Кавказ, Сибирь, Север). Реже упоминается как трудность на пути интеграции климатическое разнообразие, а также цивилизационное (больше говорят о цивилизационном единстве).

Отсутствуют упоминания о том, что какие-то территории имели когда-либо отдельную, обособленную от российской собственную историю.

Неэффективность власти в нациестроительстве

Общепризнанная точка зрения: Россия отстала от ведущих стран в формировании нации-государства, в формировании российской нации.

Идею отсталости России в формировании гражданской идентичности дополняет идея уклонения властных элит от серьезной постановки проблемы и ее решения.

Критика достается не только политике (вернее, ее отсутствию) нынешней власти (президентов новой России), но и властным элитам предшествующих эпох: советской и царской.

Аргументы в пользу недостаточности советской политики сводятся к ее противоречивости — ассимиляционные мероприятия сочетались с формированием национального самосознания у народов, которые такого сознания не имели, — и неадекватности методов — потаканию этническим элитам союзных республик.

Однако из общего тона претензий к советской национальной политике можно вывести и тезис о том, что достичь более высокой степени однородности, достаточной для укоренения национально-гражданской советской идентичности (по образцу плавильного котла американской нации) просто не хватило времени.

Внятная национальная политика царской России редкими авторами, удостоившими ее внимания, вообще отрицается (что скорее всего неправомерно).

Отсталость страны

Все тексты, тематически отнесенные к «проблемам формирования НГИ» прочитываются через призму констатации отсталости России в формировании нации, системы национальных отношений, инструментов формирования НГИ и т.п. Главная проблема — отсталость; наработанные классические инструменты нациестроительства нехороши, ибо предполагают неприличный уровень насилия (сейчас, в «классическую» эпоху «цивилизованные» страны им не гнушались), а современные средства, разработанные в передовых обществах, — убийственны для отсталой страны. Надо изобретать новые средства, но к их изобретению и внедрению российские властные элиты не готовы.

Идеологический вакуум

И критически, и лояльно настроенные по отношению к власти авторы обращают к ней запрос на идеологию. Это звучит и в прямых замечаниях, и в косвенной критике пассивности, неопределенности власти на идеологическом поле.

Большая трудность в определении содержательных компонентов надлежащей к транслированию культуры (культур); собственно за содержанием авторы обращаются к этническим, конфессиональным, цивилизационным, политическим ресурсам в попытке предугадать, наметить позитивно содержательные контуры новой национальной (национально-государственной, гражданской) идеи.

Вопросы об образе будущей России, об объединяющих гражданскую нацию целях, о содержании возможной национальной идеологии обращаются к властям. Некоторые авторы вспоминают о том, что в эпоху (эпохи) модернизации такие цели, идеологии формулировались внутри *образованного слоя интеллигенции, интеллектуалов*; по всей видимости, производители научного дискурса себя к таковым не относят и в других писателях таковых не признают.

Не исключено, что поиск идеологии затруднен специализацией: уходя от идеологического, философско-публицистического дискурса *технически* мыслящие ученые отказываются формулировать идеи / приоритеты национальной политики; тогда как предла-

гающие такие приоритеты² философствующие публицисты и идеологи отлучены от технологических средств внедрения своих программ³.

Отсутствие артикулированных ориентиров в будущем неизбежно обрекает всякие поиски содержания в прошлом — в наличных, накопленных предыдущими поколениями ресурсах. Позитивные цели будущего автоматически подменяются целью *поддержания мира и согласия* внутри гражданского сообщества, реактивного реагирования на вызовы тех, кто делает попытки проводить некоторую позитивную политику, нарушающую статус-кво.

Глобализация

Внешние вызовы оформляются понятием глобализации, которая угрожает из-за не(до)сформированности российской гражданской идентичности:

- дезинтеграцией страны,
- невозможностью выйти на конкурентный уровень в сфере экономики и социального развития,
- утратой достигнутых позиций РФ на международной арене.

Ограниченная продуктивность «русской идеи»

Значимость «русской идеи» для определения контуров будущего России ставится под сомнение по нескольким основаниям.

- 1) Это концепт ушедшей эпохи, в которую нельзя вернуться. Преемственность с нею утрачена, связь перекрыта советским идейным наследием.
- 2) Несмотря на то, что подавляющее большинство населения (по статистике) составляют русские, не все представители и не всех иных народов России готовы в пределах РФ, а особенно в регионах компактного проживания, отождествлять себя с русскими.

Неготовность отождествлять себя с русскими фиксируется не только среди мусульман. Авторы постоянно связывают исповедание православия с принадлежностью к русскому этносу, полагая, что такие ассоциации сильны и среди россиян.

Но дело не только в конфессиональной принадлежности. Отчетлив голос авторов, которые полагают русский народ депривированным относительно других народов.

Оценка депривированности русского этноса на территории России по сравнению с другими этносами России дается в следующих аспектах:

- в экономическом аспекте: русский этнос живет не лучше других, а «русские» регионы получают различных дотаций меньше, чем республики (Центр продолжает политику фаворитизма по отношению к этнополитическим образованиям);
- в гражданском аспекте: этническая идентичность у нерусских народов, особенно у титульных, формируется более интенсивно, поскольку этнорегионы (якобы) активно продвигают институциональные площадки, где представители

² Но не в период 2010–2015 гг., рассматриваемый в настоящем отчете, а раньше.

³ По впечатлениям от медийных материалов, патриотически мыслящие политтехнологи не видят в актуальных властях предрасположенных заказчиков на определенную идеологию, клеймя компрадорство и прагматизм властей, либо политкорректно объявляя их пост-идеологическими.

титულных этносов могут играть гражданские роли по защите своих этнических прав;

- в политическом аспекте: русские — единственный крупный народ в РФ, который не имеет собственной государственности и не имеет даже шансов на ее получение в отдаленном будущем; как этнос русские не развивают своего этно-территориального самосознания, в отличие от титульных этносов республик;
- в культурном аспекте: этнорегионы имеют больше средств на развитие этнической культуры по сравнению с «русскими» регионами.

Что формировать?

Главный упор в дискурсе гражданской идентичности делается на формировании национально-государственной идентичности. Второй по массовости аспект гражданской идентичности — региональный, или этнорегиональный. Таким образом, забота о гражданской идентичности находится в пределах государственных границ РФ; эти границы пересекаются в двух цивилизационных субдискурсах: (а) трансграничности русского мира и возврата исконных пространств, (б) бегства из / обособления от российского (русского) мира во исполнение *своего особого* цивилизационного выбора — примеры (по аналогии с бегством «исконно русской Украины на Запад») Кольского Севера и циркумполярной цивилизации.

Дискурс гражданской идентичности лишен глобального горизонта; глобальное видится исключительно как угроза. Следовательно, этот разговор совершенно не ориентирован на слои россиян, которые живут в глобальном горизонте или намерены на него ориентировать свои жизненные траектории.

Общепризнанно, что НГИ должна иметь иерархическую, матрешечную структуру, где каждый низший элемент — элемент меньшего «радиуса действия»; на высшем уровне содержание низших уровней содержательно трансформируется, и напряжение снимается. В разных текстах эта мысль выражена по-разному.

Патриотизм репрезентируется неременным аспектом НГИ практически всеми авторами. Как аспект идентичности вообще, патриотизм подразумевает *интенсивное, позитивное и безальтернативное* чувство принадлежности к национально-гражданской общности, его осознание и позитивное принятие.

Как формировать?

За исключением текстов, относящихся к области образования — от дошкольного до вузовского, — вопросы технологии формирования идентичности не обсуждаются; не исключено, что технологии обсуждаются просто в другой рубрике — не в связи с гражданской идентичностью.

Все без исключения тексты (не считая педагогических), в которых проблематизируется формирование идентичности, сфокусированы исключительно на содержательной (что?), а не на технической (как?) стороне вопроса.

Национально-государственную идентичность (НГИ) должны формировать, прежде всего, политические институты, политические не по научному определению, а по функциям; к политическим институтам относятся государственные органы, СМИ, образование; роль общественных организаций и объединений в формировании НГИ активно не

освещается; специфическая роль СМИ в эпоху глобализации в дискурсе НГИ не обсуждается; в СМИ скорее видят / хотят видеть «аппараты культуры» эпохи, когда идеологии производились интеллигенцией.

Таким образом, освещается формирование НГИ «сверху» и не освещается формирование НГИ «снизу». «Низовое» формирование «не видится» либо как *естественное*, либо как *неконтролируемое (нерефлексивное, не поддающееся научной рефлексии, освещению)*.

На уровне теории подавляющее большинство авторов разделяет принципиальную возможность формировать «воображаемые сообщества», но не стоит на позициях радикального конструктивизма — не разделяет идею о том, что принципиально сконструировать можно любую идентичность из любого «материала», из любых базовых культурных элементов.

Неверие в безграничные возможности конструирования идентичности прочитывается не только в оценках качества (содержания) наличных базовых культурных элементов, используемых в конструкциях, но и в качестве производства работ по конструированию.

Поскольку НГИ дискурсивно полагается, пусть с различными оговорками у разных авторов, фундаментальной для граждан России, то ищутся следующие ее компоненты:

- 1) Надежные содержательные элементы, которые должны быть положены в основу НГИ. Разные авторы в разных конфигурациях предлагают более интенсивно (чем ранее) использовать уже имеющиеся этнокультурные ресурсы — язык, ценности, нормы поведения. При этом регионоцентричные авторы зачастую указывают, что интенсивное использование локальных этнокультурных ресурсов предполагает их активное изучение, критическое переосмысление применительно к современной повестке дня и тиражирование (повышение доступности), что требует финансового обеспечения. Однако авторы, ориентированные на продвижение общероссийской идентичности утверждают, что в подобной трактовке использования локальных этно/социокультурных наследий стирается грань между *объективным и естественным* использованием готового наследия и *искусственным приписыванием* новых смыслов бытующим традициям, доходящим даже до изобретения таких традиций артефактов (новодела), которых история не знала (в качестве примера называется «возрождения» язычества в Чувашии). Главная цель же поиска надежных элементов с устойчивым содержанием — противостоять текучести *постмодерна (высокого модерна)*, «заземлить», укоренить в *родную* почву формируемую НГИ; так, чтобы на *не поддающемся полному контролю рынке воображаемых идентичностей* повысить шансы на то, чтобы граждане РФ выбирали патриотическую НГИ россиян;
- 2) Правильные цели. Следует формировать идеологические представления (для этого *власть* должна определиться с содержанием идеологии) или фундаментальное мировоззрение у россиян. Недостатки всякой идеологии видятся (а) в ее слабой конкурентоспособности — из-за негибкости — на фоне иных продуктов, которые могут быть худшего качества, но отвлекать от интериоризации предлагаемых *правильной* идеологией представлений. Недостаток программы по формированию мировоззрения видится в ее элитарности и в недостижимости цели малыми затратами: выработка (при институциональной поддержке) целостного

и устойчивого мировоззрения принципиально не всем объектам социализации под силу;

- 3) Правильные институты воспитания подрастающих поколений. Полемика о правильности институтов сводится к вопросу о том, кто должен заниматься *воспитанием*. Одна группа авторов анализирует возможное участие СМИ и рекламы, как важнейших институтов влияния, , однако скептики отмечают, что у «рыночных» институтов влияния нет достаточного опыта в социальной рекламе, чтобы организовать систематическое воспитательное воздействие (по образцу хотя бы идеологических институтов). Другая группа авторов основные надежды связывает со школой, но только с *обновленной, аутентичной школой*, которая способна незаметно, исподволь, за счет таланта педагогов формировать патриотическую НГИ; но как *обновить* школу — остается неясным. Третья группа авторов обсуждает возможность участия в воспитании религиозных институтов, и светских сторонников у этой идеи совсем немного;
- 4) Правильная иерархия содержательных элементов, из которых следует строить НГИ. Во многих текстах угадывается, что в соответствии с «матрешечной» структурой, фундаментальный аспект идентичности должен концептуально встраиваться в легко доступную для понимания концептуальную иерархию. Кажется, подавляющее большинство сходится на том, что таким концептом может служить культура: локальная культура («культурка») на практике взаимодействует с культурами других локусов в рамках более широких культурных ареалов; венчает иерархию синтез мировой (не обязательно глобальной, к которой у авторов проглядывает подозрительное отношение: подозревают в ее авторстве США, мировую закулису, ТНК...) культуры. Здесь главное предохраняться от дезинтегрирующей политизации культурных различий на низших уровнях иерархии.

Наибольшее недоверие вызывает то, что конфессиональный аспект может служить фундаментальным элементом; озвучиваются разные объяснения:

- 1) из-за сильного дезинтегрирующего потенциала на низших уровнях,
- 2) из-за доктринальных сложностей (ввиду строгих кодификаций) на пути к синтезу на высших уровнях концептуальной иерархии,
- 3) из-за недоступности понимания «паствами» идеи, что все боги сходятся в одном концептуальном пространстве. Концепт культуры этих трудностей не вызывает.

По сходным причинам полагается, что фундаментальным элементом не может служить и этничность. Политическая (партийная, политико-идеологическая) и социальная (слоевая и классовая) идентичности также малопригодны для конструирования общественного целого наподобие *концерта из разных инструментов*, ввиду их неартикулированности в современном российском обществе.

Все отличительные / различающие идентичности могут и должны синтезироваться культурой и в культуре.

Сказанное НЕ означает полное исчезновение логики примордиализма — поиска неких базовых, устойчивых и надежных оснований — из академического дискурса. Логика примордиализма сильна при обсуждении выбора базового элемента для строительства НГИ. Но примордиалистский дискурс стало прилично маскировать — в этом можно видеть показатель тенденции к дальнейшей модернизации дискурса, мышления наци-

ональной идентичности. Поэтому диагностировать текст как примордиалистский, как правило, довольно трудно.

Технологически, структура НГИ выстраивается по образцу административно-территориального деления: внизу находится территориально-поселенческая единица, на среднем уровне региональная (в случае республик — этнорегиональная) и суперрегиональная (соответствует примерно федеральным округам), высшему уровню всеобщей НГИ (примерно) соответствуют государственные границы РФ; в мировом горизонте НГИ получает статус особенного. Иерархия соответствующих структурным уровням культур выступает аналогом динамического элемента в механике (вос)производства НГИ, в котором предстоит гармонизировать и синтезировать всевозможные различия.

Каких тем нет в обсуждении национально-гражданской идентичности?

В общей картине аспектов НГИ и технологий ее формирования совсем или почти совсем не представлены некоторые важные темы.

Инициативная гражданская активность

Очень слабо — избирательно и невинно — представлено институциональное поле гражданского действия, направленного на формирование повестки дня, корректировку политик и активную обратную связь на управленческие воздействия. Критики этого недостатка находят, что власть заинтересована в усеченном и архаичном варианте гражданства — подданстве; некоторые обозначают эту ситуацию отрицанием в России запроса на проект гражданской идентичности, предполагающей активное и инициативное гражданское участие. Усеченное гражданство сводится к поддержке проводимых властью реформ и охранительству общественного порядка.

Немногочисленные демократически мыслящие авторы видят в спросе государства на подданство барьер к эффективному формированию гражданской идентичности. Но большинство авторов демонстрируют близость к консервативной позиции и лояльность к патерналистски трактуемому гражданству — с упором на гражданские обязанности и затушевывание прав личности (прав человека).

Пространство экономической (хозяйственной) деятельности

В дискурсе НГИ совершенно отсутствует пространство экономического действия, а следовательно, и всех аспектов идентичности и технологий формирования, с ним связанного — профессиональной и социально-классовой. Здесь возможны два вывода: либо старая добрая сталинская концепция (включающая экономику) превосходит модель НГИ по сложности и пригодности к имплементации, либо преимущество дискурса НГИ нужно видеть в его актуальности, созвучности постмодерну с его политэкономией исключительно символического обмена, пренебрегающего референтностью обмениваемых символов.

Текущая дискуссия о НГИ не затрагивает проблематику (модернизационной) трансформации) социальной структуры российского общества.

Миграция

Также в контексте НГИ не обсуждаются проблемы иммиграции в РФ, натурализации и притока трудовых мигрантов (их интеграции в российское общество или сегрегации).

Рекомендации относительно направлений дальнейших исследований российской гражданской идентичности

Ключевые рекомендации

Ключевая рекомендация 1: планировать исследования российской гражданской идентичности с учетом принятой (обновленной) Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в которой (см. п. 6):

- национальная безопасность трактуется как состояние защищенности от угроз различных типов трех равнозначных (аналитически выделяемых) целевых объектов — **личности, общества и государства**;
- защищенность **личности, общества и государства** сводится к двум целевым (аналитически выделяемым) объектам:
 - 1) граждане РФ — в аспектах реализации конституционных прав и свобод, достойного качества и уровня их жизни;
 - 2) Российская Федерация — в аспектах суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, устойчивого социально-экономического развития.

Таким образом, Стратегия национальной безопасности своим объектом неизменно имеет целое Российской Федерации и предполагает защищенность составных ее частей (в территориальном, этническом, культурном и др. всевозможных аспектах) независимо от целого Российской Федерации.

Кроме того, в новой редакции «Стратегии национальной безопасности» в перечень национальных интересов России включено сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей и исключено деление стратегических национальных приоритетов на приоритеты национальной безопасности и приоритеты устойчивого развития. Как сообщает «Интерфакс» со ссылкой на заместителя секретаря Совбеза России Владимира Назарова, новый подход подчеркивает равнозначность и неделимость безопасности и развития.

Это особенно важно с учетом того, что подавляющее большинство проанализированных текстов ориентировано не на развитие, не на будущее, а на защиту традиционных ценностей и тем самым на сохранение прошлого.

Ключевая рекомендация 2: планировать исследования российской гражданской идентичности не впрок, не на отдаленную перспективу, а с учетом конкретных политических ориентиров или принципов.

Что уже исследуется

1. Открытых масштабных и предметных исследований именно гражданской идентичности в 2010–15 гг. не проводилось; в отличие от 1990–2000-х годов.
2. В 2010–15 гг. продолжались замеры в отдельных регионах, в основном в республиках, доли граждан, приоритетно идентифицирующих себя с Россией или соответствующую

щим субъектом федерации; прослеживались связи между приоритетными идентификациями и этническим, культурным, конфессиональным самоопределением. Сравнения с «русскими» областями демонстрировали 2 обстоятельства:

- 1) в сравнении с республиками слабую региональную идентичность «русских» областей,
- 2) приоритет республиканской идентичности перед общероссийской особенно среди представителей титульных этносов.

Подобные замеры, судя по описаниям, делаются в рамках модели соотношения региональной и общероссийской идентификации по типу сообщающихся сосудов: перевес региональной идентификации над общероссийской трактуется как признак потенциальной угрозы сепаратизма.

Такая модель предполагает упрощенную, строгую и однозначную иерархию — постоянное верховенство более сложного установочного образования по отношению к более простым — и слабо учитывает особенности коммуникативной ситуации опроса.

Такие замеры производятся в интересах политического управления.

3. Появились и измерения региональной идентичности, ориентированные на задачи экономической политики регионов: на повышение инвестиционной привлекательности региона для привлечения внешних инвестиций. Концептуально различаются два вида проектов:

- 1) экспликация **наличных** специфических привлекательных характеристик региона — поиск формулировок для понятного и привлекательного (маркетингового) предъявления **того, что уже есть в наличии**; такие проекты могут включать реставрацию и улучшение логистической доступности к «региональным жемчужинам»;
- 2) конструирование **некогда утраченных либо никогда не существовавших** специфических привлекательных характеристик региона.

Оба вида проектов могут отличаться по потенциалу политизации специфичности.

Принципиально важно иметь в виду, что потенциал политизации не связан с качествами региональной специфики (культура, раса, конфессия) и интенсивностью ее проявления; потенциал политизации связан, прежде всего, с прагматикой элит (или претендентов на статус элит).

4. Гражданская идентичность в подавляющем большинстве работ понимается, прежде всего, как результат самокатегоризации, самоописания в качестве гражданина страны.

Принципиально важные для описания гражданской идентичности характеристики такие как аттитуды к органам власти и общественным институтам, приверженность определенным ценностям, устойчивое социальное поведение (например, гражданское участие), чаще измеряются и анализируются в отрыве от гражданской идентичности⁴.

О культурных аспектах гражданской идентичности много пишется, но систематических замеров нет.

5. Упоминания о локальных мониторингах сформированности гражданской идентичности в школах относятся к первому десятилетию 21 века; источников с результатами подобных мониторингов за 2010–15 гг. не найдено.

⁴ Исключение составляют работы Л.М. Дробижевой с коллегами.

Что и как рекомендуется исследовать

Есть большие резервы усилить исследовательское направление общероссийской гражданской идентичности, как минимум, в тематическом и теоретико-методологическом аспектах.

Теоретико-методологический аспект

1. Один из ресурсов теоретико-методологического усиления исследований гражданской идентичности видится в *практическом* освоении достижений теорий социальной идентификации Г. Тэджфела и социальной категоризации Дж. Тернера; обе теории тематически и методологически тесно связаны между собой, имеют огромный корпус литературы, сторонники и последователи этих теорий оформили множество школ в разных странах и университетах, что существенно обогащает эмпирическую базу для теоретических построений; обогащает эти теории и наличие критиков и «схизматиков-сектантов», отколовшихся от широкого и разнообразного мейнстрима этих теорий.

В российских источниках за отчетный период имена лидеров указанных теоретических школ регулярно цитируются, однако следы инструментального освоения этого теоретического направления заметить трудно.

Главное преимущество: теория развивается посредством лабораторных и натуральных экспериментов; культура натурального (естественного) эксперимента позволяет в качестве метода сбора данных использовать и опросный метод — главное, тщательно строить выборки для межгрупповых сравнений (которые совсем не обязательно должны быть объемными и общенациональными).

Лабораторные эксперименты, устанавливающие влияние различных факторов и ситуативных переменных на актуализацию различных механизмов и аспектов идентичности, — незаменимый инструмент при планировании (предварительной апробации) формирующих сообщений. Важность экспериментального исследования формирования идентичности на данном этапе видится, прежде всего, в специфике феномена идентичности: избыточные и неадекватные усилия по формированию могут давать осязаемый обратный эффект.

Освоение теорий, в частности позволит применять более тонкие теоретические модели соотношения региональной и общероссийской идентификации; отказаться от упрощенной конструкции «сообщающихся сосудов».

2. В регулярные мониторинги социально-экономических и социально-политических показателей (диагностирующих, например, протестный потенциал и сходные по смыслу показатели) вполне доступно включать показатели, измеряющие разные аспекты гражданской идентичности. Базой для таких замеров могут быть опросы типа георейтингов ФОМ.

3. Аспект развития / модернизации социальной (социально-профессиональной) структуры российского общества в целом и региональных социумов в частности в связи гражданской идентификацией (в том числе в контексте снижения объемов «экспорта мозгов») целесообразно измерять на выборках, отдельно репрезентирующих (пусть достаточно грубо) социальные и социально-профессиональные группы. (Работа с такими выборками успешно ведется, например, ВЦИОМ по решению задач, лишь косвенно связанных с гражданской идентичностью).

4. В освоение — рецепция, адаптация и самостоятельное развитие — достижений теорий социальной идентификации Г. Тэджфела и социальной категоризации Дж. Тернера неограниченный вклад могут внести «мягкие» этнографические методы, в том числе экспедиционные форматы, получающие распространение в академической работе и прикладных исследованиях.

Небольшие этнографические проекты полезно проводить и в качестве поискового этапа для масштабных замеров, и параллельно экспериментальным проектам, и после масштабных замеров (мониторингов) для уточнения интерпретаций собранных данных.

Тематический аспект

Тематически исследования гражданской идентичности могут быть существенно расширены.

1. Исследования гражданской идентичности логично включить в «систему выявления и анализа угроз в информационной сфере, противодействия им»⁵.

Имеется достаточно теоретических оснований для того, чтобы сформировать компактную операциональную модель гражданской идентичности для ее систематического исследования в связи с текущими и стратегическими задачами государственного управления.

2. Учитывая теоретические положения о том, что идентичность (любая) формируется в системе типичных и актуальных сопоставлений в терминах значимых социальных категорий, содержательными стержнями для замеров, экспериментов и этнографий могут активнее использоваться актуальные противопоставления типа «Россия – Украина», «Россия – Европа», «Европа – Азия», и др. Разумеется, противопоставления могут отражать не только цивилизационные или макрорегиональные, но и оппозиции из области экономики, техники (айти, гаджеты), моды, молодежной (суб)культуры и т.п.

3. Перспективно использовать опыт локальных мониторингов сформированности гражданской идентичности в школах. В ходе разработки такого мониторинга (как следствие) может быть уточнена и доработана, особенно в аспекте операционализации (!), действующая концепция школьного воспитания.

⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. П. 47.

Введение: теоретико-методологические замечания

Теоретические неудобства с «идентичностью»

Прежде чем перейти к описанию смыслового пространства академического разговора о гражданской идентичности, сделаем некоторые замечания о ключевом понятии.

«Идентичность» не самое простое понятие для аналитических обзоров, как минимум, по нескольким основаниям. Во-первых, ввиду отсутствия у этого понятия собственного предметного содержания; во-вторых, ввиду различий в правилах порождения различных *дискурсов идентичности* в зависимости от того, кто, кого, с чем и ради кого / чего идентифицирует (отождествляет); в-третьих, ввиду различий в прагматике порождаемых дискурсов идентичности; в упрощенном виде следует различать, как минимум, разговор-описание того, что есть, и разговор-изменение того, что есть.

Дискурсы идентичности: коммуникативный подход

У «идентичности» может быть только несобственное содержание. Его привносит идентификатор, отождествляя объект своего внимания с чем-то, что он *полагает* для себя непроблематичным, понятным, *обладающим набором некоторых характеристик*. Например, идентификатор себя (или кого-то) называет (отождествляет с) горшком и соответственно лезет (ставит его) или не лезет (не ставит) в печку. Успех следующего за (само)идентификацией действия (сгорел или нет) зависит от более или менее верного установления референции — установления тождества. Настоящему горшку печка не страшна, тогда как ошибочная идентификация ведет к неудовлетворительному результату и для наивного идентификатора, и для наивного объекта идентификации.

Фольклорный сюжет можно усложнить, если место печки займет живой, заинтересованный наблюдатель. В этом случае идентификация становится частью коммуникации, которая предполагает адресат. Кто-то нуждающемуся в помощи третьему лицу (адресату) рекомендует (идентифицирует) кого-то в качестве врача. Ясно, что в каждой конкретной ситуации верность или ошибочность установления тождества будет иметь различные последствия для всех троих участников. Заявленное кем-то тождество подвергнется практической коллективной проверке на фальсификацию.

Здесь важно иметь в виду, что *идентификация* имеет четыре валентности; рассматривая процесс идентификации и его результат «идентичность», полезно различать четыре ипостаси:

- 1) идентификатора — того, кто идентифицирует, отождествляет,
- 2) объект идентификации — кого идентифицируют, отождествляют с референтом,
- 3) референт — то, с чем идентифицируется, отождествляется объект,
- 4) наблюдателя — для кого производится идентификация, на кого ориентирован, кому адресован акт идентификации.

Именно этой четырехместности мы обязаны многозначностью этого понятия. Именно этой многозначности мы обязаны тем, что, находя в заглавии текста ключевое слово «идентичность», мы не можем с уверенностью определить, о чем собственно идет речь.

По существу различные сочетания этих ипостасей конституируют разные типы идентичностей. Однако не все возможные с формальной точки зрения сочетания ипостасей представляют интерес. Ключевую роль играет идентификатор — субъект идентификации. В зависимости от его отношений с другими ипостасями полезно различать три вида идентификации, и соответственно три вида *идентичности*.

Если субъект и объект идентификации совпадают, речь идет о самоидентификации. Однако в зависимости от того, кто является заинтересованным наблюдателем, мы имеем два разных случая.

1. Если адресат самоотождествления одновременно совпадает с субъектом и объектом идентификации, мы имеем дело с *самоидентификацией* (или самокатегоризацией) как самоописанием в терминах некоторых референтов, характеристик; мы имеем дело с самопознанием. Результатом самоидентификации является Мы-идентичность, или *наш* образ, образ того, как мы видимся себе, образ того, кто, какие мы *есть* для себя.

2. Если самоотождествление ориентировано не на себя, а на *другого*, мы имеем дело с (*само*)*презентацией*, или, возможно, с *политикой* идентичности — с Я/Мы-идентичностью-для-Других, которая непременно содержит нормативный компонент; то есть отражает не столько сущее, сколько ситуативно желаемое (не обязательно должное).

Этими другими в дискурсе можем выступать мы сами — россияне, но квалифицируемые пишущим от имени россиян идентификатором как неаутентичные, как отличные, отчужденные от своего собственного существования.

3. О третьем употреблении можно говорить тогда, когда субъект и объект идентификации не совпадают. В этом случае можно говорить о категоризации другого, например, Нас-идентификации. Яркий пример такой недоброжелательной идентификации дал И. Гофман, который предложил называть ее *стигматизацией*, а соответствующий результат — стигмой⁶. В дискурсе этого употребления речь также может идти о политике навязывания идентичности.

Случаи идентификации (стигматизации) извне (Нас-идентичности) и политики идентичностей (Я/Мы-идентичности-для-Других) с точки зрения концепции социального конструирования реальности в ходе символического взаимодействия принципиальных отличий не имеют. В обоих этих случаях при описании идентификационных процессов используется сходный концептуальный аппарат. Однако принципиальным отличием является позиция наблюдателей, которые преследуют различные интересы, вкладывают в дискурс идентичности различные смыслы.

В нашем случае, в коллекции источников, мы, за редчайшим исключением, не имеем внешних наблюдателей, поэтому для настоящего обзора принципиально важно различать первые два дискурса — дискурс самопознания и дискурс презентации себя Другому (который может пониматься / конструироваться как иное Мы).

Говоря о таком сложном объекте, как идентификация, нужно иметь в виду, что каждый автор (отождествляющий идентификатор) имеет возможность и склонность, осознаваемую или нет, в трактовке объекта идентификации Мы понимать как все целое, так и какую-то его часть: поэтому непременно следует видеть специфику объекта Мы-Россия / мы-россияне. Так мы можем иметь дискурсы самопознания православной (мусуль-

⁶ Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. London: Penguin, 1963.

манской, атеистической и т.п.) и поликонфессиональной Мы-России, Мы-России пролетарского уралвагонзавода, Мы-России «хомячков» среднего (вечно недобитого) класса и Мы-России олигархической, элитарной. Подстановка разных частей вместо целого Мы-Россия порождает несходные и противоречащие друг другу (якобы само)описания. В аналитическом обзоре типичные синекдохи (подмены частью целого) следует различать наряду с различием дискурса самопознания и дискурса самопрезентации.

Прагматика дискурсов гражданской идентичности

Различие между дискурсами самопознания и самопрезентации перекликается (но не тождественно) с различием между научным (эмпирико-социологическим) и идеологическим (теоретико-философским) дискурсами.

В научном (эмпирико-социологическом) дискурсе *идентичность* трактуется, прежде всего:

- a) индивидуалистически (социологически), а не холистически (не философически) — где вниманию на процессах идентификации на уровне индивидов отдается приоритет, поскольку именно на уровне индивидуального поведения можно надежно измерять реализуемость, эффективность любых — даже самых благонамеренных и вызывающих восхищение интеллектуальной мощью и духовной просветленностью — холистических идентификационных проектов;
- b) социологически (в самом широком смысле (контовском) понимания социологии), а не психологически — как специфический аспект складывания на индивидуальном уровне *социальной* идентичности / *социальной* идентификации в противоположность *личностной* идентичности / *личностной* идентификации; тем самым в понятийный центр мы помещаем значения, связанные с самоопределением индивидов в терминах одних социальных категорий и общностей и одновременным со/противопоставлением с другими социальными категориями и общностями; упор здесь делается не на поиске и оправдании (обосновании) своей уникальности и специфичности, а на обосновании / оправдании своего сходства, на поиске общих оснований для очерчивания смысловых границ *гражданской общности*.

Эти два соображения весьма полезны для того, чтобы различать *научный и философический* разговоры об идентичности; под первым разговором мы понимаем неременное равноправное сочетание эмпирических данных и их теоретическое осмысление; для второго разговора эмпирический уровень играет подчиненную, менее значимую роль, поскольку в нем приоритет безоговорочно отдается теоретической аргументации; если эмпирика не согласуется с теорией, то тем хуже для эмпирики.

Первый разговор ориентирован на понимание функционирования того, что есть; второй разговор в большей степени ориентирован на изменение наличного существования — то, что говорящий считает должным, желаемым или возможным изменить. Вторым разговором напрямую сопряжен с политиками идентичностей, то есть в большей степени с практической деятельностью, чем с познанием, как специфической деятельностью, аналитически предшествующей практическому действию.

Отбор источников

В обзоре использовались 2 вида источников: академические и поллстерские.

Под академическими источниками мы понимаем все виды научных публикаций, под поллстерскими источниками понимаем открытые материалы, представленные в открытом доступе на сайтах наиболее авторитетных организаций, регулярно реализующих собственные *социологические* опросы по национальным и региональным выборкам и публикующих по их результатам аналитические материалы. В число таких организаций мы включили Институт социологии РАН, ФОМ, ВЦИОМ, Левада-центр.

В академическом дискурсе представлены два субдискурса: *научный и философско-публицистический*. Исходно была интенция последовательно распределять их по разным рубрикам, но в конце концов выяснилось, что в «ящике» научных текстов оказались статьи, по структуре очень похожие на поллстерские — в них обильно представлена эмпирика, но теоретические высказывания даются как *ad hoc* интерпретации (часто с претензией на статус объяснения), либо как исходные посылки — а не как подлежащие проверке гипотезы⁷.

Все виды источников отдельно представлены в библиографическом списке в Приложениях.

Академические источники

Источники отбирались по ключевому слову «идентичн*» из следующих трех источников, ориентированных на аккумуляцию сведений преимущественно об академической литературе:

- база РИНЦ,
- электронный каталог РГБ,
- электронный каталог ИНИОН РАН.

Не использовались государственные библиографические указатели, поскольку доступные электронные ресурсы оставляют мало возможностей для систематических тематических запросов, а работа с бумажными источниками потребовала бы слишком много временных ресурсов.

Использовалось одно усеченное слово, исходя из знаний о специфике электронных поисковых систем, о не/эффективности их работы с различными информационными запросами.

С помощью ключевого слова были сформированы 3 базы источников: РИНЦ — 895 источников, РГБ — 1298, ИНИОН — 1351 источник.

Отбор производился пошагово.

Первым шагом отбирались только источники, вышедшие в 2010–2015 гг.

Вторым шагом из базы удалялись тексты, не относящиеся к широко понимаемым «общественным и гуманитарным наукам»; чаще всего диагностика для отсева основывалась на заглавии источника, типа:

*Малоотходная технология формирования ткацкого навоя на основе получения **идентичных** сновальных паковок*

⁷ Напрашивается вывод по аналогии с известным отрицанием развития теоретической социологии в России А.Ф. Филипповым, несмотря на признание того, что социологи-теоретики в России есть (и хорошо выглядят): специалисты с учеными степенями по гражданской идентичности есть, а научного дискурса — нет. Вывод напрашивается, хотя авторы понимают его спорность.

На этом шаге как нерелевантные были удалены источники с психологическими и психоаналитическими трактовками (личной / личностной) идентичности.

Третьим шагом все три базы были слиты в одну, после чего повторы — довольно многочисленные — были удалены.

На этом шаге обнаружались принципиальные различия между поисковыми результатами, собранными в трех базах.

РИНЦ не напрасно имеет репутацию базы одновременно не слишком разборчивой в источниках и несистематичной в их представлении, что звучит парадоксально. Поисковая машина своевольна: на один и тот же запрос в разное время выдает списки, существенно отличающиеся друг от друга по объему и номенклатуре; эти отличия целиком не объясняются постоянным пополнением источников. По-видимому, РИНЦ также отличается слабая стандартизация в подборе ключевых слов и аннотаций к размещаемым источникам. Впрочем, это отдельная и большая тема.

На фоне РИНЦ «машины» РГБ и (особенно) ИНИОН строятся более профессионально, однако у них есть свои ограничения.

РГБ гораздо лучше представляет книжные издания (монографии и сборники), тогда как ИНИОН представляет все виды печатных изданий. Универсальность РГБ в нашем случае служит недобрую службу, поскольку пришлось исключить более половины исходно отобранных источников, как тематически нерелевантных; в РГБ довольно часто один и тот же источник описан более одного раза, и не всегда описания одного источника идентичны друг другу.

База ИНИОН по определению охватывает только общественные науки, поэтому «шума» в ней исходно меньше. Ключевые слова подбираются наиболее тщательно (по сравнению с другими базами), а кроме того, ключевые слова включены в систему циклических ссылок, так что к каждому источнику можно увидеть список тематически сходных источников, не все из которых входят в выдачу на исходный поисковый запрос, что является очень серьезным преимуществом перед РГБ.

Однако несчастье, постигшее ИНИОН, существенно снижает ценность самой базы: (1) копии подавляющего количества описанных документов читателю в настоящее время недоступны; (2) электронный каталог фактически прекратил обновление в момент наступления несчастья: в минимальной степени представлены источники 2014 года выпуска, 2015 года нет вообще.

Итоговую версию общего списка составили 457 источников.

Четвертым шагом все источники списка рубрицировались тематически, в результате чего была получена тематическая группировка источников о социальной идентичности в самом широком понимании «социального».

Поскольку гражданский аспект идентичности является лишь одним из многих аспектов, на **пятом шаге** утонялись границы **академического дискурса гражданской идентичности**. В частности, производилось аннотирование источников и уточнение их тематической рубрикации, в результате которых также уточнялась релевантность источников — обоснованность их отнесения к **академическому дискурсу гражданской идентичности**.

В итоге, для обзора академических публикаций 2010–2015 гг. о состоянии и перспективах развития российской гражданской идентичности были отобраны 238 источников.

Таким образом, 219 источников, отобранных в трех базах по ключевому слову «идентичн*» оказались нерелевантными для освещения гражданской идентичности; главных аргумента для выбраковки два: (1) разговор напрямую (ни косвенно, ни через оппозицию, ни по умолчанию) не касался темы гражданской идентификации; (2) тексты были плохого качества — тематически противоречивые, часто без артикулированных поставленных автором целей. Также к нерелевантным отнесены сборники коротких тезисов конференций («братские могилы»).

Прикладные исследования

Поллстерский разговор представлен материалами с сайтов наиболее авторитетных организаций, регулярно проектирующих и реализующих собственные *социологические* опросы по национальным и региональным выборкам и регулярно публикующих по их результатам аналитические материалы. В число таких организаций мы включили Институт социологии РАН, ФОМ, ВЦИОМ, Левада-центр.

При поиске авторы обзора ориентировались на рубрики, представленные на сайте каждой организации. В обзор включены только открытые источники.

К материалам поллстеров также отнесены 6 источников из академического дискурса, в которых представлены результаты многолетних замеров идентичностей; авторы 4 из 6 источников используют данные опросов, проведенных с участием Института социологии РАН, 1 источник опирается на региональный опрос (в Мордовии), подготовленный по мотивам опросного инструментария Института социологии РАН для сравнимости; 1 источник содержит описание инициативного авторского проекта.

1. Академический дискурс

1.1. Тематическая логика академического дискурса о гражданской идентичности

Общая структура

Тематическая логика разговора о гражданской идентичности представлена в табл. 3.

Дискурс гражданской идентичности тематизируется в трех сегментах. Центральный сегмент составляет литература о собственно гражданской идентичности россиян.

Периферийных сегмента два: (1) репрезентация темы гражданской идентичности россиян через иное, то есть, через понятие культурной идентичности; (2) холистский разговор об идентичности России.

Таблица 3. Тематическая структура академического дискурса гражданской идентичности⁸

Идентичность	Аспект 1	Аспект 2	Проблема	N
Центр				
Гражданская				179
	гражданский			4
	национальный			98
			формирование	29
			модернизация	5
			глобализация	8
		государственный + политический		3
		культурный		11
		конфессиональный		13
		патриотизм		3
		синкретичные варианты		3
	региональный			23
				77
Периферия				
Культурная				18
России				21
	международный			7
	цивилизационный			12
	имперский			2
Поллстерские замеры				6
Философская публицистика				11
	ИТОГО			235

Периферия

Первый периферийный сегмент воспроизводит противопоставление двух полярных трактовок нации: гражданской и этнической (этнокультурной). В отечественной акаде-

⁸ Рубрикация источников целиком представлена в приложении.

мической литературе приоритет современного научного освещения этой дихотомии безоговорочно отдается академику В.А. Тишкову. Источники отчетного периода больше не ссылаются на советского академика Ю.В. Бромлея, а на В.А. Тишкова ссылаются, даже если его идеи перелицовываются в противоположные:

Национальная идентичность базируется на синтезе социальных, культурных, политических идей и ценностей, достигаемом в результате взаимодействия различных конкурирующих моделей идентичности. Во многих странах важной составной частью национальной идентичности являются этническая и религиозная идентичности. Ядро национальной идентичности составляет культура – мощный интегрирующий символический (духовный) ресурс, в силу чего культурная идентичность, в отличие от гражданской идентичности (гражданской «принадлежности» конкретному государству), в большей степени является результатом личностного выбора. Это не исключает участия государства в строительстве национально-культурной идентичности⁹.

Цитирующий автор, признавая полярность противопоставления гражданской и этнической (этнокультурной) трактовки нации, затушевывает в цитате это аналитическое деление и утверждает, что культурная идентичность в большей степени является результатом личностного выбора, чем идентичность гражданская, тем самым помещая формирование гражданской идентичности в период первичной социализации, а формирование культурной идентичности — в период социализации вторичной.

С нашей точки зрения, такая трактовка отличается от трактовки дела В.А. Тишковым, который постоянно отдает приоритет гражданской идентичности перед этнокультурной, что совсем не означает *первичности* гражданской идентичности:

Сосуществование двух разных смыслов для такого политически и эмоционально нагруженного понятия, как "нация", возможно в рамках одной страны, хотя первичность гражданской национальной идентичности для ее жителей незыблема, как бы ни оспаривали данный факт этнонационалисты¹⁰.

Однако независимо от (не)верности прочтения наиболее цитируемого по теме автора, это противопоставление играет важную роль в концептуализации (дез)интеграционных процессов во многих странах с разнообразным населением, включая Россию:

...почему во многих современных обществах, искусно владеющих рациональными методиками и прогрессивными технологиями, не удастся снизить напряженность идентификации, избежать жестких противопоставлений «гражданской идентичности» и «культурной идентичности» как дискуссионной основы при объяснении сути национально-культурной идентичности?¹¹

Отрицание особенности российской ситуации с гетерогенным населением открывает возможности для научного подхода к проблеме — для сравнения и учета чужого опыта.

В целом в этом сегменте нет текстов, где этничность трактовалась бы как-то иначе, нежели в культурном, этнокультурном или социокультурном аспекте.

Противопоставление этнического гражданскому производится не в абсолютной, «манихейской» манере, а аналитически: сознательная гражданская идентичность — это позднее формирование, тогда как этническая в смысле культурная, этнокультурная или

⁹ Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 256.

¹⁰ Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность. 2008 // http://analitiya.ru/zn_00168.htm

¹¹ Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 256.

социокультурная идентичность складывается с самого детства и служит субстратом, на который наслаивается новообразование гражданской идентичности вместе с другими ролевыми идентичностями, формируемыми в период вторичной социализации.

В ряде текстов гражданская идентичность мало упоминается и остается на периферии просто потому, что автор открыто проблематизирует свою озабоченность недостаточным формированием культурной (этнической, этнокультурной) идентичности, как основы для последующего формирования идентичности гражданской.

Отметим, что в категорию *культурной идентичности* отбирались тексты, в которых *культурная идентичность* выполняет, замещает, подменяет собой *гражданскую идентичность* либо ее в себя включает. То есть, *культурная идентичность* трактуется здесь в широком смысле.

За пределы рассмотрения были вынесены тексты, в которых употребление понятия **культуры** подчинялось задаче раскрыть специфику не гражданской, а иной идентичности в узком, техническом понимании — этнической, конфессиональной, правовой и т.п., тексты, в которых высшим горизонтом выступают именно этническая, конфессиональная, правовая и т.п. Идентичности.

Второй периферийный сегмент образуется текстами, где субстратом идентичности мыслятся не россияне, но Россия в целом. Этот «холизм» оправдан в тех источниках, в которых Россия мыслится целостным агентом действия на международной арене, преследующим свои интересы; чтобы отстаивать свои интересы, представление о себе как интегральной целостности диктуется прагматикой ситуации.

Гораздо больший простор для авторского выбора предоставляет холистический субдискурс, где упор делается на поиск своеобразия России в терминах либо особой цивилизации, либо империи. Оба варианта существенно отличаются от перспективы национального государства в гражданском понимании, прежде всего, неопределенностью границ территории, абстрагированием от них, что позволяет отождествлять объект исследования с *русским миром*, независимо от или поверх государственных границ.

Центр

Центр публикационного потока составляют источники, в которых тематизируется гражданская идентичность.

Судя по количественным соотношениям, собственно гражданской идентичностью были озабочены всего 4 автора.

Подавляющее же большинство писателей концентрировались на национально-гражданской (или государственно-гражданской) (98 источников) и региональной (77) идентичности — ее производной базового уровня федерализма.

Разговор о национальном аспекте гражданской идентичности фокусируется исключительно и целиком на государственном образовании Российской Федерации или России, как объекте идентификации. Этот объект идентификации корректно назвать нацией-государством, однако в таком виде его номинация не встретилась. Наличие гражданской идентичности национального масштаба (уровня) ожидается (1) от граждан РФ (формальный признак) (2) в добровольном и позитивном признании своей принадлежности к национально-гражданской общности (субъективное принятие).

Употребление «национального» в значении «этнического» нами не зафиксировано. По-видимому, из русскоязычного научного дискурса этот архаизм ушел.

Тематизация НГИ в региональном аспекте представлена следующими топиками:

- 1) трудности формирования НГИ в этнонациональных республиках с фокусом на нахождение продуктивного сочетания / баланса между титульным языком и культурой, с одной стороны, и русским языком и культурой; с фокусом на сохранение этнической самобытности внутри русскоязычной гражданской общности — Дагестан, Адыгея, Чечня, Татарстан, Башкортостан, Мордовия, Чувашия, Якутия, Хакасия, Алтай;
- 2) трудности недискриминирующего этнические и конфессиональные меньшинства полноценного развития русской этнической культуры (в ее региональных вариантах) и защита социального статуса русского населения от посягательства со стороны «инородцев» — регионы южной и центральной России, Башкортостан;
- 3) поиск номинально русскими регионами квазиэтнических особенностей для уравнения в статусе с этнонациональными республиками — Кольский Север, Сибирь;
- 4) поиск цивилизационного (в том числе трансграничного) своеобразия мультинациональными территориями — циркумполярная цивилизация, Поморье;
- 5) сохранение идентичности российского региона перед вызовом трансграничных обменов — Забайкальский край в отношениях с Китаем.

Политический аспект НГИ трактуется авторами двояко. Во-первых, как электоральная приверженность к партиям (и политическим фигурам) различных оттенков политического спектра. Этот субдискурс, по всей видимости, исходит из признания в качестве одного из фундаментальных аспектов гражданского становления политического самоопределения, которое в странах с устоявшейся партийной системой (США, Великобритания) оформляется в виде партийной приверженности. Видимо, надо признать, что к российской ситуации, по крайней мере, без существенных модификаций этот подход неадекватен.

Во-вторых, исходя из того же представления о фундаментальности для гражданина политического самоопределения, «политическая идентичность» понимается шире, чем партийная приверженность — как «верность общим политическим принципам, ценностям и т.п.», которые относятся не к примордиальным, а к символическим характеристикам сообществ¹². В этом значении «политическая идентичность» синонимична понятию «гражданская» и «национальная идентичность».

Общий вывод о природе политической идентичности в этом фундаментальном, втором значении хорошо выражен в одной из статей:

(1) Коллективная политическая идентичность в России конструируется сегодня вокруг единоличного образа властного лидера, призванного наводить и поддерживать порядок в стране, государстве в целом.

(2) В целом можно констатировать дефицит универсальных, содержательных политических ценностей и целей, которые могли бы служить позитивным основанием со-

¹² Колочарова, Е. Политическая идентичность в социологическом измерении // Вестн. обществ. мнения = Russi. publ. opinion herald. М., 2010. N 1. С. 48; см. также: Кон Х. Идея национализма // Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2001. № 3. С. 419–435.

циальной интеграции в современной России, а также отсутствие потребности в общественной дискуссии по этому поводу, что ведет к отсутствию реальных, открыто-флексированных перспектив политического будущего страны¹³.

Вождизм и бессодержательность — эти характеристики политической идентичности перекликаются с общими характеристиками гражданской идентичности россиян, измененной по другим аспектам.

В собственно национальном субдискурсе гражданской идентичности выделяются несколько терминологических полей, которые концентрируются вокруг:

(а) проблем практической политики — формирование / управление национально-гражданской идентичности:

- (1) ради консолидации российского общества,
- (2) в связи с задачами модернизации российского общества,
- (3) в контексте ответов на вызовы глобализации;

(б) осмысления отдельных аспектов национально-гражданской идентичности в более конкретных понятиях:

- (1) культурный аспект,
- (2) конфессиональный аспект,
- (3) аспект патриотизма (интенсификации позитивного принятия принадлежности к национально-гражданской общности),
- (4) государственный аспект — по сути, тавтология, усиление повтором понятия «национально-гражданской» идентичности.

Отдельную группу (синкретичные варианты) составляют источники, в которых представлено тематическое многообразие отдельных аспектов национально-гражданской идентичности и практических проблем ее производства.

По сравнению с 1990-ми гг.¹⁴ наблюдается изменение в тематическом освещении: обсуждение культурного (этнокультурного, этнического) компонента либо подчинено раскрытию гражданской идентичности, либо имеет самостоятельное значение, безотносительно проблематики гражданской консолидации, например, в собственно этнологических / этнографических работах с фокусом на собственно этничность.

Даже в работах, посвященных цивилизационным аспектам идентичности России, так или иначе затрагивается топика гражданской консолидации.

Можно утверждать, что дискурс российской идентичности за короткий срок пережил некоторую модернизацию — совершил переход из домодерного в уверенно современный, — по крайней мере, в своем академическом сегменте.

¹³ Колочарова, Е. Политическая идентичность в социологическом измерении // Вестн. обществ. мнения = Russi. publ. opinion herald. М., 2010. N 1. С. 56.

¹⁴ Малинкин А.Н. «Новая российская идентичность»: исследование по социологии знания // Социологический журнал. 2001. №4.

1.2. Трактовки понятия «гражданская идентичность» в академической литературе 2010–2015 гг.

Здесь будут рассмотрены определения гражданской идентичности (и других терминов, используемых как её синонимы), даваемые авторами, чтобы определить многообразие смыслов, которые разные авторы вкладывают в это понятие.

Проанализированные источники рубрицированы в зависимости от содержательной трактовки центрального понятия «гражданская идентичность»; грубо различаются следующие трактовки:

- этнокультурная,
- политическая.
- синтетическая (эклектическая)

Тексты вместе с авторами рубрицируются довольно условно, поскольку едва ли не в каждом тексте имеются основания для отнесения к любой из рубрик. Тем не менее, рубрикация опиралась на *ключевые* для текста высказывания, которые определялись экспертно, на основе консенсуса обоих авторов.

Этнокультурная трактовка

Эта рубрика объединяет в себе тексты, в которых делается акцент на определении гражданской идентичности как отождествлении себя в первую очередь с носителями языка, представителями культуры народа, живущего на определенной территории. Либо в трактовку вмешивается идентификация с историческим этническим происхождением.

Этнокультурное измерение идентичности не противоречит гражданскому, однако эти измерения явно или неявно противопоставляются авторами в оппозиции «*естественное–сконструированное*». Речь не идет о естественности, биологичности, природности этнокультуры и искусственности, «культурности» гражданственности. Речь идет о противопоставлении характеристик *режимов формирования* этих идентичностей.

Этно/социокультурная идентичность формируется в детстве, в период первичной социализации — без необходимости делать политизированный выбор из альтернатив между *своими и чужими* внутри *своего мира*, в границах которого *нет чужих*, есть только *свои*; правда, есть близкие и далекие; о последних *мы* знаем, но с ними нет (частых) контактов. Этно/социокультурная идентичность формируется *как бы* естественно, *как бы* преднамеренно, без политизации, без намеренного участия надсемейных институтов, регулирующих взаимодействия в ближнем кругу людей и в непосредственном предметном окружении.

По сравнению с таким представлением о формировании этно/социокультурной идентичности гражданская идентичность неизбежно формируется преднамеренно, искусственно, символически, поскольку объект идентификации выходит за пределы кругозора, непосредственного опыта ребенка.

А.А. Андрюшков, изучая в статье «Формирование российской идентичности как задача образования: мировоззрение, создающее будущее» вопрос необходимости создания специальной практики формирования российской идентичности в рамках системы образования, определяет российскую идентичность как осознание «себя как носителя

российской культуры и гражданина России».¹⁵ Также автор приводит понятие социокультурной идентичности, при обсуждении которой в дальнейшем он использует слово «национальная», что, по-видимому, подразумевает их синонимичность.

Социокультурная идентичность человека — это форма создания вертикальной связи между социальным самоощущением человека и существованием человека в той или иной культурной традиции. То есть, грубо говоря, идентичность — это когда человек может здесь и теперь, в данной социальной ситуации решить, к какой традиции он принадлежит, и определить, что эта традиция является его духовной родиной, служение которой задает для него ценностно-целевой план жизни.¹⁶

А.А. Андриюшков делает акцент на культурном и гражданском элементе национальной идентичности, причем осознание принадлежности к определенной культуре (традиции) обеспечивает выбор поведения, направленного на готовность служить интересам родины, обществу, принадлежащему к той же культуре и проживающему на той же территории.

В статье А.В. Веретевской «Модели формирования наций в условиях полиэтничности» не уделяется внимания определению идентичности, это понятие используется автором как не требующее дополнительных пояснений, видимо, потому, что фокус статьи направлен на построение указанных в теме статьи моделей. Из текста можно извлечь вывод, что автор разделяет понятия этнической и гражданской идентичности

...американское общество сегодня включает в себя большое количество легко выделяемых этнических групп, сохраняющих свою отдельную идентичность. В отношении этнической идентичности это, возможно, и так (хотя лучше всего эту идентичность американцев описывает теория символической этничности Ганса: людям нравится вспоминать о том, кто их предки и отдавать дань традициям иногда, скажем, по праздникам, но переносить национальные традиции в повседневность им уже трудно, но известная идентичность американского гражданина — продукт того самого старого плавильного котла — нигде не исчезла. Каждый американец, будь он этническим китайцем, немцем или русским — носитель специфических американских ценностей, выплавленных из западноевропейских культурных и религиозных традиций с сильным англосаксонским уклоном.¹⁷

То есть этническая идентичность может не вполне совпадать с гражданской, если речь идет о переселенцах, которые сохранили осознание себя как представителей народа своей исторической Родины, носителей традиций (это и есть этническая идентичность). Гражданская идентичность же представляется как принятие ценностей того общества, в котором индивид живет сейчас.

Авторы сборника научных статей «Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации» в предисловии кратко очерчивают круг измерений российской идентичности:

Вопросы российской идентичности охватывают широкий спектр онто-аксиологических измерений: от культурно-исторического контекста, определения со-

¹⁵ Андриюшков А.А. Формирование российской идентичности как задача образования: мировоззрение, создающее будущее // Вопр. образования. М., 2011. № 3. С. 289.

¹⁶ Там же. С.295.

¹⁷ Веретевская А.В. Модели формирования наций в условиях полиэтничности // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сборник научных трудов / Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований; глав. ред. М.В. Ильин. М., 2010. С. 154.

циально-психологических и нравственных ориентиров до специфики системной детерминации общественной жизни.¹⁸

То есть национальная (в данном случае российская) идентичность предполагает осознание своей принадлежности к культуре и истории страны, ориентации на принятые в ней ценности и способы действия и жизни в обществе.

О.Р. Хасянов, главный редактор сборника «Дворянское наследие в конструировании гражданской идентичности: Материалы Всероссийской научной студенческой конференции» и автор одноименного проекта, обобщает определения идентичности (гражданской и вообще), присутствующие в текстах докладов:

Идентичность предполагает усвоение и активное воспроизводство личностью базовых ценностей, традиций, культурных кодов, стереотипов поведения.¹⁹<...>

Таким образом, мы видим, что обращение к истории российского дворянства может позволить выработать общегражданскую идентичность, основанную на патриотизме, уважении к собственности, с понятием чести и достоинства.²⁰

Итак, гражданская идентичность описывается автором как отождествление себя с государством, ценностями, культурой и традициями, нормами поведения в обществе, находящемся в границах этого государства. Но основой гражданской идентичности, как и другие авторы исследований идентичности, Хасянов называет патриотизм, эмоциональное переживание связи с ценностями государства, уважение этих ценностей на индивидуальном и государственном уровне.

Политическая трактовка

Под этой рубрикой собраны тексты, в которых гражданская идентичность выступает как продукт внешнего воздействия на индивида, когда приверженность государству, его ценностям, нормам и законам формируется под влиянием политических сил через СМИ, образовательные структуры.

В.А. Ачкасов в статье «Кризис национальной идентичности и проблемы безопасности России» размышляет об отсутствии согласованных ценностей, на которых должна основываться национальная идентичность российского общества. Автор не дает явного определения национальной идентичности, но на основе его рассуждений можно выделить её ключевые элементы:

И это не случайно, поскольку идентичность является одним из важнейших механизмов личностного освоения социальной действительности, лежащего в основе формирования системы личностных смыслов. В соответствии с субъективно определяемыми идентификациями человек организует и направляет свое поведение. Национальная идентичность выступает мощным фактором формирования этнических групп и их социальных связей. Следовательно, идентификация с национальной общностью мо-

¹⁸ Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации: сборник научных статей / Финансовый ун-т при Правительстве РФ, Каф. "Философия", Российское филос. о-во, Московское филос. о-во / редкол. А. Н. Чумаков (отв. ред.) и др. М.: Проспект, 2014.

¹⁹ Дворянское наследие в конструировании гражданской идентичности: Материалы Всероссийской научной студенческой конференции / редкол.: О. Р. Хасянов (гл. ред.) и др. Ульяновск: Ульяновская ГСХА им. П. А. Столыпина, 2013. С. 4.

²⁰ Там же. С. 5.

жет служить достаточно сильным катализатором массового поведения и политического действия (особенно в кризисном обществе).²¹

Идентичность предполагает составление представлений о внешнем мире (социальной и физической действительности), она формирует поведение. Если говорить о национальной идентичности, то она обеспечивает объединение этнических групп, является двигателем политического поведения. Таким образом, по мнению автора, национальная идентичность является средством легитимации (либо делегитимации) политической власти в ситуации переходного общества и способствует появлению предпосылок национального государства.²²

Л.В. Байбородова в работе «Воспитание гражданской идентичности сельских школьников» опирается на определения гражданской идентичности, сходные с описанными выше. Но, отталкиваясь от цели работы, можно сказать, что автор видит гражданскую идентичность как продукт политического воспитания, в том числе и через образовательные учреждения:

В современных источниках гражданская идентичность трактуется как осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе.

Гражданская идентичность не тождественна гражданству, а имеет личностный смысл, определяющий целостное отношение к социальному и природному миру.²³

Как и другие авторы, Байбородова рассматривает гражданскую идентичность как двигатель поведения, направленного на служение своей стране, то есть она является основой поддержания государства. Автор делает акцент на территориальном и патриотическом аспектах осмысления себя личностью, которые выступают основными для формирования гражданских ценностей, желанию приносить пользу своему Отечеству и малой родине.

Н.А. Галактионова рассматривает понятие гражданской идентичности в статье «Гражданская идентичность как компонент личностной идентичности». В самом общем смысле идентичность определяется ею как осознание себя, сформировавшееся в ходе отнесения себя к определенной группе (классу) людей, имеющих общую характеристику (этническая группа, гражданство и т.д.) или в ходе определения своего места в различных социальных сетях. Идентификация в основном происходит не формальным («явным») образом, она проявляется в нарративах, дискурсе.²⁴ Галактионова подчеркивает, что идентичность не просто означает осознание себя, но также и определение себя относительно других групп людей, других идентичностей. Идентичность имеет двойственную природу: с одной стороны, она «априорна и безусловна, с другой, требует постоянного подтверждения».²⁵ Галактионова анализирует различные виды опре-

²¹ Ачкасов В.А. Кризис национальной идентичности и проблемы безопасности России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит.науки. М. 2010. № 4. С. 64.

²² Там же.

²³ Байбородова Л.В. Воспитание гражданской идентичности сельских школьников // Образовательная панорама. 2015. № 1 (3). С. 64.

²⁴ Галактионова Н.А. Гражданская идентичность как компонент личностной идентичности // Изв. вузов. Социол. Экономика. Политика= News from higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics. Тюмень, 2010. № 1. С. 10.

²⁵ Там же. С. 11.

деления идентичности, приводимые исследователями, в том числе гражданскую и государственную идентичность:

Л. Дробижева различает понятия гражданской и государственной идентичности, государственное и гражданское самосознание [11]. <...>Государственная идентичность - формальная, «паспортизованная», формируемая властью посредством СМИ, образовательной системы, знаков и символов ит.д. Гражданская же идентичность по Л. Дробижевой, характеризуется с точки зрения патриотических чувств личности, для формирования которых необходим комплекс социально-психологических предпосылок.<...>гражданская идентичность может быть осознанной и неосознаваемой<...>.

Таким образом, номинация «россиянин» определяет два аспекта: государственный и гражданский.²⁶

Государственная идентичность, по мнению Н.А. Галактионовой, является присвоенной извне, административным путем. Гражданская идентичность предполагает наличие патриотических чувств к Родине, принятие и служение ценностям страны. При этом она может быть осознанной и неосознаваемой.

А.П. Глухов рассматривает различные определения национальной идентичности в работе «Месседж национальной идентичности в медиуме рекламы»:

А.В. Лукина определяет национальную идентичность «как форму нарратива (повествования) и перформанса (спектакля), разыгрываемого коллективным субъектом о себе, о своем Другом».<...>

Конструкционисты интерпретируют понятие национальной идентичности как интеллектуальный конструкт, создаваемый и навязываемый различными социальными институтами (в том числе рекламой) и элитами общества массам.²⁷

Национальная идентичность проявляется в форме нарратива, а также в ходе определенных действий (это расширяет похожую интерпретацию, приведенную Галактионовой). Еще один аспект, на котором заострил внимание Глухов, заключается в том, что национальная идентичность (как и любая другая идея) насаждается «сверху» элитой посредством СМИ (что особенно действенно в текущей ситуации распространенности СМИ во всех сферах нашей повседневной жизни), с помощью институтов образования – любых каналов, позволяющих воздействовать на массы.

А.Б. Гофман, размышляя о проблеме построения национальной идентичности в современной России, дает лишь краткие определения идентичности:

Идентичность предполагает признание и утверждение автономии и специфических особенностей индивида и (или) общества (группы и т.п.), их легитимности и самооценности. Она имеет два аспекта: «внешний» и «внутренний». По отношению к внешнему окружению группы конструирование идентичности предполагает тенденцию к установлению групповой границы, дифференциации, отличию; последние служат основанием утверждения коллективной автономии. Внутри группы в данном случае она стимулирует сплоченность и стирание разного рода различий.²⁸<...>

То есть идентичность вообще определяется как осознание принадлежности к группе людей, которая является автономной, причем эта автономность признана и является ценностью для представителей данной группы. Внешний аспект идентичности – это от-

²⁶ Там же. С. 11-12.

²⁷ Глухов А.П. Месседж национальной идентичности в медиуме рекламы // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 30.

²⁸ Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 250.

личие группы от остальной части общества. Внутренний аспект – объединение членов группы при осознании сходств между ними, гомогенизация.

Поясняя понятие общенациональной идентичности, Гофман пишет, что она в большей степени государственная – то есть индивид осознает принадлежность к обществу людей, проживающих на суверенной территории, и происходящие на ней события им не контролируются:

...При этом общенациональная идентичность выступает прежде всего не как гражданская, а государственная. Индивиды ощущают себя не столько гражданами, ответственными за свою страну, сколько подданными государства, от которых в жизни страны ничего не зависит.²⁹

При этом государственная идентичность не подразумевает активного переживания ответственности за свою страну, она связана с пассивным отношением к происходящим в стране событиям (и к внешним, даже затрагивающим её интересы). Гражданская же идентичность, как отмечали исследователи выше, предполагает патриотические чувства, стремление действовать в интересах страны, защищать её от внешних посягательств.

Свойство гражданина инициировать отстаивание личных и групповых гражданских интересов внутри гражданского политического сообщества из фокуса зрения авторов выпадает.

Из статьи Ю. Гранина «Формирование Российской нации» можно почерпнуть условия создания национального самосознания (в данной статье этот термин также употребляется как синоним идентичности), а значит, и получить определение этого понятия:

Надо заметить, что войны вообще, и тем более войны победоносные, играли важную роль в формировании и эволюции всех наций. Защищая нацию, государство формирует у своих граждан национальное самосознание — в результате происходит ослабление групповых идентичностей, в том числе этнических. Для обретения идентичности необходима дифференциация по принципу «мы — они», невозможная без формирования национальных стереотипов и идеи превосходства. Превосходство нуждается в подтверждении, а стереотипы способствуют демонизации «других» в качестве врагов.³⁰

Национальное самосознание/ идентичность – осознание своей принадлежности не к этнической группе или другим меньшим общностям, а к нации, находящейся на территории определенного государства, противопоставляющей себя другим, не принадлежащим данному государству обществам, разделяющей идею превосходства над другими нациями. В этом определении акцент сделан на противопоставлении «мы - они».

Статья Л.Х. Дзаховой «Политические партии в формировании гражданско-патриотической идентичности» посвящена актуальному вопросу значимости формирования российской идентичности. Автор пишет, что в настоящий момент приобрели особую важность гражданская идентичность и патриотизм (снова эти понятия разделяются), поэтому политические институты (и не только) направляют свои силы на конструирование общенациональной гражданско-патриотической идентичности:

Общенациональный гражданско-патриотический комплекс значим своим политическим содержанием в нескольких аспектах. Это объединение граждан в поддержке про-

²⁹ Там же. С. 251.

³⁰ Гранин Ю. Формирование Российской нации // Свободная мысль. 2012. № 7-8 (1634). С. 14.

водимых реформ; солидаризация населения в противостоянии экономическим, социальным и политическим вызовам; консолидация россиян в достижении нового уровня политического, мировоззренческого, духовного единства.³¹<...>

Политические партии имеют собственные ресурсы для обозначения своего места и своего вклада в упрочение российской идентичности как гражданской, политической, экстерриториальной, надэтнической и надконфессиональной.³²

Автор в итоге соединяет несколько понятий. Общенациональная гражданско-патриотическая идентичность – это отождествление себя с обществом (граждан России), объединенным в одном государстве, которое может быть неоднородным в принадлежности к религии, этносу, в определении локальных духовных и культурных ценностей, мировоззрении.

В статье В.В. Доржиевой и В.Х. Сахибгоряева «В поисках идентичности: от региональной — к национальной идее» не поясняется подробно определение идентичности, но тем не менее, можно понять, в каком ключе авторы используют этот термин:

Простое наблюдение, порой, способно убедить, что время от времени проблема национальной идентичности напрямую увязывается с вопросами официальной государственной политики. Так кризис распада СССР <...> поставил соотечественника перед вопросами: Кто я? Чей я? Где и как я буду жить дальше? Для многих они звучали и звучат болезненнее, чем вопросы: В чем моя вера? В чем смысл моей жизни? За «белых» или за «красных»? И это не случайно, поскольку первая группа вопросов, в отличие от второй, прорывающейся к глубинам экзистенции, напрямую увязана с практическим бытием, с ощущением перспективы, с чувством уверенности.³³

Получается, что для авторов национальная идентичность – это добровольное осознание себя как гражданина государства, на территории которого он живет сейчас, и уверенность в том, что эта ситуация останется со временем стабильной. Идентификация с ценностями и идеями государства здесь практически отходит на второй план, авторы считают, что только их недостаточно для формирования национальной идентичности, что без уверенности в силе, стабильности и целостности государства люди не будут идентифицировать себя с ним.

В работе «Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ» Л.М. Дробижевой можно найти различные варианты употребления термина идентичности:

Термин «российская идентичность» может иметь разное значение в понимании людей. В силу сложившихся исторических традиций в стране это может быть и государственное, и гражданское самосознание.<...> В России же представление о гражданском сообществе как политической нации только складывается, и нередко люди, отвечая на вопрос о гражданской идентичности, имеют в виду именно принадлежность к государству.³⁴

³¹ Дзахова Л.Х. Политические партии в формировании гражданско-патриотической идентичности // Вестн. Северо-Осетин. гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. Обществ. науки. Владикавказ, 2010. № 1. С. 36.

³² Там же. С. 38.

³³ Доржиева В.В., Сахибгоряев В.Х. В поисках идентичности: от региональной - к национальной идее (постскриптум форума "Стратегия 2020", сентябрь, Магадан, 2010) // Северо-Вост. науч. журн. Магадан, 2010. № 2 (6). С. 23.

³⁴ Дробижева Л.М. Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ // Вестн. Ин-та Кеннана в России. М., 2011. Вып. 20. С. 22.

Автор разделяет понятия государственная и гражданская идентичность, отмечая, что, в зависимости от контекста, в сознании народа они могут совпадать, как в случае России: под гражданской идентичностью в обыденном смысле чаще всего понимается просто принадлежность к государству.

Далее Л.М. Дробижева дает более подробные объяснения разных видов идентичности:

При формировании государственной идентичности волей лидера, политической элитой через средства образования и СМИ идеи, символы и знаки закрепляются в официальных документах, воздействуют на общественное сознание, конструируя лояльность государству, представления о его истории, законах, нормах.³⁵

Государственная идентичность связана, как уже говорилось, с осознанием лояльности, принадлежности к государству, знанием и подчинением его законам, нормам.

В кросскультурных сравнительных исследованиях гражданская идентичность измеряется обычно принятием ответственности за дела в стране ее граждан, готовностью действовать во имя их интересов, доверием к окружающим, участием в политических акциях (выборах и т. п.), чувством солидарности.³⁶

Гражданская же идентичность (самосознание) предполагает «чувство общности с гражданами страны», принятие ответственности за дела в стране, судьбу свою и общества, готовность служить интересам страны (и сограждан), политическую активность.

Во введении к сборнику статей «Идентичность как предмет политического анализа» также проводится разграничение между, казалось бы, близкими видами идентичности:

Имея в виду соотнесенность граждан с политическими институтами и их вовлеченность в политико-институциональное взаимодействие в рамках политической общности, можно говорить о формировании политической идентичности.<...>

В гражданской идентичности соединяются микроуровень (идентичность индивида как гражданина – члена политической нации), и макроуровень (идентичность государственной общности, которая поддерживает институциональные основания политической нации и обеспечивает реализацию гражданских прав через общественные институты).<...>Оно [нормативное содержание понятия гражданской идентичности] наполняет гражданскую идентичность эмоциональными смыслами и может трансформироваться в политическое действие.³⁷

Здесь политическая идентичность – это соотнесение себя с различными политическими структурами и организациями, выступающими от имени граждан. То есть она предполагает осознанно выбранную принадлежность к определенным политическим силам, потому что их цели и идеи совпадают с мнением индивида касательно политических вопросов.

Гражданская идентичность, помимо просто принадлежности к определенному государству и осознания обладания правами в этом государстве, включает в себя эмоциональный патриотический аспект – индивид настолько соотносит себя с принадлежностью к государству, что готов действовать в его интересах. То есть, редакция сборника заключает, что гражданская идентичность структурирует политическую идентичность,

³⁵ Там же. С. 23.

³⁶ Там же.

³⁷ Идентичность как предмет политического анализа: Сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теорет. конф. (ИМЭМО РАН, 21-22 окт. 2010 г.) / Редкол.: Семенов И.С. (отв. ред.) и др. М., 2011. С. 10.

заключает в себе аспект активности, а не пассивной принадлежности. Это согласуется с определениями выше, просто авторами особо выделяется политическая идентичность. Георгян А.Р., рассуждая о процессе формирования гражданской идентичности дошкольников в условиях поликультурного образования, пишет следующее:

Формирование гражданской идентичности призвано обеспечить интеграцию, единство и целостность самосознания личности как гражданина поликультурного общества на основе присвоения системы общечеловеческих нравственных ценностей, свободу его самовыражения на основе учета многообразия социальных установок, норм и ценностей. Базовым идентифицирующим механизмом является патриотизм как чувство приверженности гражданской общности, признание ее значимой ценностью.³⁸

Автор упоминает об особенностях общества, выражающейся в многообразии культур. В такой ситуации, по его мнению, гражданская идентичность предполагает определение себя как гражданина поликультурного государства, понимание и принятие существования множественных социальных ценностей, установок и норм. Но базовым механизмом формирования гражданской идентичности служит патриотический аспект – эмоциональная принадлежность гражданской общности.

Рассматривая необходимость формирования гражданской идентичности еще на этапе первичной социализации граждан, Н.В. Зайцева в статье «Русская народная песня – неиссякаемый источник основ формирования гражданской идентичности современных школьников» также использует разные понятия идентичности:

Именно национально-культурные и гражданские ценности являются прочным фундаментом для формирования российской гражданской идентичности, для воспитания интеллектуальной, нравственной личности, востребованной в современном мире. Все это возможно и достижимо через своевременное усвоение общечеловеческих ценностей и идеалов.³⁹

Российско-гражданская идентичность – это осознание не только гражданской принадлежности, но и своей приверженности национально-культурным ценностям страны. Но при этом автор говорит о том, что у каждого народа (а на территории России их проживает великое множество) есть свои представления о гражданской, культурной и этнической идентичности, и общая российско-гражданская идентичность, по сути, должна допускать многообразие этих пониманий и предлагать ценности, которые будут общими для всех (то есть общечеловеческие).

А. Власова-Ягодина в работе «Эволюция норм этносоциальных отношений: движется ли Россия к единой гражданской нации?» также не дает определения идентичности, хотя использует этот термин. Можно лишь косвенно получить определение гражданской идентичности из понятия «гражданская нация» – это отождествление себя с обществом, живущим на определенной территории в рамках государства, с его культурой и нормативно-правовой системой.

Гражданская нация, напротив, предполагает добровольную принадлежность к территориально-государственной, культурной, и, главное, нормо-правовой общности.

³⁸ Георгян А.Р. Психолого-педагогическое сопровождение процесса формирования гражданской идентичности дошкольников в условиях поликультурного образования // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества. 2014. № 5. С. 42.

³⁹ Зайцева Н.В. Русская народная песня – неиссякаемый источник основ формирования гражданской идентичности современных школьников // Мир современной науки. 2013. № 5 (20). С. 63.

<...>При этом не происходит ни отмены этнической идентичности, ни ее замены территориально-государственной. То есть, границы между национальностями сохраняются, но теряют свою значимость, как в формальном, так и в обычном праве, и, главное, в выборе норм поведения в отношении другого человека.⁴⁰

Автор разделяет понятия этнической и территориально-гражданской идентичности, то есть в первом случае речь идет об отождествлении себя с исторически сложившейся на определенной территории общностью людей, имеющей определенную культуру и традиции. Территориально-государственная идентичность, следовательно, имеет более выраженный аспект отождествления себя с обществом, проживающим на конкретной территории в настоящий момент. При этом между этническим и территориально-государственным концептами есть взаимосвязь: территориально-государственная идентичность не мешает этнической, то есть индивиды могут выбирать, к какой этнической общности они принадлежат, быть этнически разными, но объединенными одной государственной принадлежностью.

Эклектическая трактовка

В эту рубрику отнесены определения гражданской идентичности, авторы которых включили в концепт самые различные аспекты идентичности, то есть, по их мнению, гражданская идентичность одновременно подразумевает и принадлежность к этнической общности, культуре/языку народа, и к государству и его ценностям и законам. К примерам такого подхода получилось отнести один текст.

Н.А. Исмуков в качестве базовых понятий разграничивает национальное сознание и национальное самосознание. Как более близкое к гражданской идентичности понятие нас интересует национальное самосознание. Автор начинает с общего понятия самосознания и определяет его как процесс осмысления личностью своего положения в окружающем мире и в обществе, который начинается с момента, когда личность развивается настолько, что оказывается готова к самоизучению, и затем продолжается параллельно с развитием сознания. А национальное самосознание – частный случай описанного общего понятия самосознания.

Занятая нами точка зрения по отношению к самосознанию личности с полной идентичностью может быть переведена на плоскость сознания и самосознания нации с незначительной лишь проекцией на национально-субъектное своеобразие отражения.⁴¹

Более конкретно национальное самосознание определяется следующим образом:

В научных исследованиях утвердился в целом следующий взгляд на структуру национального самосознания: 1) сознание людей своей принадлежности к определенной этнической общности; 2) приверженность людей к языку и культурным ценностям данной нации или народности; 3) сознание территориально-государственной общности; 4) сознание общности национальных интересов, проявляющееся в большей или меньшей степени в национальном патриотизме.⁴²

⁴⁰ Власова-Ягодина А.А. Эволюция норм этносоциальных отношений: движется ли Россия к единой гражданской нации? // Управление мегаполисом. 2014. № 1. С. 112–113.

⁴¹ Исмуков Н.А. Национализмы: теория и современность // Вестник Российского университета кооперации. 2013. № 2 (12). С. 112.

⁴² Там же.

Указанные четыре пункта Н.А. Исмуков называет структурными элементами самосознания, любой из которых может быть особенно актуален в определенный исторический период, но при этом остальные элементы также активно действуют параллельно. Национальное самосознание предстает как комплексное понятие, включающее этнический, культурно-языковой, территориальный и патриотический аспекты осмысления себя.

Что касается национального сознания, то оно включает в себя национальное самосознание, и

Ориентировано и на отражение лежащего вне своего национального. Оно складывалось в результате длительного процесса восприятия как социальной, так и естественно-природной среды.<...>

Оно представляет собой национальное измерение общественно-политической, правовой, философской, этической, эстетической сторон общественного сознания, их своеобразный национальный срез.⁴³

То есть, национальное сознание предполагает понимание особенностей своей нации в различных сферах, но заключается также и в выделении общего между «национальными общностями». Национальное сознание проявляется на обыденном уровне (характер, темперамент, эмоции, суждения, действия и т.д.). Еще один уровень проявления национального сознания - наличие национальной идеологии, которая превращает национальность в силу, побуждающую к политической деятельности.⁴⁴

Выводы

Одна группа определений (*эkleктическая трактовка*) национального самосознания/идентичности включает в этот концепт аспекты осмысления себя в контексте этнической, культурно-языковой, гражданско-территориальной принадлежности, а также патриотизма (общности национальных интересов). Еще одно определение добавляет в уже написанное новый смысл: осознание своей культурной принадлежности влечет стремление служить интересам государства и общества. И автор этого определения (А.А. Андриушков) употребляет национальную и социокультурную идентичность как взаимозаменяемые понятия.

Группа этнокультурных трактовок. В ряде работ разделяются этническая и гражданская идентичности, особенно в случае изучения народов-переселенцев. Этническая идентичность - осознание себя как представителей народа своей исторической Родины, носителей традиций. Гражданская идентичность представляется как принятие ценностей того общества, в котором индивид живет сейчас. То есть в некоторых определениях из смысла гражданской идентичности исключается принадлежность к культуре страны.

Также есть подходы, в которых уделяется внимание насаждению национальной (гражданской) идентичности властью через СМИ, образовательные институты (*политические трактовки*). Эта точка зрения схожа с указанным далее определением государственной идентичности.

В рамках этой трактовки разделяются гражданская и государственная идентичности. Государственная идентичность – формальное, присвоенное извне гражданство страны

⁴³ Исмуков Н.А. Там же. С.113.

⁴⁴ Там же. С.113.

(либо осознанное самостоятельно, без акцента на стороннее вмешательство), а гражданская идентичность включает в себя ценностную приверженность и патриотическое отношение. В таком смысле государственную идентичность также называют общенациональной. Также в понятие государственной идентичности иногда включается помимо отождествления с государством понимание и соблюдение законов государства.

В некоторых определениях гражданской идентичности подчеркивается осознание принадлежности к мультикультурному обществу, понимание многообразия культурных ценностей. В таком случае индивид идентифицирует себя не с этнической общностью, а с нацией всего государства. В одном из аналогичных определений заостряется внимание на противопоставлении «мы» (гражданская общность) – «они» (другие). Еще в одном определении из этой группы термину идентичности, предусматривающему культурную неоднородность, присваивается название общенациональная гражданско-патриотическая идентичность.

На уровне определений гражданской идентичности и других терминов, используемых авторами либо синонимично, либо субститутивно, господствующую трактовку указать затруднительно, главным образом, предположительно из-за:

- нежелания авторов четко сформулировать, конкретизировать свои трактовки основных терминов,
- неполной, частичной рефлексии авторами собственных (дис)позиций и (дис)позиций оппонентов.

1.3. Трактовки понятия «регионально-территориальная идентичность»: ее отношение к гражданской идентичности

Ниже приводится описание региональной идентичности, которые удалось найти в статье О.А. Богатовой «Социокультурные аспекты региональной и этнической идентичности в полиэтнических регионах РФ (на примере республики Марий-Эл, республики Мордовия и Удмуртской республики)»:

Комментируя эту экспертную оценку применительно к «финно-угорским» республикам Поволжья, необходимо уточнить, что, во-первых, они стали региональными социумами не вследствие формирования особой идентичности, а политического решения о выделении в административные регионы территорий с небольшой долей нерусского населения, действительно имевшего особую (но не региональную) культурную идентичность.⁴⁵

В данном случае речь идет о региональной идентичности как о соотношении себя с территорией, сформированной не исторически, а путем политического решения. На такой территории нет единой особой идентичности, поскольку на ней объединено русское население с малой долей нерусского, есть неоднородность культур. То есть представители разных этнических групп могут идентифицировать себя с одной территорией (регионом), но при этом отождествлять себя только со своей культурой (которая не распространяется на весь регион). И они заинтересованы в том, чтобы региональная специфика не культивировалась среди населения этой территории.⁴⁶

⁴⁵ Богатова О.А. Социокультурные аспекты региональной и этнической идентичности в полиэтнических регионах РФ (на примере республики Марий-Эл, республики Мордовия и Удмуртской республики) // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства РОССИИ. М., 2015. С. 448.

⁴⁶ Там же. С. 455

В статье Е. Манчиной «Факторы формирования самосознания сахалинцев и курильчан: геополитические и правовые итоги Второй мировой войны» в описании формирования населения этих территорий (а значит, и региональной идентичности/самосознания) подчеркивается, что объединенные в одном регионе индивиды могут характеризоваться разнообразием не только культурной и этнической принадлежности, но и социального положения, неоднородностью в лояльности и поведении во время войны:

В то же время появляется тенденция к обособлению и формированию нового, особого островного, регионального менталитета с ориентацией на потенциал перспективного развития края. <...> Названные условия жизни определяют вращение людей в ареалы обитания и формирующуюся социокультурную среду, которые естественным образом формируют особое региональное сознание поколений островитян. Однако у сахалинцев и курильчан при всей их привязанности к краю недостаточно сформировано чувство укорененности в местах проживания и чувство малой Родины.⁴⁷

В этом определении регионального самосознания (идентичности) подчеркивается неоднородность общества, но допускается недоформированность (то есть не полное отсутствие) чувства общности, принадлежности к территории как к малой Родине (эмоционального аспекта).

В исследовании «Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора» В.А. Авксентьева и Б.В. Аксюмова термин региональной идентичности не используется, однако авторы делают вывод, подтверждающий приведенные выше определения региональной идентичности, поскольку в их работе также идет речь о представителях различных национальностей, живущих на территории одного региона:

Несмотря на интенсивное становление и утверждение российской идентичности, нельзя не осознавать того, что формирование интегративного образа россиян процесс весьма не простой... Преодоление порой значительно искусственной дистанции в этнонациональном самосознании и культуре требует разумной политики, социальной зрелости общества и, естественно, времени⁴⁸ <...>

Гипотеза о том, что у русских важность этнической принадлежности будет заметно меньшей в "портфеле идентичностей" по сравнению с представителями кавказских народов, подтвердилась (рис. 3). Народы Кавказа продемонстрировали исключительно высокую значимость этнической идентичности в структуре социокультурной идентичности.⁴⁹

Как и в предыдущих случаях, результаты исследования показывают, что среди жителей одной территориальной единицы еще не сформирована общая российская идентичность, в виду большой значимости сохранения этнической и культурной идентичности, особенно для представителей кавказских народов.

И.Б. Бритвина и Л.Э. Старостова также говорят, хотя и используя концепт «брендинга территории», что региональная самоидентификация отсутствует:

⁴⁷ Манчилина Е. Факторы формирования самосознания сахалинцев и курильчан: геополитические и правовые итоги Второй мировой войны // Развитие личности. М., 2010. №2. С. 95

⁴⁸ Авксентьев В.А.; Аксюмов Б.В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // СоцИс : Соц. исслед. М., 2010. №2. С. 19

⁴⁹ Там же. С. 23

Российские города и регионы в новых экономических условиях стали нуждаться в имиджевой и репутационной самоидентификации, основным инструментом формирования которой является создание и продвижение собственного бренда.⁵⁰

Иными словами, получается, что жители городов/регионов объединены названием территории проживания, но нет даже общей идентификации с образом города \ региона среди жителей. Идея ребрендинга городов и регионов пришла к нам с Запада, но рекомендованные за рубежом стратегии не получилось реализовать в России по причине, во-первых, культурной разницы между нашими соотечественниками и жителями Европы, а во-вторых, ...

Ценностная проблематика возникает и на этапе разработки бренда города или региона, как необходимость поиска базовой идентичности всех целевых групп, заинтересованных в продвижении данной территории.⁵¹

Значит, одна для всех жителей региона «базовая идентичность» отсутствует.

В.П. Букин начинает свою статью «Самоидентификация провинциальной молодежи в контексте социально-статусной принадлежности» с определений различных видов идентичности:

Л.М. Дробижева, исследуя проблемы позитивной совместимости национально-гражданской и этнической идентичности, подчеркивает, что дискуссии вокруг идентичности россиян идут на междисциплинарном уровне и сосредотачиваются на двух направлениях: ее содержании - нормах, ценностях, установках, ориентациях граждан страны и соотношении с другими идентичностями, прежде всего этнической и региональной [2, с. 214 - 228].⁵²

Здесь уже рассмотренная ранее гражданская идентичность, которая определенным образом соотносится с этнической и региональной идентичностями (вновь указание на несовпадение этих двух идентичностей в одном индивиде).

Региональная идентификация предполагает выработку и закрепление определенных социальных представлений - образцов субсоциетальной принадлежности к локализованному социальному пространству". Однако региональная (территориальная) идентичность, особенно в российских условиях, имеет четко определенный групповой (коллективный) генезис и выражается в социальном представлении через "слитный" образ "Я - Мы". <...> Таким образом, значение событий, идентифицирующих сообщество (в данном случае - региональное), не создается индивидами как таковыми (оно ими может быть только выражено), но культурно совместно используется как социальные представления.⁵³

Из этого определения можно понять, что региональная идентичность выражается в наличии общего для жителей региона осознания принадлежности к сообществу, проживающему на данной территории. При этом события, благодаря которым региональная общность стала таковой, происходят не по инициативе её представителей, но осознание принадлежности к локальному сообществу используется ими «культурно совместно». В этом определении, как нам кажется, в отличие от других, речь идет не про-

⁵⁰ Бритвина И.Б., Старостова Л.Э. Бренддинг территории: проблема поиска ценностных оснований // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 129. № 3. С. 163

⁵¹ Там же. С. 164

⁵² Букин В.П. Самоидентификация провинциальной молодежи в контексте социально-статусной принадлежности // СоцИс: Соц. исслед. М., 2010. №3. С. 93

⁵³ Там же. С. 94

сто о территории как о единственном объединяющем факторе, но говорится уже о принадлежности к обществу, которое на этой территории объединено, и о том, что совместное использование представления о принадлежности – это уже элемент региональной культуры.

А вот Н.А. Галактионова определяет региональную идентичность по-другому:

*Региональная идентичность базируется на общей истории, культурных ценностях, экономическом потенциале региона, его роли в общегосударственном историческом процессе. М.П. Крылов под региональной идентичностью понимает системную совокупность культурных отношений, связанных с понятием «малая родина». В региональной идентичности сочетаются аспекты пространства и внутренней энергетики, «силы» идентичности, воспринимаемые как «местный патриотизм».*⁵⁴

Фактически она использует этот термин в том смысле, в котором чаще употребляется гражданская идентичность, поскольку именно она, по мнению других исследователей, включает в себя историческую и культурную общность, а также патриотические чувства к малой родине, уточняя только, что речь идет об осознании принадлежности к региональной общности. Однако другие аспекты гражданской идентичности остаются. И еще одно отличие от работ в указании на относительную культурную однородность внутри региона, наличие символов региона, на общие традиции его обозначения:

*«житница России», «кладовая природных богатств страны», «черноморская жемчужина» России, «здравница России» и т. д.*⁵⁵

Хотя, как и другие авторы, Н.А. Галактионова упоминает о том, что региональная общность образовалась в результате действий политиков и элиты.

Е.В. Головнева тоже указывает на некое чувство общности с региональным сообществом, на принадлежность к нему как ценность:

*По словам П. Сорокина, «из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов. Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, придают им общий характер, создающий живую связь <...> в итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места. Таковы в России типы «ярославца», «помора», «сибиряка» и т. п.». Несмотря на постоянное рассеивание и фрагментацию регионов, их положение в системе территориальных общностей оказывается столь же устойчивым, сколько и изменчивым, что связано с многообразием персональных и групповых мотиваций».*⁵⁶

Здесь тоже речь о региональной идентичности не просто как об отнесении индивидом себя к территориальной единице, но и о причислении себя к обществу, живущему в этом регионе, имеющему «колорит» данной местности. Ощущение связи с региональным обществом создается за счет опыта совместной жизни, образовавшихся социальных связей. Однако здесь не учитываются этнические различия, которые существуют в некоторых регионах. Значит, разница в этнической идентичности обеспечивает и раз-

⁵⁴ Галактионова Н.А. Особенности современных процессов регионализации и формирования региональной идентичности // Регионология. Саранск, 2010. №2 // URL: [http://regionsar.ru/node/519?page=0,1]. Проверено: 07.12.2015

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Головнева Е.В. Концепт «регион» в контексте теории социального конструктивизма // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 132. №4. С. 116

личия в конструировании региональной идентичности. Если такой разницы нет (или она не ощущается остро внутри сообщества?), то формируется чувство общности.

В другой своей статье Е.В. Головнева дополняет описанное понятие региональной идентичности:

Собственно, уже противопоставления «мы — они», «центр — периферия», являющиеся ключевой особенностью региональной идентичности, демонстрируют явное присутствие в них мифологических канонов рассуждения. В рамках данной логики, как и в древней мифологии, образ «своего» сопровождается исключительно положительной оценочной реакцией, в то время как «другие» оцениваются отрицательно (как агрессивные, честолюбивые, хитрые, коварные, ленивые и т. п.). В рамках мифологического дискурса присутствует склонность региональных субъектов к возвышению истории и культуры своего региона.⁵⁷

Региональная идентичность – это осознание своей принадлежности к региональной общности еще и через противопоставление «мы - они», «центр – периферия». При этом образ своего региона и регионального сообщества положительный, возвышается местная история и культура, а образ «чужих» носит отрицательный характер.

Продолжая изучать вопрос региональной идентичности, Головнева расширяет пространство смыслов этого понятия:

Очевидно, что на фоне восприятия региона в реляционных терминах требует переосмысления и феномен региональной идентичности, поскольку в сетевом и мобильном пространстве культуры постмодерна ее нельзя уже воспринимать как идентичность разграниченных территорий. Согласно К. Терлоу, новые регионы настолько нестабильны и отличны от «устоявшихся» регионов, что нет возможности для развития отличительной «традиционной региональной идентичности»; мы можем говорить о «плотной» (thick) и «истонченной» (thin) региональной идентичности.⁵⁸

Термин «традиционная региональная идентичность» (судя по всему, это то, что автор также называет «идентичность разграниченных территорий») заменяется на два: «плотная» и «истонченная» региональная идентичность. Скорее всего, «плотная» региональная идентичность относится к «устоявшимся» регионам, а «истонченная» – к новым и нестабильным регионам. К сожалению, автор статьи не дает дальнейших пояснений по этим понятиям.

По словам В.Л. Каганского, «пространственная идентичность в случайном фрагменте пространства вряд ли существует... в реализации идентичности необходима ощущаемая специфика определенной территории и определенной группы. Идентичность в определенном смысле и есть ощущение, проживание и даже рефлексия (чаще нерациональная) специфики “своей” территории на уровне группового и личного сознания».⁵⁹

Здесь автор снова подчеркивает уже сказанное ранее о том, что региональная идентичность не может являться простой привязкой к территории. К уже имеющемуся определению понятия можно добавить, что региональная идентичность является чаще нерациональной рефлексией территории её жителями (на групповом и индивидуальном уровне).

⁵⁷ Головнева Е.В. Многообразие дискурсов региональной идентичности // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 123. №1. С. 199

⁵⁸ Головнева Е.В. Региональная идентичность в культуре постмодерна // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. Т. 141. №3. С. 106

⁵⁹ Там же. С 109

Выводы

На региональном уровне воспроизводятся типичные для общероссийского уровня проблемы с идентичностью. Вместе с тем, на уровне регионов отчетливее артикулируются этнический и конфессиональный компоненты как фундаментальные элементы регионального самосознания.

По текстам трудно сказать, что в большей степени отражает артикуляция этноконфессиональной топики: состояние самосознания жителей региона или проекты региональных властных и/или культурных элит.

1.4. Проблематизация гражданской идентичности

На наш взгляд, продуктивно различать тексты, в которых выражается концепция либо рефлексивной идентичности, либо нерефлексивной. Проще всего опереться здесь на Ю. Хабермаса:

Новая идентичность не может более определяться принадлежностью к союзам или членством в них... Даже коллективная идентичность сегодня мыслима разве только в рефлексивных формах, а именно тем, что основание ее заключено в сознании всеобщих и равных шансов на участие в таких коммунальных процессах, в которых происходит образование идентичности как непрерывный процесс научения⁶⁰.

Новая идентичность не может более определяться — тут надо добавить, автоматически, без более или менее осознанного и добровольного участия - принадлежностью к союзам или членством в них.

Указание на всеобщие и равные шансы — «завиральная» попытка (преувеличение) сблизить выбор идентичности (научения ей) с рандомным процессом; но мы знаем, что такие машины как интернет, безусловно, расширили (может быть, временно) границы выбора, но о рандомности мечтать нереалистично.

Правильнее, пожалуй, видеть за расширением возможностей не рандомность, а возросшие трудности каузального объяснения выбора, поскольку идентификационные выборы диктуются более образами будущего, чем прошлого.

1.4.1. Проблема собственно гражданской идентичности: перспектива постмодерна

Под постмодерном здесь понимается такое состояние общества, когда тотальные задачи по «лобовому» и непосредственно пропагандистскому формированию и интеграции нации-государства, гражданской нации в основном уже решены (признаются решенными), либо решаются косвенно, с фокусировкой на иные аспекты идентичности, актуализация которых повышает выраженность национально-гражданской идентичности.

⁶⁰ Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк, 1999. С. 49.

Необходимость гражданского просвещения: принятие гражданских ценностей и уровень развития интеллекта (Акимова, Персиянцева)

Гражданские ценности в разных трактовках тяготеют либо к ценностям государства, либо к ценностям гражданского общества, которые, функционально дополняя, в схоластической трактовке контрадикторны ценностям государства.

Авторы трактуют «гражданскую идентичность»,

как осознание принадлежности к сообществу граждан, не связанных с конкретным государством, а соотнесение себя со структурами общества на основе гражданских ценностей, опирающееся на значимый смысл такого объединения. Основой гражданской идентичности в данном её понимании является осознанное присвоение гражданских ценностей, таких как внутренняя свобода, равноправие, личное достоинство, право на свободную информацию, справедливый независимый суд, ценности человеческой жизни, честные выборы, необходимости защиты меньшинства от давления большинства, признания ценности личности⁶¹.

Такое понимание — и, в частности, идея «осознанного присвоения гражданских ценностей» — скорее постлиберально, чем традиционно-патриотично, поскольку родиной мыслит не «конкретное государство», но абстрактные *гражданские ценности*; такая Родина — уже не принудительно-причинное родовое понятие, но результат индивидуального идентификационного выбора.

Авторы провели психологическое обследование студентов (с неясной репрезентативностью) и обнаружили связи между приверженностью некоторым ценностям и уровнем развития интеллекта. Беспомощная (с методической точки зрения) затея содержит здравую догадку: когда ценностям высокой гражданственности никто не обучает, до них доходят в своем развитии самые талантливые (интеллектуально развитые); чтобы мысль овладела массами, для этой мысли нужно создавать условия.

Делиберативная гражданская деятельность (Ю.М. Резник, Т.Е. Резник)

Особенность выраженного авторами взгляда заключается в том, что гражданская идентичность и гражданское общество (больше) не связывается ни с национализмом, ни с нацией ни в каком из пониманий; *зрелый гражданин сам суверенен*, свою гражданскую деятельность он ведет «в интересах развития каждого человека и всего человеческого рода», не нуждаясь — ни в общении с людьми, ни в общении со всем родом человеческим — в посредниках в виде национального государства или региональной этнической общности. В этой трактовке...

гражданское общество... — общество свободных и автономных субъектов, т.е. личностей и организуемых ими ассоциаций (сообществ, организаций), осуществляющих свою деятельность в интересах развития каждого человека и всего человеческого рода. [...] Гражданственность складывается там и тогда, где и когда люди, находящиеся в определенных отношениях друг с другом, становятся представителями всего человеческого рода, поднимаясь на высоту его всеобщих, т.е. общеродовых, интересов⁶².

Как видим, присутствием политических агентств здесь и не пахнет.

⁶¹ Акимова М.К., Персиянцева С.В. Присвоение ценностей гражданского общества в зависимости от уровня интеллектуального развития // Инновации в образовании. 2015. № 4. С. 85–91.

⁶² Резник Ю.М. Человек гражданский: проблемы идентичности // Вопросы социальной теории. М., 2010. Т. 4. С. 306.

В духе Т. Парсонса, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса различаются две трактовки гражданства. Одна соответствует гражданству в *системном мире социума*, где гражданственность выражается в лояльности и преданности; это гражданственность *подданного*. Другая соответствует идеальному представлению о гражданском обществе, где «отсутствует какой-либо нравственный или правовой императив, кроме одного – становление свободной личности»⁶³. Исходя из этой дихотомии, автор предлагает

*различать два основных значения понятия «гражданин»: политико-юридическое – «подданный государства», и духовно-нравственное – «слуга общества» (носитель или выразитель общественных интересов)*⁶⁴.

*Реальная гражданственность не является раз и навсегда установленным состоянием или качеством личности. Это – скорее результат эволюционного движения социума к свободе и свободному самоопределению человека. Она определяется мерой его нравственного подвижничества и реальной способностью преодолеть ограничения бездушного индивидуализма или «стадного» коллективизма*⁶⁵.

Этот «результат эволюционного движения социума к свободе» становится возможным благодаря процессу развития культуры в каждом социуме; этот результат эволюционно не гарантирован; для его получения необходимы определенные объективные условия и субъективные предпосылки — приверженность достижению подобного результата, приверженность «движению социума к свободе и свободному самоопределению человека». Такая гражданская жизнь человека

*есть высшая и предельно возможная на сегодняшний день (достигаемая первоначально только в рамках конкретно-исторического и национально-специфического социума) форма выражения целостного, родового и совместного существования человечества*⁶⁶.

Еще более радикальная концепция *постгражданской личности* (хотя и менее внятно) излагается в статье Т.Е. Резник. «Постгражданская» гражданственность

*распространяется через каналы общественного мнения, выражая не чьи-то конкретные интересы и не «всеобщее» или «родовое» начало, якобы заложенное в природе человека, а то, что объединяет членов данной группы или сообщества, наполняет смыслом их совместную жизнь*⁶⁷.

Следовательно, например, концентрируясь исключительно на формировании российской гражданской идентичности через промежуточное формирование коллективных идентичностей низшего порядка — поселение, род, этнос..., — мы выпадаем из актуального тренда.

Диагностируя состояние гражданского общества и гражданственности в России в категориях Т. Парсонса⁶⁸, Ю.М. Резник полагает, что «развитие института гражданства» находится на низшей ступени:

⁶³ Резник Ю.М. Человек гражданский: проблемы идентичности // Вопросы социальной теории. М., 2010. Т. 4. С. 307.

⁶⁴ Резник Ю.М. Человек гражданский: проблемы идентичности // Вопросы социальной теории. М., 2010. Т. 4. С. 308.

⁶⁵ Резник Ю.М. С. 308.

⁶⁶ Резник Ю.М. С. 311.

⁶⁷ Резник Т.Е. Постгражданская личность: предпосылки конструирования // Вопросы социальной теории. 2015. Т. 7. № 1–2. С. 209.

⁶⁸ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. С. 36–37.

Мы так и не утвердили в нашем обществе приоритет прав и свобод личности. Государство, будучи неполным (при отсутствии гражданского общества) и бюрократическим по своей сути, не достигло еще той стадии зрелости, когда оно становится на защиту этих прав и свобод. Пока же «спасение утопающего остается делом его собственных рук». Каждый спасается от бюрократического произвола и насилия в одиночку, рассчитывая только на свои силы и связи в правящем мире⁶⁹.

Косвенное подтверждение нелицеприятной диагностики можно видеть в том, что большинство источников, трактующих гражданскую идентичность, пронизаны озабоченностью формированием национально-государственной идентичности, т.е. решением задачи модерна.

На этом фоне еще более архаично выглядят аргументы в пользу формирования в РФ полноценных, полнокровных этнонациональных и региональных идентичностей.

Идентичность глобального города как альтернатива национальному проекту (Сухарева Е.А.)

Еще один могучий агент, *естественным* образом разрушающий национальные идентичности — *глобальный город*, под которым понимается

мегаполис, имеющий существенную мирополитическую, мироэкономическую и внутригосударственную значимость и влияние в современной системе международных отношений⁷⁰.

В плоскости национальных государств в силу своей значимости такие города фактически становятся государством в государстве, так что их интересы могут приходить в столкновение с интересами национального государства⁷¹. Обладая притягательной силой для иммиграции, глобальные города формируют специфический образ жизни, а следом и специфическое самосознание у своих жителей. Это самосознание категорическим образом не привязано к традициям прошлого, но активно их использует для своего формирования, ориентированного не на прошлое, а на будущее, вытекающее из актуальных интересов.

Таким образом, проекты и проекции самосознания активных жителей глобальных городов ортогонально относятся к проектам построения национальных идентичностей по образцу классического модерна. Следовательно, классические современные (а тем более домодерные) по духу проекты имеют мало шансов на популярность среди жителей глобальных мегаполисов — по крайней мере, до тех пор, пока глобальный город не выпадает из глобального тренда.

1.4.2. Проблема модернизации и транзита

Тема транзита на российском материале автоматически включает Россию в пространство посткоммунистических трансформаций (и не только Восточной Европы, но и Азии), а потому заведомо отрицает взгляд на Россию, как на особую цивилизацию, не предполагающий сравнительно-социологического теоретизирования.

⁶⁹ Резник Ю.М. Человек гражданский: проблемы идентичности // Вопросы социальной теории. М., 2010. Т. 4. С. 317.

⁷⁰ Сухарева Е.А. Проблемы взаимоотношения глобального города и национального государства // Обозреватель-Observer. 2011. № 12 (263). С. 36.

⁷¹ Сухарева Е.А. Проблемы взаимоотношения глобального города и национального государства // Обозреватель-Observer. 2011. № 12 (263). С. 37.

Неудавшийся транзит — ценности россиян не поспели за реформой институтов (Батанина И.А., Бродовская Е.В.)

Транзит обозначен, как переход между двумя политическими режимами; конечный пункт — консолидированная демократия. Достижению этого конечного пункта мешает рассогласование между институциональными и ценностными изменениями: признается, что при реформировании «сверху» на первом этапе важны институциональные изменения, которые призваны стимулировать соответствующие изменения в структуре ценностей граждан. Если ценности, пусть с некоторым запозданием, не подтягиваются к «духу» институтов, тогда институты утрачивают постепенно свою инновационную инерцию и переживают регресс. Рассогласование создает:

*предпосылки для развертывания ряда кризисов (легитимности, реципрокности, идентичности, участия), продуцируемых отчуждением между властью и гражданами, конфликтом между формальными и неформальными институтами*⁷².

При внедрении «правильных» демократических институтов тормозом служит несогласующаяся с ними «ценностная система общества». Для построения демократического общества ключевое неудобство с идентичностью видится в том, что:

*...многим посткоммунистическим государствам свойственны такие черты, как несформированность у представителей среднего класса социально-слоевой и политической идентичностей, а также ценностные конфликты между массовыми и элитными группами, ограничивающие интеграционные возможности переходных режимов*⁷³.

Таким образом, для успешного транзита нужны преобразования социальной структуры в ее объективном и субъективном аспектах: необходимо формирование объективного среднего класса и формирование у него соответствующей социальной идентичности, социально-слоевого самосознания (субъективный аспект).

При этом предполагается, что ценности объективного среднего класса автоматически близки, не противоречат ценностям элитных групп. Для этого средний класс должен удовлетворять не только социально-экономическим, но и социально-политическим критериям, для чего, в частности, необходимо формирование культуры автономного участия:

*Ценностная легитимация демократических институтов, консолидация демократии во многом будут зависеть от ряда условий, к которым можно отнести: реализацию нормативного структурирования политической системы; формирование политической инфраструктуры, артикулирующей и агрегирующей ценностные приоритеты различных слоев; преодоление ценностного размежевания между элитными и массовыми группами; развитие гражданской культуры и культуры автономного участия; складывание функционально-целевого согласия*⁷⁴.

Таким образом, в фокусе внимания находится не столько гражданская идентичность — такая даже не упоминается, — а социальная — социально-слоевая, или социально-классовая, если употребляем «средний класс». Стабильность политического режима — переход к «консолидированной демократии» — связывается с «механикой» социаль-

⁷² Батанина И.А., Бродовская Е.В. Идея коэволюции институциональных и ценностных изменений в исследованиях посткоммунистического пространства // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 3. С. 82.

⁷³ Батанина И.А., Бродовская Е.В. С. 77.

⁷⁴ Батанина И.А., Бродовская Е.В. С. 82.

ной идентичности важнейшего для стабильности гражданской общности широкого слоя.

Стабильность произрастает снизу, а не сверху, через сознательное гражданское участие индивидов на добровольных началах при снятии антагонизма между ценностными представлениями — формирования некоторого ценностного единства, которому не мешают частные разногласия, сообщаемые социально-классовой/слоевой спецификой. Отметим, что в текстах об *идентичности России* регулярно встречается положение о не преодолимых, по крайней мере, в короткой временной перспективе и без потрясений, социальных и культурных различиях внутри населения России. «Империя» вполне способна объединять под своей властью разнородные элементы и без гомогенного единого социокультурного и социально-политического пространства с общими рамочными ценностями и стандартно функционирующими институтами.

Культурная идентичность — основа модернизации (но как ее формировать — ответа нет) (К. Делокаров)

Проблема видится в том, что простое разрушение традиционных российских — «вредных» для модернизации — культурных ценностей не формирует новых ценностей, необходимых для экономической и технологической модернизации. А создающие ценностный вакуум ««голый прагматизм» и утилитаризм, ставшие девизом части российского социума, не могут быть ценностным ориентиром для всего общества»⁷⁵. Под «частью российского социума» понимаются не парии, а влиятельные слои.

Не поможет и «*потребительское мировоззрение, которое получает сегодня в России значительное распространение в форме идеологии конформизма*», потому что конформизм...

как приспособление к жизни любыми средствами опасен как императив, поскольку такая мировоззренческая установка, во-первых, противоречит традиционным ценностям, во-вторых, не может быть эвристической программой, ведущей к созданию нового. Конформизм методологически не продуктивен, так как не может привести к трансформации существующих институтов — экономических, политических и т.д. — в более современные⁷⁶.

К желаемой трансформации, т.е. модернизации не приводит и копирование институтов на ценностно чуждой для них почве.

Все упирается в модернизацию культурной, или цивилизационной идентичности; а модернизация такой материи быстро не делается, ибо «*духовно-нравственные ценности, которые формируются веками и трансформируются чрезвычайно медленно*»⁷⁷. *Что делать?* Во-первых, прекратить войну с собственной историей, которая не позволяет спокойно и взвешенно ее осмыслить, без чего нельзя понять, как модернизировать культуру. Во-вторых, все очень сложно, системно переплетается. Но культурная модернизация нужна. Как ее сделать — вопрос этот автор не ставит. Да, видимо, и не собирался.

⁷⁵ Делокаров К. Процесс модернизации и проблемы российской идентичности // Упр. мегаполисом. М., 2011. № 5. С. 18.

⁷⁶ Делокаров К. С. 19.

⁷⁷ Делокаров К. С. 20.

1.4.3. Проблемы (догоняющего) формирования гражданской идентичности

Модели формирования нации как снятия многообразия: трудный выбор догоняющего нациестроительства (А.В. Веретевская)

Ключевое понятие статьи А.В. Веретевской «формирование нации» по своему смыслу тождественно «гражданской идентичности», взятой в объективистском ключе; формирование нации = формированию гражданско-национально-государственной идентичности; свое понимание нации-государства автор возводит к Э. Геллнеру: «Мы полагаем, что государство-нация есть, прежде всего, общность — политическое сообщество с высокой степенью интеграции, не обязательно и не только культурной»⁷⁸.

Государство трактуется как результат интеграции нации — исторического процесса, который никогда не прекращается: «формирование государства фактически тождественно его существованию»⁷⁹. Сказанное логично распространять и на нацию.

Непременное условие формирования / существования государства автор видит в *преодолении или нейтрализации* многообразия по всем измерениям, по которым могут формироваться общности, угрожающие общегражданскому единству; мировой опыт автором сводится к трем моделям: к модели преодоления — ассимиляции, к двум моделям нейтрализации — сплавления разнообразий в новую нацию («сверхидентичность») и поддержание многообразия в единстве — мультикультурализм.

Действительно эффективное проведение политики ассимиляции в государстве возможно при соблюдении двух условий: общество должно допускать, что носители инородной культуры в принципе могут ассимилироваться, а носители инородной культуры, в свою очередь, должны испытывать такое желание. Если соблюдается только первое условие, то мы получаем модель ассимиляции по принуждению. Если соблюдается только второе — модель сегрегации.

К сожалению, одновременное соблюдение обоих условий случается очень редко, а если и встречается, то длится недолго. В абсолютном большинстве случаев под политической ассимиляцией имеется в виду ассимиляция по принуждению»⁸⁰.

Мотивы добровольного участия в «переплавке» выглядят так:

Впервые употребивший термин «плавление» в отношении американского общества в своих «Письмах американского фермера» Гектор Сент Джон де Кревекер, описал этот процесс как отказ от своих прошлых обычаев и привычек и приобретение новых, продиктованных новым образом жизни, новым правительством и новым положением в обществе. В результате переплавки должен был получиться Новый человек»⁸¹.

Для эффективного плавильного котла США были подходящие условия:

Опасаться, что в результате переплавки получится что-то неподходящее не было необходимости: в культурном (в том числе и религиозном) плане цивилизованное (а нецивилизованное, т.е. американские индейцы, к национальному строительству не привлекалось) население колоний в конце XVII в. было не очень разнообразным. В 1790 г. (к этому времени в Америку уже иммигрировали более 1 млн. человек) протестанты,

⁷⁸ Веретевская А.В. Модели формирования наций в условиях полиэтничности // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований; глав. ред. М.В. Ильин. М., 2010. С. 146.

⁷⁹ Веретевская А.В. С. 146.

⁸⁰ Веретевская А.В. С. 147.

⁸¹ Веретевская А.В. С. 151.

прибывшие из Англии и Шотландии, были наиболее значительной этнической группой и составляли 89% иммигрантского населения⁸².

В результате неоднозначной истории дискриминации разных меньшинств, итог XX века выглядит так:

Каждый американец, будь он этническим китайцем, немцем или русским – носитель специфических американских ценностей, выплывающих из западноевропейских культурных и религиозных традиций с сильным англосаксонским уклоном. В центр, как и раньше, ставятся республиканский идеал свободы, индивидуализм, демократия и протестантские религиозно-этические принципы⁸³.

Здесь обнаруживаются сходства с советской политикой плавильного котла и явные различия с воздержанием от артикулированной идеологии новороссийского периода.

Жизнеспособность третьей модели — мультикультурализма — описывается следующим образом:

На практике мультикультуралистская социальная политика представляет собой финансирование широкого спектра мероприятий по сохранению культурного наследия различных этнокультурных групп населения (это специальные центры изучения этого наследия, музеи, школьные курсы и программы и т.п.) и государственные гарантии признания и уважения прав этнических сообществ при принятии социально значимых решений⁸⁴.

Примером внедрения мультикультурализма выступает Канада; однако даже краткий исторический экскурс автора указывает на то, что принятие такой модели происходит исторически и не является готовой технологией для экспорта⁸⁵. Отмечается, что в основе устойчивости государственной модели Канады

лежит построенный на своеобразной системе сдержек и противовесов политический треугольник: центр – субъекты – этнокультурные сообщества. Наличие субъектов дает центру возможность наделить их при необходимости правом культурной автономии, чтобы несколько «охладить» стремление к политической независимости некоторых этнокультурных сообществ, а при поддержке получивших в целом удовлетворившихся культурной автономией сообществ центр сдерживает сепаратистские настроения у политической верхушки субъекта⁸⁶.

Можно понять, что в основе устойчивости государственной модели Канады лежит площадка для торга элит субъектов федерации, взятая в жесткую и хорошо работающую систему сдержек и противовесов:

провинции стоят на страже интересов территориальных общин, этнокультурные сообщества – на страже интересов общин нетерриториальных, а центральное правительство должно защищать индивидуальные права всех канадских граждан, независимо от их этнокультурной или территориальной принадлежности⁸⁷.

⁸² Веретевская А.В. С. 151.

⁸³ Веретевская А.В. С. 154.

⁸⁴ Веретевская А.В. С. 155.

⁸⁵ Продуктивно поставить вопрос о выборе в пример Канады, а не Швейцарии; но рассмотрение этого вопроса уведет нас далеко.

⁸⁶ Веретевская А.В. Модели формирования наций в условиях полиэтничности // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований; глав. ред. М.В. Ильин. М., 2010. С. 158.

⁸⁷ Веретевская А.В. С. 158.

Роднит ситуацию Канады с Россией два обстоятельства: (1) несовпадение границ этнокультурных общин с границами субъектов федерации; (2) асимметрия властных полномочий в пользу центрального правительства (по сравнению с США).

Автор предполагает, что:

политика ассимиляции работает там, где есть хорошо консолидированное и культурно однородное большинство, способное самостоятельно стать источником легитимации для своего государства. «Плавильный котел» возможен лишь в государстве, способном гарантировать соблюдение на должном уровне индивидуальных прав. А мультикультурализм подходит там, где население и политическая элита готовы мириться с многообразием⁸⁸.

По-видимому, сходная конструкция работает и в Бельгии.

Вместе с тем, автор полагает, что «каждая из рассмотренных моделей успешно использовалась (а где-то и до сих пор используется) для создания и поддержания лишь определенного типа единства, т.е. государства, построенного на определенных принципах, государству с другими принципами она не подойдет»⁸⁹.

Ассимиляция в стиле 19 века (и более ранних веков) едва ли выполнима, мультикультурализм чреват распадом; остается модель плавильного котла, но она сама по себе не работает — без внедрения вполне определенных политических решений, от принятия которых российская власть уклоняется.

Отсталость России в средствах производства национальной идеологии (А. П. Глухов)

Автор рассматривает:

не столько содержательные аспекты проектов национального строительства, сколько исследование коммуникативных стратегий, риторики эффективного воздействия проектов национальной идентичности на массовую аудиторию в пространстве медийной коммуникации⁹⁰.

Автор придерживается конструктивистской парадигмы, согласно которой

национальная идентичность предстает как равнодействующая националистических проектов, воздействующих на массовое сознание при помощи научных, политических и, прежде всего, медийных практик⁹¹.

Это скорее рыночный взгляд, чем специфически конструктивистский, подтверждение чему можно найти в этой же статье, где автор истолковывает рыночную метафору формирования идентичностей в эпоху электрических медиа (с. 56).

Под националистическим дискурсом автор понимает «дискурс строительства нового государства и конструирования новой национальной общности»⁹². Новое российское государство и нацию приходится строить, согласно авторской позиции, на «развалинах советской империи».

⁸⁸ Веретевская А.В. С. 158.

⁸⁹ Веретевская А.В. С. 158.

⁹⁰ Глухов А.П. Коммуникативные стратегии российского националистического дискурса: отражение в медийном пространстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 5. С. 52.

⁹¹ Глухов А.П. С. 52.

⁹² Глухов А.П. С. 52.

Автор определяет ответственность за националистический дискурс:

Концептуальное содержание проектов национального строительства и национальной консолидации формируется и задается в рамках внутриэлитного дискурса и лишь в дальнейшем транслируется на массовое сознание в адаптированном к широкой публике формате⁹³.

Автор с опорой на литературу прослеживает эволюцию инструментов внедрения идеологий в массы. Согласно А. Гоулднеру,

В XIX – начале XX в. Интеллектуальная элита выступала в качестве основного продуцента, распространителя и популяризатора идеологий через «аппараты культуры» (газеты и небольшие журналы, школы и театры, студии и лаборатории), где ведущую роль играло печатное слово и межличностная коммуникация⁹⁴.

На Западе в середине XX в. элитные «аппараты культуры» стали утрачивать свое общественное влияние и «доминирование в пространстве массовой коммуникации «индустрии сознания»:

Появление радио, кино и телевидения в качестве новых форматов восприятия и осмысления действительности значительно усилило нелингвистический компонент коммуникации, знаменуя собой переход от «концептуального к знаковому символизму»⁹⁵.

В России этот переход начал совершаться только с конца 1980-х гг., однако

элитарный печатный дискурс по-прежнему задает основные реперные точки дискуссии о необходимости и характере модернизации России как современного национального государства, но трансляция идеологии в массы происходит уже с помощью аудиовизуальных масс-медиа⁹⁶.

Самым ценным в статье представляется истолкование содержательных бинарных оппозиций, присущих двум «стилистическим коммуникативным стратегиям» (термин В. Тюпа), или дискурсам самоопределения России на фоне Запада — почвенничеству и западничеству. «Коммуникативная стратегия предполагает определенную позицию коммуниканта..., определенную картину мира и определенную установку восприятия со стороны адресата сообщения»⁹⁷, и это позволяет задать категориальный аппарат для анализа дискурсов «почвенничества» и «западничества» вплоть до наших дней.

Так выглядит почвеннический дискурс:

*Почвеннический дискурс характеризуется переплетением двух стилистических коммуникативных стратегий, в терминологии В. Тюпы – **стратегии хорового и монологического единогласия**. Стратегия хорового единогласия эксплицирует текст, выступающий в качестве ретранслятора некоего общего знания, не нуждающегося в логических обоснованиях и доказательствах. Подобный ретранслятивный дискурс исходит из презумпции внетекстовой реальности и референтной прозрачности объекта общения, и потому отличается хоровой (домонологической) коммуникативностью. [...] такая «стратегия “ничейного”, хорового, транзитивного слова, присущая мифу или рекламе (своеобразной мифологии нашего времени)...»⁹⁸. Действительно тексты почвенников [...] написаны в стилистике очевидной констатации некоего положения*

⁹³ Глухов А.П. С. 52–53.

⁹⁴ Глухов А.П. С. 55.

⁹⁵ Глухов А.П. С. 56.

⁹⁶ Глухов А.П. С. 56.

⁹⁷ Глухов А.П. С. 54.

⁹⁸ Тюпа В. И. Основания сравнительной риторики // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 80.

дел, не нуждающегося в логическом обосновании или аргументации, и характеризуются наличием пророческого пафоса (в рамках подобной стилистической стратегии коммуникант примеряет на себя речевую маску пророка, которому нечто приоткрывается и который в связи с этим не нуждается в системе логических доказательств и методологии критического разума) и мифологической структуры текста, отвечающего не столько критериям логической связности и обоснованности, сколько образности и метафоричности. Российский почвеннический миф апеллирует к прошлому России как великой державы, современная эпоха воспринимается в контексте мифа «временем упадка и морального разложения, а героика и великие деяния связываются с отдаленным прошлым, такой подход способствует расцвету иррационального, мистического восприятия истории, согласно которому героическое прошлое автоматически должно обеспечить народу славное будущее»⁹⁹. Нация изображается не в качестве **пресечения различных социально-культурных групп и индивидов**, обладающих дифференцированными идентичностями, но как **монолитное органическое единство («народ»)**, лишенное внутренних противоречий. Почвеннический миф предполагает наличие простых бинарных оппозиций своего и чужого, добра и зла, высокого и низкого; целей мобилизации общественного мнения он достигает через апелляцию «к героическому образу предков, будто бы способному наделить своих потомков небывалой энергией и обеспечить победу»¹⁰⁰.

Со ссылкой на В. Шнирельмана автор перечисляет

универсальные компоненты этноцентрического мифа, присущие и российскому почвенническому дискурсу, как утверждение о чрезвычайной древности этнической культуры или языка (миф об автохтонности), миф об «этнической семье» (панславизм), миф о славных предках (скифские или арийские корни славян), миф о культуртрегерстве (преимущества «истинной» православной веры и мессианизм) и миф о заклятом враге (Западе, в лице рыцарей-крестоносцев, польской шляхты, Наполеона и Гитлера). Подобная сказительная стилистика текстов почвеннического дискурса является оборотной стороной мифологической, не подразумевающей логической критики конструкции текста и пророческой установки коммуниканта.

Стратегия авторитарного монологического единогласия предполагает выстраивание императивного убеждающего или разубеждающего (учительного, обвинительного, оправдательного) дискурса и активизацию регулятивной компетентности реципиента сообщения¹⁰¹.

В почвенническом дискурсе довольно явно выражен обличительный морализаторский пафос экзистенциального выбора между духовностью, соборностью, православной верой предков и рационалистическими и материальными соблазнами западной цивилизации. На рецептивное сознание читателя (слушателя) императивно возлагается ответственность за правильный выбор истинного «особого пути». Месседжи почвеннического дискурса обращены к потенциальным ученикам, послушникам, будущим прозелитам, но не к автономным субъектам, обладающим критической установкой в отношении любой проповеди. Притчевая стилистика императивного почвеннического учительства предполагает использование приема антитезы и речевой маски проповедника¹⁰².

⁹⁹ Шнирельман В. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретич. проблемы историч. исследований. М.: МГУ, 1999. Вып. 2. С. 124.

¹⁰⁰ Шнирельман В. С. 126.

¹⁰¹ Глухов А.П. Коммуникативные стратегии российского националистического дискурса: отражение в медийном пространстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 5. С. 54.

¹⁰² Глухов А.П. С. 55.

Вот характеристика западнического дискурса, для которого:

наиболее характерны... стратегии диалогического разногласия и согласия. Стратегия диалогического разногласия предполагает у рецептивного сознания получателя автономность и способность критического отношения к тексту. ... «Такой дискурс с провокативной модальностью характеризуется этосом неподчинения (свободы). Забота вступающего в коммуникацию состоит при этом в ограждении своей внутренней свободы и одновременно провоцировании свободной реакции адресата»¹⁰³. Речевая маска говорящего подразумевает провокативность и иронию сознания, осуществляющего таким образом самопрезентацию. ... Ирония, сарказм и социальная сатира в противоположность морализаторству и серьезности почвенников всегда выступали в качестве оружия обличения и критики отечественного самодержавия, а затем и советского деспотизма со стороны западников. Стилистика литературной провокации, используемая в западническом дискурсе, с помощью оружия иронии и романтической речевой маски (художник-интеллектуал, противопоставляющий себя мнению толпы) разрушает устоявшиеся почвеннические мифы.

Наконец, стратегия диалогического согласия «инспирирует известного рода солидарность воспринимающего сознания по отношению к авторской интенции. В противовес провокативной иконичности эта интенция открыта, однако в отличие от регулятивной эмблематичности она не регламентирована, она инициативна... Идеальной позицией для адресата дискурсии с анонсированной интенциональностью является позиция восполнения данного высказывания своим ответным пониманием»¹⁰⁴. Стратегия диалогического согласия может быть охарактеризована как солидарная взаимодополнительность рецептивного смысла к смыслу креативному»¹⁰⁵.

Приведенные цитаты имеют емкое содержание; они показывают отсталость России в средствах производства НГИ, дают концептуальную сетку для ее диагностики и планирования шагов по преодолению отставания.

Та же мысль в другом ракурсе: российское производство НГИ вовсе не является отсталым, если оно исходно ориентировано на ожидания тех слоев, которые не ориентированы на инициативную активность суверенных граждан.

Нерешенность национального вопроса русских как признак домодерности России (Мурзин А.Э.)

В любом многонациональном, поликонфессиональном и поликультурном государстве национальная политика неизбежно тесно связана с «общими целями государственного строительства»¹⁰⁶. Эти общие цели в области национальной политики, по мнению автора, не были сформулированы в Российской Империи, власти современной России избегают их формулировать; в советское время цели формулировались неоднократно, не всегда прогрессивно, но в любом случае реализованы адекватно они не были.

Государство до последнего времени пыталось обойти вопрос об этнокультурном и правовом положении русских, стремясь как бы перескочить сразу на следующую ступень в общественном развитии, где национальный вопрос уже не имел бы нынешнего значения»¹⁰⁷.

¹⁰³ Тюпа В. И. Основания сравнительной риторики // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 82.

¹⁰⁴ Тюпа В. И. С. 83.

¹⁰⁵ Глухов А.П. С. 55.

¹⁰⁶ Мурзин А.Э. Проблема русской идентичности в национальной политике и стратегии государственного строительства постсоветской России // Человек в мире культуры. 2015. № 1. С. 3.

¹⁰⁷ Мурзин А.Э. С. 4.

Автор подозревает государственные элиты в стремлении перескочить в постнациональную эпоху (что созвучно с авторами, которые определяют властные элиты 2000-х как постидеологические). Перескочить, чтобы не браться за решение фундаментальной проблемы российской государственности.

Проблема положения русских в России неизбежно оборачивается вопросом о том, как интегрировать полиэтничное, мультикультурное население страны в политически и культурно единое целое (нацию), не ущемляя при этом суверенное право всех российских народов¹⁰⁸.

Самым трудным неизменно оказывалась задача не ущемить суверенного права русского народа.

Советское государство всеми силами пыталось не допустить политизации, ограничить или даже элиминировать проявления русского национального сознания, введя их в русло наднационального государственного патриотизма и советской идентичности (при этом, не отказываясь от его использования особенно в критические для государства моменты).

*Положение русского народа в системе межнациональных отношений изначально была определено ленинскими тезисами о вине «великодержавной» нации, требовании соблюдения не только формального равенства наций, но **такого неравенства, которое «возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается фактически»^{109 110}***

Если согласиться с мнением о том, что:

не бывает «политических наций» без этнических ядер, «гражданского» национализма – без этнической подоплеки, государственного строительства, включая демократическое, – без националистической мобилизации»¹¹¹,

тогда с учетом того, что в России подавляющее большинство жителей — русские, придется признать, что «поиск перспектив дальнейшего национально-государственного строительства Российской Федерации упирается, по существу, в вопрос русской идентичности»¹¹².

Однако, по мнению автора, реализуемая национальная политика в РФ (или ее отсутствие) исходит из убеждения, что:

укрепление идентичности малых народов усиливает единство России, а подъем этнического самосознания русского народа угрожает целостности государства¹¹³.

Между тем, автор отмечает, что в республиках продолжают:

реализовываться их национальные проекты, основанные на концепции этноцентризма, доминирования этнического подхода над общегражданским.

Примордиалистское, в традициях советской этнографии, понимание этничности политическими элитами национальных республик ведет, вопреки официальным декла-

¹⁰⁸ Мурзин А.Э. С. 3.

¹⁰⁹ Ленин В.И. Последние письма и статьи. 23 декабря 1922 г.— 2 марта 1923 г. // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 359.

¹¹⁰ Мурзин А.Э. С. 8.

¹¹¹ Соловей В.Д. Исторические смыслы русского национализма. URL: <http://www.apn.ru/publications/article11044.htm> (Дата обращения 10.12.2014)

¹¹² Мурзин А.Э. С. 7.

¹¹³ Мурзин А.Э. С. 6.

рациям, в сфере культурно-бытовых отношений, воспитания, образования, пропаганды [приводит] к формированию лишь новых разделительных линий¹¹⁴.

Автор полагает, что «многие российские народы и этносы... заняты не просто возрождением этнической культуры, традиций, но и активным конструированием своей этнической идентичности. В этой способности почему-то отказывается только русским». В качестве примера автор указывает на то, что

В республиках существует тенденция выдавливания православия как «религии русских», замены ее различными верованиями, например, шаманизмом в Якутии, язычеством – в Поволжских республиках (Мордовия, Чувашия, Удмуртия). В Марий Эл система народных языческих верований, в немалой степени благодаря усилиям национальной интеллигенции, превращена в никогда не существовавшую ранее «Традиционную религию марийского народа»¹¹⁵.

Каков выход? Если для формирования НГИ нельзя обойтись без этнического субстрата, значит, развивая и формируя самосознание малых российских народов, следует без стеснений и ложной скромности предоставить такое же право на формирование собственного этнического самосознания государствообразующему русскому народу.

Ради общегражданских ценностей — прогнуться под локальные условия: «ЕР» как инструмент формирования НГИ и патриотизма в СКФО (Дзахова Л.Х.)

Политическая ситуация диагностируется как «состояние политического демократического транзита»¹¹⁶, отчего проект по формированию «такого политико-правового и морально-нравственного феномена, как общенациональная гражданско-патриотическая идентичность» приобретает «особую актуальность», «значимость» переводится «в ранг задачи национальной безопасности»¹¹⁷.

Назначение «общенационального гражданско-патриотического комплекса» видится в «объединении граждан в поддержке проводимых реформ; солидаризации населения в противостоянии экономическим, социальным и политическим вызовам; консолидации россиян в достижении нового уровня политического, мировоззренческого, духовного единства»¹¹⁸. В этом назначении, по-видимому, исчерпывающе выражены функции искомой российской гражданской общности: поддержка властей, низовая солидаризация перед вызовами, которые власть не сумела микшировать, дальнейшая консолидация в воображаемое сообщество.

В ситуации политического транзита и многопартийной системы автор полагает, что именно центристские партии могут быть инструментом формирования НГИ при усло-

¹¹⁴ Мурзин А.Э. С. 6.

¹¹⁵ Мурзин А.Э. Проблема русской идентичности в национальной политике и стратегии государственного строительства постсоветской России // Человек в мире культуры. 2015. № 1. С. 8.

¹¹⁶ Возможно, здесь проявилась слабость владения автором русским языком, а возможно, что проявилось отменное знание русского: *состояние транзита*. Т.е. *этот наш транзит* принимается как состояние, а не как действие. М. Жванецкий аналогично шутит по поводу безрезультатности ремонта, который нельзя завершить, а можно только прекратить.

¹¹⁷ Дзахова Л.Х. Политические партии в формировании гражданско-патриотической идентичности // Вестн. Северо-Осетин. гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. Обществ. науки. Владикавказ, 2010. № 1. С. 36.

¹¹⁸ Дзахова Л.Х. С. 36.

вии, что их деятельность «направлена на межсоциальный, межполитический, межпартийный диалог, а также на конструктивный диалог с органами власти и управления».

*Центристские партии в таком случае выполняют функцию цементирования политической системы как совокупности взаимосвязанных элементов*¹¹⁹.

А это цементирование «работает» на упрочение общенациональной гражданско-патриотической идентичности¹²⁰. Наилучшим образом на роль «цемента», по мнению автора, подходит партия «Единая Россия».

Автор указывает, что партийно-политическая жизнь на Северном Кавказе

*характеризуются консервативностью, некоторой догматичностью и приверженностью части населения к «красному поясу», чем объясняется некоторая зависимость общественной активности от этнического фактора, персонафицированного в должностных лицах органов государственной власти и местного самоуправления. В регионе происходит корреляция общественного мнения с мнением традиционных институтов, страт, суб- и микросообществ (этническая группа, диаспора, община, фамильная и клановая группа, тейп) и др.*¹²¹

Однако только центризм и влияние партии на федеральном уровне не может служить залогом 100-процентного успеха. Поэтому общегражданские идеи, ценности и задачи в полиэтничных субъектах необходимо привязывать к локальной «политической этнической карте». Именно такая привязка позволяет местным отделениям политических партий обеспечивать «сохранение общей стабильности отношений социодемографических, социопрофессиональных, этнокультурных, этноконфессиональных сообществ, прежде всего через решение проблем социально-экономического развития»¹²².

Таким образом, для внедрения общегражданских ценностей автор и структурам федерального уровня предлагает учитывать специфику этноконфессиональной организации местного населения.

Казачество — на страже защитной идентичности

По аналогии с конструированием малых этнических сообществ имеется заявка на конструирование казачьего самосознания в виде сборника материалов открытой научно-практической конференции¹²³.

По сравнению с этнонациональными программами, казачья программа носит отчетливо защитный, не агрессивный, не наступательный характер.

Подавляющее большинство статей обращены к историческому прошлому (приводятся для примера за себя говорящие заголовки статей¹²⁴, но в менее говорящих содержание аналогичное). Патриотизм неотделим от гражданственности, он обращен в прошлое,

¹¹⁹ Дзахова Л.Х. С. 36.

¹²⁰ Дзахова Л.Х. С. 37.

¹²¹ Дзахова Л.Х. С. 38.

¹²² Дзахова Л.Х. С. 38.

¹²³ Образование как фактор формирования этнической и гражданской идентичности в молодежной среде: сборник материалов открытой научно-практической конференции "Кавказ — крупным планом" / [сост.: Шкальной А. А., Шкальная А. В.]. Ставрополь: Сервисшкола, 2014.

¹²⁴ Куликова Е.Н. Школьный музей как средство воспитания у школьников чувства патриотизма и гражданственности // Образование как фактор... С. 6–9; Павлова Н.Г. Формирование гражданской идентичности на уроках истории и во внеурочное время. С. 68–72.

потому в воспитательной программе главная цель — трансляция ценностей *славного прошлого* в настоящее, сохранение исторической памяти поколений. За ценностями патриотизма обращаются не столько в советское, сколько в досоветское прошлое, к российской имперской истории 19 века.

Очевидно, что такое обращение в регионе соприкосновения с горскими народами имеет мало шансов на культурное сближение.

Отсюда логичным выглядит второй по частоте упоминания компонент образовательной программы — пропаганда межрелигиозной и межэтнической толерантности. Заявка на трансляцию ценностей из исторического периода завоевания Кавказа внутри своего этнокультурного сообщества неизбежно требует — для сохранения лица — заявки на толерантность.

Казачья программа явно выглядит симметричным ответом этническим программам — программам по формированию этнического самосознания и региональных наций. Обзоры материалов различных проектов по формированию гражданской идентичности в ситуации полиэтничности показывают, что формирование этнокультурных сообществ с претензией на самостоятельную нацию плохо сочетается с идеей формировать общегражданскую идентичность.

В качестве третьей характеристики казачьей программы можно указать на узость круга позитивного гражданского действия, который она обозначает.

Некоторая активность, конечно, подразумевается; патриотизм отождествляется (одним из авторов) с особой направленностью (личности), с самореализацией и социальным поведением граждан, ориентированных на участие в решении общественно-значимых проблем. Мероприятия, направленные на стимулирование гражданского поведения школьников, предлагаются следующие:

- профилактика девиантного поведения, правонарушений,
- нормативное обеспечение регламентацией взаимоотношений субъектов образовательного процесса,
- формирование правовой компетентности: способности защищать свои права, осознавать ответственность за выполнение обязанностей, выстраивать поведение в соответствии с нормами права и морали¹²⁵.

Как видно, в перечисленных мероприятиях преобладает охранительная установка от *не регламентированных* обществом действий, которая не предполагает либертарианского правила «что не запрещено, то разрешено»; единственный инициативный индивидуализированный признак «способность защищать свои права» и тот имеет охранительный характер.

Прав Р.С. Бзаров с коллегами: такая пассивная программа мало поможет носителям русской культуры совладать с современными вызовами.

¹²⁵ Мамедова Н.И. Воспитание гражданской активности // Образование как фактор... С. 34–40.

1.4.4. Формирование гражданской идентичности в поле образования

Фокусировка на социокультурном и ставка на Пандею (Андрюшков А.А.)

В статье ставятся два вопроса: «нужно ли разрабатывать в отечественной системе образования¹²⁶ специальные методы выращивания российской идентичности, и если да, то на каких принципах они должны строиться»¹²⁷. Этот вопрос рождается из критики, ведущейся с консервативной позиции, того, что «человеческая форма и социокультурная идентичность становятся ключевыми объектами экспериментирования, порождая множество технологий замещения традиционных форм мировоззренческого становления человека»¹²⁸. Результаты экспериментирования видятся автором в окончательной утрате устойчивых и определенных мировоззренческих основ для самоопределения человека в культуре «кибер-постгуманизма»:

Если модернистские проекты разрушения традиционных идентичностей (например, феминистский проект) взывали к определенности справедливого и свободного общества с точечной нацеленностью на прагматический эффект (первая заря нью-эйджа), то современные нам эксперименты с человеческой формой — это перманентный экстрим, т. е. стили жизни на пике острых ощущений. Такие стили жизни, поддерживаемые коммерцией развлечения, не требуют определенности, поскольку срок их популярности — максимум пять-десять лет¹²⁹.

Определенность и ценностная укорененность проектов модерна противопоставляется текучей сиюминутности и неопределенности коммерческого стимулирования. Консерватизм авторской критики обосновывается не только в проектах модерна, но и институционально: коммерция может позволить себе неопределенность, а сфера среднего образования — нет, поскольку именно в ней «решается вопрос качества жизни последующих поколений в их связи с поколениями предшествующими»¹³⁰.

Автор приветствует наметившуюся с 2006 г. тенденцию «связывать воспитательную деятельность школы с формированием у учащихся российской идентичности, т.е. осознания себя как носителя российской культуры и гражданина России»¹³¹. Таким образом, российская идентичность определяется через «осознание себя как носителя российской культуры и гражданина России». Автор отмечает неадекватность традиционных для советской школы технологий формирования гражданственности и патриотизма «сложившимся в уже очень индивидуализированном российском обществе формам жизни и мировоззрения, не принимавшиеся ни родителями, ни детьми»¹³². Столь же неадекватной представлена и попытка «официальных» религий» вступить «в борьбу за

¹²⁶ То есть, в средней школе.

¹²⁷ Андрюшков А.А. Формирование российской идентичности как задача образования: мировоззрение, создающее будущее // Вопр. образования. М., 2011. № 3. С. 287.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Андрюшков А.А. С. 288.

¹³⁰ Андрюшков А.А. С. 289.

¹³¹ Андрюшков А.А. Формирование российской идентичности как задача образования: мировоззрение, создающее будущее // Вопр. образования. М., 2011. № 3. С. 289.

¹³² Андрюшков А.А. С. 289.

нравственное воспитание молодого поколения», встретившая «жесткую критику со стороны светских ученых и образовательной общественности»¹³³.

Автор указывает, что в 2006–08 гг. «на разных экспериментальных площадках Москвы, в научных институтах и РАО», в СМИ активно обсуждался вопрос о том, какой должна быть «концепция воспитания в новой российской школе» и ее основные принципы¹³⁴. Искомая концепция ориентировалась на то, чтобы, с одной стороны, «преодолеть межпоколенческий разрыв и кризис идентичности», то есть укрепить гражданское самосознание одновременно в синхронном и диахронном измерениях, а с другой стороны — «избежать доктринерства советской школы»¹³⁵; иными словами, предложить актуальные, адекватные культурные формы и технологии воспитания.

В процессе обсуждения специалисты **НИИ инновационных стратегий развития общего образования** в 2007 г. в рамках программы «Строим школу будущего» озвучили идею формирования российской идентичности; ее реализация предполагала:

сформировать теоретические представления о процессах самоидентификации подростка со своей страной и культурой народа,

создать систему мониторинга процессов формирования российской идентичности, предложить технологии педагогического воздействия на процессы самоидентификации подростка со своей страной и культурой народа¹³⁶.

Автор свидетельствует, что с 2008 г. творческий коллектив во главе с Н. Никандровым, А. Кондаковым и Л. Кезиной при разработке стандартов второго поколения положил в основу воспитательной концепции идею формирования российской идентичности, в которой различались три компонента:

- (1) этнический,
- (2) гражданский,
- (3) общечеловеческий.

Гражданский компонент призван устанавливать связь учащегося с Россией, этнический (и территориальный) — с «малой родиной», а общечеловеческий — со всем человечеством, соответственно. Результаты образовательного процесса (сформированности гражданской идентичности) операционализировались по трем компонентам: знаниевому, ценностному и деятельностному¹³⁷.

Автор приводит и контраргументы, высказанные критиком, который в изложенной концепции увидел идею внедрить общегосударственную идеологию в качестве основы для формирования 3-компонентной идентичности; эта идея, по мнению критика, противоречит статьям Конституции РФ, гарантирующим идеологическое многообразие (ч. 1 ст. 13) и «свободу совести, свободы мысли и слова» (ст. 28, ч. 1 ст. 29). Критик, в частности, пишет:

...не может быть никакого общеразделяемого представления, тем более позиционируемого как общеобязательное и формируемого у всех детей в школе. Единый российский народ де-факто существует, и это отражается в различных формах, как в обще-

¹³³ Андрюшков А.А. С. 289.

¹³⁴ Андрюшков А.А. С. 289.

¹³⁵ Андрюшков А.А. С. 289–290.

¹³⁶ Андрюшков А.А. С. 290.

¹³⁷ Андрюшков А.А. С. 290.

ственным, так и в индивидуальном сознании. Но никто не обязан разделять некие идеологизированные представления и установки авторов Концепции на этот счет. Свобода мысли и мировоззренческого выбора запрещает вторжения идеологии в школу»¹³⁸.

Таким образом, идея патриотического воспитания (формирования российской идентичности) в школе по единой концепции критикуется с позиции:

- а) правозащиты от идеологического единообразия и вторжения в школу,
- б) недоверия к содержанию Концепции авторов и их недостаточной авторитетности,
- в) отсутствия необходимости *производить* «единый российский народ», поскольку он «де-факто существует».

Автор статьи видит в этой контраргументации сходство с предложениями РПЦ предоставить религиозным институтам возможность «заняться воспитанием нравственности в соответствии с региональной спецификой и на добровольной основе». Эти предложения содержат принципиальное «несогласие с тем, что гражданская идентичность учащихся должна основываться на какой-то общегосударственной идеологии»¹³⁹. Тем самым РПЦ берется гарантировать защиту школьников от единообразной государственной идеологии и обеспечить региональную специфику процессу воспитания гражданина.

Сам автор отказывает и правительству в прерогативе на формировании идеологии для образования: «социокультурный институт Образования (и особенно в своей воспитательной функции) — это не ведомственное дело правительства страны, но прежде всего дело межпоколенческих связей»¹⁴⁰. Кто обеспечит выполнение «дела межпоколенческих связей»? — Общество, — отвечает автор длинной цитатой из В. Йегера, а точнее Пайдейя, которую автор не сразу и как бы нехотя отождествляет с «образовательной коммуникацией», которую ведет, например, Платон, в своих диалогах переосмысливший античность и спроектировавший «новые формы жизни», стремившийся «заново понять и усвоить вроде бы очевидные для всех греков вещи, одновременно преобразовывая их». Иными словами, не церковь, не правительство, но лишь *воспитательное* сообщество способно выстроить «общество развития на его собственных основаниях»¹⁴¹.

Это возможно только при переосмыслении общественных функций образования; только так можно перебороть:

«наблюдаемые сегодня в глобализированных обществах тенденциям схлопывания исторического и культурного горизонта самоопределения до мига ощущения... Ни для того, чтобы подстраиваться под требования рабочего места, ни для того, чтобы экспериментировать с идентичностями, Образование не нужно, нужны тренинги и правильно управляемый доступ к информации. А вот для того, чтобы создавать будущее, оно крайне необходимо»¹⁴².

¹³⁸ Понкин И. Концепция духовно-нравственного воспитания во многом ошибочна // Православное информ-агентство «Русская линия». 23.06.2009. [<http://rusk.ru/st.php?idar=114319>]

¹³⁹ Андрюшков А.А. Формирование российской идентичности как задача образования: мировоззрение, создающее будущее // Вопр. образования. М., 2011. № 3. С. 290–291.

¹⁴⁰ Андрюшков А.А. С. 291.

¹⁴¹ Андрюшков А.А. С. 292.

¹⁴² Андрюшков А.А. С. 291–292.

Автор ожидает «рождения в современной России институтов Пайдеи» и относит к ним «кроме собственно школы и вузов... и институт мировоззренческого телевидения, и институт рефлексивных СМИ, т.е. массмедийные формы становления личного мировоззрения»¹⁴³.

Воспитание личного мировоззрения — вот ключевая задача:

...мировоззрение ни в коем случае не система, если использовать это слово как синоним связанных между собой и взаимообусловленных суждений. Мировоззрение нельзя упорядочить в виде последовательных ответов на все возможные вопросы. И тем более его нельзя передать другому. Мировоззрение — это не структура ответов, но процесс формирования собственной позиции на основании безусловно разделяемых ценностей. Дело в том, что ценности как дескрипции не существуют в области практической нравственности, но только в декларации. А ценности как жизнетворные смыслы, напротив, определяют поступки, но не могут быть декларируемы. Они рефлексивно выявляются в ходе процесса самоопределения по отношению к проблемным мировоззренческим ситуациям, т. е. к ситуациям, в которых отсутствует образец для подражания.

В этом и заключается разница между идеологическим и мировоззренческим воспитанием: первое транслирует ответы на все возможные вопросы, «систематизируя» картину мира, второе же предлагает общественно значимые проблемы, решение которых — открытая и жизненно важная задача общества»¹⁴⁴.

Мировоззрение, в отличие от идеологии, позволяет раздвинуть горизонты своего мира в прошлое и будущее, «сознанием дотянуться до своих предков и до своего потомка»¹⁴⁵ и сформировать свою социокультурную идентичность:

...форма создания вертикальной связи между социальным самоощущением человека и существованием человека в той или иной культурной традиции... когда человек может здесь и теперь, в данной социальной ситуации решить, к какой традиции он принадлежит, и определить, что эта традиция является его духовной родиной, служение которой задает для него ценностно-целевой план жизни.

...важнейшая характеристика социокультурной идентичности — принадлежность к тому или иному культурному роду. Именно в культурном роде человек и становится личностью»¹⁴⁶.

Автор утверждает, что воспитание — формирование социокультурной идентичности не поддается измерению и технологизации; воспитание, как процесс «формирования таких жизненных структур сознания, которые заставляют его устанавливать родство с историей и культурой своего народа» — это «принципиально другой процесс, чем освоение предметности наук или моделей социального поведения»; пример успешной организации такого процесса автор связывает с учителем «от бога».

Однако «либеральный» отказ от воспитания опасен «проигрышем» и молодого поколения, и России вообще в условиях «настоящей информационной войны... за то, к чему ребенок будет себя прикреплять, к какому стилю жизни, к какому мировоззрению, к каким культурным образцам»¹⁴⁷.

¹⁴³ Андрюшков А.А. С. 293.

¹⁴⁴ Андрюшков А.А. С. 293–294.

¹⁴⁵ Андрюшков А.А. С. 294.

¹⁴⁶ Андрюшков А.А. С. 295.

¹⁴⁷ Андрюшков А.А. С. 297.

Пока воспитание не поддается технологизации, социокультурная идентичность «формируется свободно, через самоопределение в проблемных и кризисных ситуациях»; возможно, Воспитатель «от бога» их создает без жестких алгоритмов, как бы естественно и с развивающим эффектом. Но это не отменяет задачи обобщить «философско-антропологические теории и идеи, определяющие способы культурной самоидентификации» и перевести их «в режим образовательной деятельности», прояснив «генезис идентичитарных структур сознания, о том, как эти структуры формируются». Такой научный поиск необходимо предпринять, поскольку «государственный заказ на идеологию» не выручит:

Во-первых, потому что в эту новую идеологию никто верить не будет, а будут использовать ее как избавление от мучительного процесса самоопределения. Во-вторых, идентичность идеологией уже не формируется, в лучшем случае государственная идеология является ориентиром для выработки личной идентичности (как, например, знаменитая уваровская формула «вера, самодержавие, народность»). Идеология как замена личного мировоззрения — это ложная форма самоидентификации, она, как показала перестройка, держится не на личности, а на социальных обстоятельствах. Помочь ребенку обнаружить историю России и отечественную культуру как свою родину — вот основная задача так называемого патриотического воспитания, но делать это надо не через адаптацию к социально-политической конъюнктуре, а через проживание генезиса России и российской полиэтнической культуры¹⁴⁸.

Если воспитательный процесс не поддается технологизации и измерению, то измерению поддается распространенность типов самоопределения по отношению к государству и к истории своей страны, однако подобных исследований, как сетует автор, среди российских школьников не проводится. Тем не менее, надежду вселяет начатая в рамках проекта «Строим школу будущего» разработка системы мониторинга формирования российской идентичности и мировоззрения в московских школах. Автор утверждает, что на момент публикации статьи «мониторинг опробован на нескольких школах Москвы, и обнаружено, что через особую форму анкеты можно «снимать» содержание сознания ребенка в той его части, которая должна отвечать за мировоззренческое самоопределение»¹⁴⁹. В статье приведена матрица, на основе которой строилась анкета (см. приложение); она позволила увидеть, «какие идентификационные структуры естественным образом (спонтанно) сформировались у ребенка»¹⁵⁰.

Таким образом, автор оперирует понятием «социокультурная идентичность», которая может складываться на устойчивых и определенных мировоззренческих основаниях. Устойчивость задается соотношением себя с предками и потомками рода, определенность сопряжена с рефлексивностью.

С технологической точки зрения, автор видит социокультурную идентичность индивида синтетически: как результат конструирования, но в границах устойчивых и определенных мировоззренческих оснований.

Проект социокультурной идентичности россиянина включает 3 уровня:

- (1) этнический,
- (2) гражданский,

¹⁴⁸ Андрюшков А.А. С. 298.

¹⁴⁹ Андрюшков А.А. С. 297.

¹⁵⁰ Андрюшков А.А. С. 297.

(3) общечеловеческий.

Подчеркивается, что формирование идентичности происходит как свободный выбор индивида; искусство формирования идентичности с заданным результатом заключается в расстановке «невидимых» детерминант.

Что и как делать? От конструирования социокультурной идентичности в школе автор отлучает и государство (в лице правительства), и церковь (все «официально» признанные религии); конструированием назначена заниматься Пандейя, производители воспитательной коммуникации — [лучшие] представители воспитательного сообщества.

Основа формирования социокультурной идентичности — не идеологии и не технологии, но мировоззрение. В число акторов, формирующих социокультурную идентичность, включены «кроме собственно школы и вузов... и институт мировоззренческого телевидения, и институт рефлексивных СМИ, т.е. массмедийные формы становления личного мировоззрения».

Нужно:

- обобщить «философско-антропологические теории и идеи, определяющие способы культурной самоидентификации», прояснить «генезис идентичитарных структур сознания» — как эти структуры формируются,
- вести в школах мониторинг типов самоопределения по отношению к государству и к истории своей страны.

Программа для сельских школ — подготовка к миграции? (Байбородова Л.В.)

Идентичность. Автор (без ссылок) апеллирует к распространенному пониманию гражданской идентичности как:

«осознанию личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе. Гражданская идентичность не тождественна гражданству, а имеет личностный смысл, определяющий целостное отношение к социальному и природному миру. ...личность имеет право свободного выбора и самоопределения в условиях уважения прав других на свой выбор. Она выступает как осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющее для индивида значимый смысл, основанное на признаке (качестве) гражданской общности, характеризующем ее как коллективного субъекта»¹⁵¹.

Тем самым автор демонстрирует понимание индивидуалистическое и синтетическое.

Вызовы. Также автор указывает на условия, в которых надлежит формировать у сельских школьников гражданскую идентичность:

...должны уметь жить в условиях обостренной социальной и материальной неопределенности, решать задачи организации новых форм хозяйствования на селе, в том числе негосударственных. В условиях изменения содержания и характера труда и отмирания ряда видов массового труда, растущей безработицы и в то же время расширения сфер применения способностей сельского жителя...»¹⁵²

Короче говоря, сельскому жителю предстоит быть более гибким перед лицом закрытия привычных и открытия новых, неведомых ранее возможностей.

¹⁵¹ Байбородова Л.В. Воспитание гражданской идентичности сельских школьников // Образовательная панорама. 2015. № 1 (3). С. 64.

¹⁵² Байбородова Л.В. С. 64.

Воспитание идентичности (формирование) трактуется как:

*многоплановая, систематическая, целенаправленная и скоординированная деятельность педагогов и школьников по формированию у учащихся свойств, присущих гражданину, патриоту своей страны*¹⁵³.

Таким образом формирование идентичности рассматривается как интерактивный процесс в русле педагогики сотрудничества, предполагающий добровольное участие школьников в своем патриотическом воспитании.

В число формируемых свойств входит:

- *умение жить в условиях рынка, обеспечивая себе экономическую самостоятельность в соответствии со своими способностями и потребностями;*
- *способность интегрироваться в сложившуюся систему общественных отношений, умение устанавливать контакты с другими людьми;*
- *готовность к объединению для решения лично и общественно значимых проблем, к сотрудничеству и согласию;*
- *неприятие агрессии, жестокости, насилия над личностью;*
- *умение любить свою Родину, быть полезным своей семье, обществу, государству, своему селу*¹⁵⁴.

Перечисленные свойства в принципе вполне поддаются операционализации (с последующим пусть грубым, но измерением).

К педагогическим подходам, заявленным в региональной концепции воспитания гражданской идентичности (индивидуально-ориентированный, системно-деятельностный, интегративный, развивающий, вариативный¹⁵⁵) добавлены подходы, специфические для сельских условий.

Содержание и средства воспитания у школьников гражданской идентичности подробно раскрыты в таблице¹⁵⁶; однако концептуальной связи с пятью формируемыми свойствами школьника не просматривается.

Операционализация и процедуры измерения эффектов педагогического воздействия не представлены. Отчетливо видна попытка включить в модель все позитивное, что дает в итоге эклектичную образовательную технологию без инструментов измерения ее эффективности.

Определенность и логичность содержательной модели обесценивается технологической эклектикой, уходом от операционализации и измерения эффектов педагогического формирования гражданской идентичности.

К истокам народной культуры! (Зайцева Н.В.)

Текст представляет собой исключительно заклинание о необходимости использовать народную культуру в процессе воспитания гражданской идентичности.

Непроговоренная стержневая идея реконструируется: сначала формируем полноценное этническое самосознание, а потом на его базе воспитываем гражданскую идентичность; на этничности человек в онтогенезе тренируется в выработке цельного само-

¹⁵³ Байбородова Л.В. С. 64.

¹⁵⁴ Байбородова Л.В. С. 64.

¹⁵⁵ Рожков М.И., Сапожникова Т.М. Формирование у школьников гражданской идентичности и межэтнической толерантности в поликультурном пространстве: метод. пособие. Ярославль: Канцлер, 2013.

¹⁵⁶ Байбородова Л.В. С. 66–71.

сознания, которое потом может наполняться общегражданскими смыслами, без этнической основы не может быть гражданского самосознания, его не на чем строить.

Речь автора монологична: школьник предстает бессловесным объектом формирования; технологические и концептуальные аспекты модели формирования остаются без внимания¹⁵⁷.

Нация наций (Корнаева З.В.)

В соответствии с этнополитической моделью российской гражданской нации содержание поликультурного образования автор делит на «четыре взаимосвязанные культурные части»:

- *этнокультурная*, которая обеспечивает человеку возможность идентификации в качестве представителя конкретной этноязыковой и этноконфессиональной группы;
- *национально-территориальная*, или обеспечивающая человеку возможность идентификации в качестве представителя национально-территориального сообщества конкретного субъекта Российской Федерации;
- *общероссийская часть* дает возможность человеку идентифицировать себя в качестве представителя российской гражданской нации;
- *мировая (общечеловеческая)* часть обеспечивает человеку возможность идентификации в качестве равноправного члена международного сообщества¹⁵⁸.

Достижение гармоничного баланса между этими «культурными частями» достигается в стиле «заклинания»:

Духовно-нравственные ценности и достижения всех культур, всех этнических и этноконфессиональных групп, всех национально-территориальных сообществ России только в поликультурном контексте приобретают образовательную актуальность. Кроме того, морально-этическое единство и духовно-нравственная целостность поликультурной основы образования позволяет избежать риска раздвоения личности, исключить опасность противопоставления этнокультурной и гражданской идентичности человека¹⁵⁹.

Основная часть статьи — апология действующих учебных программ.

Обращает внимание использование в обозначении идентичности регионального уровня определения «национальный». Это предполагает, что в иерархии идентичности заложены два *национальных* уровня: нация регионального горизонта и нация общегражданского горизонта.

¹⁵⁷ Зайцева Н.В. Русская народная песня — неиссякаемый источник основ формирования гражданской идентичности современных школьников // Мир современной науки. 2013. № 5 (20). С. 61–65.

¹⁵⁸ Корнаева З.В. Формирование компетенций гражданской идентичности учащихся начальной школы // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества. 2012. № IV. С. 161.

¹⁵⁹ Корнаева З.В. Формирование компетенций гражданской идентичности учащихся начальной школы // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества. 2012. № IV. С. 161.

За этнокультурную идентичность под общегражданскими лозунгами! (Бзаров Р.С. и др.)

По мнению авторов, принятая в РФ концепция духовно-нравственного воспитания¹⁶⁰ (для среднего образования¹⁶¹), закрепляющая поликультурный характер содержания образования, адекватно нацелена на удовлетворение этнокультурных потребностей россиян. Эта концепция предполагает гармоничное выстраивание иерархической идентификационной структуры, но отдельно по каждому аспекту с отдельными учебниками, каждый из которых ориентировался бы на формирование общероссийского, регионального и мирового уровней самосознания.

Авторская же трактовка концепции предлагает интегрированное преподавание мирового, общероссийского и этнокультурного – в одном учебнике; так, чтобы эти учебники создавались в каждом регионе, с целью:

формировать у учащегося представление о своей этнической культуре как элементе общероссийской и мировой культур, а о самом себе – как наследнике своей этнокультурной традиции, гражданине российской нации и члене мирового сообщества. Только такая поликультурная личность и способна к созидательной политической, экономической и социальной жизнедеятельности в современном многогранном глобализованном мире¹⁶².

Для этого нужно активно расширять объем значения «россиянин», активно разъяснять, что «россиянин» не есть синоним понятию «русский», активно включать в самоидентификационную категорию русских «мы – россияне» и другие народы страны¹⁶³.

Авторы высказывают озабоченность тем, что в этнорегионах в результате недостаточного внимания к этнокультурному компоненту в образовании сложились «зоны отсутствия культурной доминанты»: города национальных территорий, где забывают свой язык, где происходит языковая ассимиляция (переход на русский язык), но культурной ассимиляции не происходит¹⁶⁴. В итоге получаются культурные гибриды, которые не могут быть полноценными гражданами России.

Свою аргументацию авторы усиливают указанием на то, что «в своем нынешнем состоянии русская этнокультура не в силах помочь даже самому русскому этносу адаптироваться к стремительно меняющемуся миру»¹⁶⁵. Стало быть, конкурентное этнических нерусских, перешедших на русский язык без культурной ассимиляции, следует оценивать еще ниже, чем представителей численно господствующего русского этноса. Значит, мы имеем дело с дискриминацией по этнокультурному признаку.

¹⁶⁰ Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009.

¹⁶¹ Другие авторы называют эту концепцию либеральной по духу.

¹⁶² Бзаров Р. С., Камболов Т. Т., Кучиева Л. А. Поликультурная образовательная модель как основа формирования российской гражданской идентичности обучающихся общеобразовательной школы. Владикавказ: Изд-во СОГПИ, 2011. С. 6.

¹⁶³ Бзаров Р. С., Камболов Т. Т., Кучиева Л. А. С. 6.

¹⁶⁴ Бзаров Р. С., Камболов Т. Т., Кучиева Л. А. Поликультурная образовательная модель как основа формирования российской гражданской идентичности обучающихся общеобразовательной школы. Владикавказ: Изд-во СОГПИ, 2011. С. 6–7.

¹⁶⁵ Бзаров Р. С., Камболов Т. Т., Кучиева Л. А. С. 7.

Какой выход? Рецепт предлагается: «Российская гражданская нация может состояться как единство различий и диалога этнических культур народов страны»¹⁶⁶. Иными словами, нужно сначала развивать полноценное этнокультурное самосознание, а затем (логически, но не исторически) поддерживать межкультурный диалог между представителями разных этнокультурных сообществ. Отсюда логично вытекает и сверхзадача — «гражданская консолидация полиэтнического российского социума»¹⁶⁷.

Убеждает в авторской лояльности общероссийским ценностям обширный глоссарий основных понятий, разработанный с опорой на Концепцию духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России¹⁶⁸. В соответствии с концепцией,

Нация – государственно-территориальная и политико-правовая общность, существующая на основе общих политических, историко-культурных и духовно-ценностных характеристиках и общего самосознания; народ РФ – многоэтническая гражданская нация, включающая этнические общности нации, национальности и народы.

Гражданское общество – самоорганизация для выражения и защиты интересов.

*Гражданская идентичность — представление о принадлежности к сообществу граждан страны, сложившемуся на основе общности исторической судьбы, языковых и культурных традиций, экономических и социальных связей и политически закреплённому фактом существования государства*¹⁶⁹.

Сходная концепция изложена в другой книге этого же авторского круга, но применительно к дошкольному воспитанию¹⁷⁰.

Представляется, что концептуально близка к изложенному подходу и книга московских авторов, раскрывающих официально принятую концепцию¹⁷¹. В ней нет лишь указаний на бессилие русской культуры перед вызовами (пост)модернизации. Возможны два вывода: либо принятая *либеральная* концепция допускает примордиалистское перетолкование; либо региональные авторы в своей интерпретации ее исказили.

Приоритет социокультурной идентичности (Шакурова М.В. и др.)

На этапе школьного воспитания следует формировать не столько российскую гражданскую, сколько российскую социокультурную идентичность, которая есть:

*элемент самосознания, проявляющийся в процедурах ощущения, осмысления и реализации субъектом своей определенности и непрерывности в процессах принятия, интериоризации и интрариоризации в данном пространственно-временном континууме транслируемых значимыми с его точки зрения социальными институтами, общностями, группами, субъектами культурных и субкультурных моделей*¹⁷².

¹⁶⁶ Бзаров Р. С., Камболов Т. Т., Кучиева Л. А. С. 7–8.

¹⁶⁷ Бзаров Р. С., Камболов Т. Т., Кучиева Л. А. С. 9.

¹⁶⁸ Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009.

¹⁶⁹ Бзаров Р. С., Камболов Т. Т., Кучиева Л. А. С. 89–91.

¹⁷⁰ Геворкянц Ж.А., Георгян А. Р., Кучиева Л. А. Сопровождение процесса формирования гражданской идентичности на этапе дошкольного детства. Владикавказ: Изд-во СОГПИ, 2014.

¹⁷¹ Новицкая М. Ю., Чигрина С. Г. Мы — граждане России: методические рекомендации для педагогов начальных классов по формированию гражданской идентичности у младших школьников в условиях поликультурного и поликонфессионального общества. М.: ФИРО, 2012. С. 8.

¹⁷² Шакурова М.В., Сырых Т.В., Лактионов В.В. Педагогическое сопровождение становления российской идентичности школьников. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2010. С. 10.

Социокультурная идентичность в этом понимании представляет одновременно и основу, и итог, венец, как в плане технологической последовательности — порядка целенаправленного формирования аспектов идентичности, — так и в концептуальном плане: «Российская идентичность выступает видом социокультурной идентичности»¹⁷³, то есть, разновидностью социокультурной идентичности, вариантом ее реализации, объективации.

Именно в социокультурной идентичности преодолеваются, снимаются противоречия между разными аспектами *российской идентичности*: геополитической, территориальной, гражданской, этнической, религиозной, государственной¹⁷⁴.

В этой концепции соединение «социального» и «культурного» извлекает культуру из категории примордиальных аспектов человеческого существования, что предполагает *социальное конструирование культуры*, как всеобъемлющей имагинативной целостности, которая может выполнить функции «плавильного котла», дающего на выходе сплавы когнитивных (рефлексивных), эмоциональных и поведенческих элементов. Такое понимание не отменяет важности этнического компонента, но препятствует его доминированию и снижает шансы на его политизацию в будущем.

Эклектика на фундаменте примордиализма (С.М. Дзидзоева)

Работам этого автора (с соавторами) свойственна синкретичность и неориентированность сказанного слова на практическое использование. Так, к важнейшим компонентам формирования гражданской идентичности дошкольников авторы относят:

*...формирование патриотизма как интегративного качества личности, заключающего в себе внутреннюю свободу и уважение к государственной власти, любви к семье, краю, Родине, стремление к миру, воспитание чувства собственного достоинства, гармоничного проявления патриотических чувств и толерантного отношения к представителям других национальностей*¹⁷⁵.

Это — хороший пример эклектического мышления, не предполагающего реализации высказанной мысли в конкретном действии.

Однако при всем синкретизме в формулировках основ гражданского воспитания отчетливо просматривается примордиалистский стиль рассуждения — *естественная* связь с природной средой обитания и культурой *своего народа*:

*Базой для формирования гражданской идентичности дошкольников являются глубинные чувства любви и привязанности к культуре своей страны и своему народу, к своей земле, воспринимаемой в качестве родной, естественной и привычной среды обитания человека. Естественно развивающееся чувство привязанности к отеческим ценностям становится предметом осмысления в процессе целенаправленного формирования основ гражданской идентичности у дошкольников, в результате чего формируются убеждения и готовность маленького гражданина действовать в соответствии с ними*¹⁷⁶.

¹⁷³ Шакурова М.В., Сырых Т.В., Лактионов В.В. С. 10.

¹⁷⁴ Шакурова М.В., Сырых Т.В., Лактионов В.В. С. 42.

¹⁷⁵ Дзидзоева С.М., Красношлык З.П. Теоретико-методологические основания формирования основ гражданской идентичности дошкольников в условиях поликультурного образовательного пространства // Вестник Владикавказского научного центра. 2014. Т. 14. № 2. С. 53.

¹⁷⁶ Дзидзоева С.М., Красношлык З.П. С. 53–54.

Очевидно, что естественность связи, объединяющей отношения с природой и культурой *своего* народа, можно встретить лишь в отсутствии поликультурных контактов и вне городской среды. Так что предлагаемая концепция хорошо подходит для образовательно-воспитательных ситуаций, для которых характерен относительный дефицит (по сравнению с городской средой) контактов с разнообразием.

Авторы констатируют, что:

...роль и значение этнической культуры в формировании гражданской идентичности личности значительно возрастает и определяет специфику содержания дошкольного воспитания¹⁷⁷.

Аргументов в пользу возрастания роли этнической культуры авторы не приводят. «Естественность» связи с этничным не предполагает как избыточного активного конструирования гражданской идентичности; упоминания поликультурности в таком дискурсе не имеют практических следствий, являясь не более чем фигурой речи.

В фокусе внимания авторов — производство не индивидуальной, а коллективной субъектности:

Среди факторов становления и поддержания коллективной субъективности гражданской общности наиболее значимы:

- 1) общее историческое прошлое (общая судьба), укореняющее и легитимизирующее существование данной общности, воспроизводящееся в мифах, легендах и символах;*
- 2) самоназвание гражданской общности;*
- 3) общий язык, являющийся средством коммуникации и условием выработки разделяемых смыслов и ценностей;*
- 4) общая культура (политическая, правовая, экономическая), построенная на определенном опыте совместной жизни, фиксирующая основные принципы взаимоотношений внутри общности и ее институционального устройства;*
- 5) переживание данным сообществом совместных эмоциональных состояний, особенно связанных с реальными политическими действиями.*

Перечисленные факторы предполагают формирование гражданского коллективного субъекта по лекалам субъекта этнического.

Если принятую в РФ педагогическую концепцию считать либеральной, то установка на формирование гражданских коллективных субъектов по этническому признаку явно концепции противоречит.

Гражданственность как социокультурный модерн (Георгиян А.Р.)

Автор видит негативные факторы развития ребенка дошкольного возраста в «отчуждении подрастающего поколения от отечественной культуры, общественно-исторического опыта своего народа». Поэтому «формирование гражданской идентичности личности ребенка рассматривается как ключевая задача дошкольного образования в социокультурной модернизации России», выполнение которой направлено на:

«интеграцию, единство и целостность самосознания личности как гражданина поликультурного общества на основе присвоения системы общечеловеческих нравственных ценностей, свободу его самовыражения на основе учета многообразия социальных установок, норм и ценностей. Базовым идентифицирующим механизмом является

¹⁷⁷ Дзидзоева С.М., Красношлык З.П. С. 54.

патриотизм как чувство приверженности гражданской общности, признание ее значимой ценностью»¹⁷⁸.

Итак, формирование гражданской идентичности важно для социокультурной модернизации России: воспитание людей, усвоивших систему общечеловеческих (глобальных?) нравственных ценностей на основе патриотизма. Здесь угадывается иерархическая конструкция, выстраиваемая с расширением горизонтов личного опыта:

Постепенно у дошкольника складывается «образ собственного дома», с его укладом, традициями, стилем взаимоотношений. Ребенок принимает свой дом таким, каков он есть, и любит его. Это чувство «родительского дома» и ложится в основу любви к Родине, это формирует чувство защищенности. Важно, чтобы в своем доме ребенок имел обязанности, за что-то был ответствен»¹⁷⁹.

Как? В цитате выше отметим избегание сравнений «своего дома» с «другими домами»: *Ребенок принимает свой дом таким, каков он есть, и любит его.* Позиция абсолютно адекватная для дошкольного воспитания.

Основном актором формирования гражданской идентичности у дошкольников видится педагог; именно о нем больше всего слов сказано в статье, именно за ним признается значимость для ребенка¹⁸⁰. Педагог и руководитель образовательного учреждения рассматриваются трансляторами «программ формирования гражданской идентичности личности», и к этой общественной функции они должны себя готовить, формируя у себя:

- «представления о функциях, содержании и структуре гражданской идентичности личности»;
- «представления о закономерностях формирования гражданской идентичности в дошкольном возрасте, условиях и факторах ее развития»;
- «представления о роли гражданской активности и организации детского самоуправления для формирования гражданской идентичности личности воспитанников»;
- «готовность к внедрению программ формирования гражданской идентичности»¹⁸¹.

В качестве контролера для педагога (видимо, в дополнение к руководителю) выступает психолог, которому важно:

формировать у педагогов потребность в психологических знаниях о способах формирования основ гражданской идентичности детей дошкольного возраста и желании применять их в работе с родителями и ребенком в интересах развития собственной личности, а также достижения понимания необходимости использования активных методов обучения»¹⁸².

Таким образом, формирование гражданской идентичности у дошкольников мыслится исключительно в институциональном пространстве ДОУ, исполняется исключительно

¹⁷⁸ Георгян А.Р. Психолого-педагогическое сопровождение процесса формирования гражданской идентичности дошкольников в условиях поликультурного образования // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества. 2014. № V. С. 42.

¹⁷⁹ Георгян А.Р. С. 45.

¹⁸⁰ Георгян А.Р. С. 45.

¹⁸¹ Георгян А.Р. С. 45.

¹⁸² Георгян А.Р. С. 45.

персоналом ДОУ, о взаимодействии которого с другими социализирующими акторами в статье не говорится (альтернативные среды лишь вскользь упоминаются).

Гражданская идентичность видится как иерархическая структура, которая выстраивается последовательно от локального к глобальному уровню; несмотря на то, что в ней сохраняется влияние локального уровня, приоритетом выступает подчеркивание общегражданского культурного пространства и формирование патриотизма в рамках гражданского сообщества.

Отчетливого и замкнутого этнического самосознания концепция не предполагает (в отличие от работы написанной автором в соавторстве¹⁸³; работы, которая концептуально близка к цитируемой работе Р.С. Бзарова с соавторами).

1.4.5. Глобальные вызовы

Укрепить государство — главная задача в 21 веке (Кортунов С.В.)

Основная мысль выражена четко: глобализация размывает институт национального государства, тем самым создает «угрозу поражения центрального идентификационного ядра, хранящего наиболее устоявшиеся, накапливающиеся порой тысячелетиями, и потому наиболее прочные представления различных этнонациональных общностей о себе самих»¹⁸⁴. Поэтому

*Сохранение и укрепление этого ядра ... и составляет важнейшую задачу национальной безопасности, поскольку национальная идентичность является ее сущностной основой и одновременно важнейшим ресурсом развития, инновационной модернизации и конкурентоспособности в XXI веке*¹⁸⁵.

Автор мыслит ядром национально-государственной идентичности *ключевую идею государства* и сетует, что она еще не сформулирована. Для ее формулировки нужно опереться на историю, но беда в том, что идеи советского государства (ценности которого еще сохранились в российском обществе) были поражены кризисом, в результате чего СССР и почил, а идеи Российской Империи бесполезны как строительный материал, потому что историческая традиция советским периодом была прервана безвозвратно.

Кризис национальной идентичности, согласно точке зрения автора, переживают все крупные страны с разнообразным населением, но в России этот кризис проходит тяжелее всего: СССР был центром мировой системы, которая потерпела поражение, новороссийская власть принялась выкорчевывать ценностный фундамент, не давая ничего взамен. В результате чего «уже к середине 90-х гг. XX века Российская Федерация погружилась в постмодернистскую эстетику. Ее идентичность оказалась не просто размытой, но пораженной эклектичным соединением трудносовместимых друг с другом идентичностей: дооктябрьской, советской и новой, «демократической»»¹⁸⁶.

Далее трудности такие. Россия цивилизационно тянется к Европе, однако не может сделать для себя внятный выбор:

¹⁸³ Геворкянц Ж.А., Георгян А. Р., Кучиева Л. А. Сопровождение процесса формирования гражданской идентичности на этапе дошкольного детства. Владикавказ: Изд-во СОГПИ, 2014.

¹⁸⁴ Кортунов С.В. Национальная идентичность как ресурс развития // Мы — Народ: Народ — главный субъект развития, модернизации, управления Россией. М., 2011. С. 269.

¹⁸⁵ Кортунов С.В. С. 269.

¹⁸⁶ Кортунов С.В. С. 274.

А коль скоро это так, то Россия по-прежнему не может сделать геополитический выбор во внешней политике: кто ее главный союзник и партнер? Является ли она частью Большой Европы, и тогда ее главный вектор движения – евроатлантические страны и структуры, - или же она претендует стать самостоятельным центром силы, и тогда она следует «многовекторной» дипломатии и постулатам «многополюсного мира»? Такой выбор не только не сделан. Не просматривается никаких признаков серьезного поиска и даже размышления на эту тему¹⁸⁷.

Окончательно самоопределившись и пристать к североатлантизму мешает история и цивилизационная особенность, даже относительное культурное богатство — по крайней мере, по сравнению с США:

Если Америка могла себе позволить такую «роскошь» как определение идентичности через «американскую мечту», т.е. корпус либеральных ценностей, то Россия была вынуждена определять свою идентичность через «русскую идею», представляющую концепт служения, служения своей стране, народу, человечеству, Богу. Российская национальная идентичность имеет намного больше измерений, чем американская. Например, имперское, которое США и не снилось¹⁸⁸.

Собственно в этом противопоставлении автор снова формирует российскую специфику через категорию государствоцентричности.

С точки зрения автора, перед Россией в начале XXI века на пути выбора продуктивной конфигурации модернизации и сохранения культурного ядра стоит ряд альтернатив:

- между интеграцией в европейскую цивилизацию и стремлением сохранить собственную самобытную российскую цивилизацию;
- между империей и национальным государством;
- между относительной изоляцией и полной открытостью;
- между экономическим и политическим либерализмом и ценностями патерналистского государства;
- между индивидуализмом и коллективизмом (соборностью);
- между мобилизационным и инновационным типом развития (модернизацией);
- между построением политической («граждане РФ» или «россияне») и имперской нации.

Представляется, что выбор в терминах сформулированных альтернатив может носить только умозрительный характер; можно много сил потратить на обоснование того или иного выбора, но всегда будет шанс, что сделанный в муках выбор окажется неосуществимым на практике.

С нашей точки зрения, субдискурс глобализации как вызова для формирования российской национально-гражданской идентичности¹⁸⁹ отличается умозрительностью и философичностью: рассуждения проводятся тонко, основательно, но весьма абстрактно, без привязки к каким-либо практическим задачам, подлежащим внедрению.

¹⁸⁷ Картунов С.В. С. 274.

¹⁸⁸ Картунов С.В. С. 274.

¹⁸⁹ Ачкасов, В.А. Кризис национальной идентичности и проблемы безопасности России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. - М., 2010. - N 4. - С. 63-67; Делокаров, К.Х. Проблема идентичности в эпоху глобализации: российская специфика // Национальная идентичность в северокавказском обществе: поиски путей укрепления / Под общ. ред. А.Ю. Шадже, Е.С. Куквы. Майкоп, 2015. С. 12-29; Магомедова, М.А. Проблемы национальной идентичности в полиэтнической среде в условиях глобализации // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. - Ростов н/Д, 2010. - N 1. - С. 31-35.

1.4.6. Проблемы региональной идентичности

Эмансипация арктических народов России: от родовых общин — к парламенту Ямала

Сборник составлен по итогам конференции (5–6 октября 2012 г.), на которой среди прочих вопросов поднимались: обеспечение представительства интересов коренных малочисленных народов Севера, сохранение культурных ценностей, поиск региональной идентичности. Формирование региональной идентичности видится авторам сборника основой регионального развития, но формировать региональную идентичность следует как элемент общероссийской системы идентичностей. В рамках развития региональной идентичности представители власти и научного сообщества считают необходимым поддерживать культуру региона (собирать литературу на языках коренных народов, выявлять и сохранять объекты культурного наследия), создавать, транслировать и популяризовать символы и бренды региона, развивать концепцию циркумполярной цивилизации, использовать в системе вузовского образования литературу по этнополитическим проблемам региона.

Хороший пример потенциальной амбивалентности продвигаемого концепта региональной идентичности. Идея циркумполярной цивилизации — поиск общности с полярными народами, проживающими в России, Исландии, Гренландии, Канаде, США. Оснований для цивилизационной общности несколько: общность климата и лежащих в основе взаимоотношений с природой специфических (небуржуазных) ценностей; общность политической судьбы: ни один народ не имеет собственной полноценной государственности; общность поселенческой структуры: рассредоточение на огромных территориях, отсутствие центров одновременной концентрации административных, хозяйственных, культурных и человеческих ресурсов и др.¹⁹⁰

Такой поиск общности может играть для государства России, как позитивную (как для Империи татары мягко «осваивали» Среднюю Азию), так и негативную роль («побег» Украины в Европу). Все зависит от относительной притягательности альтернативных российскому выборов. Амбивалентную роль могут играть «поморы» и «сибиряки», грозящие «эмансипацией»; сюда же надо относят все проекты формирования этнокультурных и регионально-культурных идентичностей.

Общероссийская, территориальная и этническая идентичности в Чувашии

На примере Чувашской Республики рассмотрены вопросы соотношения и взаимосвязи общегражданской, региональной и этнической идентичностей населения, проблемы и возможности их измерения. По словам авторов, со стороны власти ставится цель укрепить общегражданскую идентичность, при этом подчеркивается приоритет гражданства над принадлежностью к отдельному этносу. Авторы статьи отмечают, что в различных случаях преобладание той или иной идентичности ситуативно, и приводят мне-

¹⁹⁰ Арктические регионы России : проблемы парламентаризма, представительства и региональной идентичности [Текст] : от родовых общин - к парламенту Ямала : сборник научных трудов по итогам научно-практической конференции, [г. Салехард, 5-6 октября 2012 г.] / Законодательное собрание Ямало-Ненецкого авт. окр., Ин-т филос. и права УрО РАН ; под общ. ред. В. Н. Руденко. Екатеринбург ; Салехард : Баско, 2013.

ния различных исследователей. В.А. Тишков говорит и о конкуренции, и о сосуществовании местной, религиозной, этнической и гражданской идентичностей. Так, Л.М. Дробижева считает, что в целом по России гражданская идентичность преобладает над этнической. Однако противоречия между этими идентичностями нет, они накладываются и по большей части совпадают друг с другом. Но всё же в республиках для представителей титульных национальностей более приоритетна этническая идентичность, чем гражданская¹⁹¹.

Региональная идентичность — формирования общенациональной политической идентичности

В монографии рассматривается региональная идентичность в условиях глобализации и развития современных национальных государств. Автор говорит о сложных межнациональных отношениях, усилении межэтнической и межконфессиональной напряженности, росте противоречий между интересами и потребностями представителей различных этнических групп. Текущая ситуация несет в себе угрозу утраты перспективы становления полноценного национального государства и утраты суверенитета над территориями. Для решения этой проблемы, по мнению автора, требуется сформировать общенациональную политическую идентичность на основе синтеза региональных, локальных, этнических, религиозных форм идентичностей. Агентом формирования общенациональной идентичности должна выступать власть, разрабатывая идеологию и механизмы создания региональной идентичности, принимая управленческие решения (собственно, материалы исследования могут помочь власти в этом). Нужно развить мышление общенациональными категориями: «один народ, одна страна», тогда удастся сформировать общегражданскую идентичность в таких непохожих между собой регионах. Федеральные и региональные элиты, лидеры, политический класс должны первыми усвоить такой образ мышления и подтолкнуть гражданское общество¹⁹².

Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации

В книге рассматривается формирование сибирской идентичности, варианты её проявления, а также различные факторы, влияющих на то, как складывается региональная идентичность сибиряков: миграционная биография, семейная история, этническое происхождение, осознание специфики территории (красота природы, климат), региональных проблем (удаленность от центра, экономическое положение, неравенство условий жизни в разных частях Сибири), взаимодействие с территорией (преодоление сложных условий жизни). При этом речь идет о социально-психологических и политических формах проявления сибирской идентичности. Последние более интересны, они заключаются в проявлении сибирской идентичности как протестной, возникающей как итог осознания социально-экономического, инфраструктурного и культурного неравенства в сравнении с центром. Также социально-экономическое неравенство осознается

¹⁹¹ Бойко И.И., Харитонов В.Г. Общероссийская, территориальная и этническая идентичности в Чувашии // Вестник Российской нации. 2015. Т. 2. № 40. С. 81–95.

¹⁹² Алаудинов А.А. Региональная идентичность - основа формирования общенациональной политической идентичности; науч. ред. В.Х. Акаев; отв. ред. В. В. Черноус; Чеченский гос. пед. ин-т, Центр региональных исслед. Ин-та социологии и регионоведения Южного Федерального ун-та. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2015.

по сравнению с другими регионами и даже в разных частях Сибири. Авторы не делают акцента на контексте российской идентичности, гражданская идентичность упоминается только как местная, активизирующаяся для решения общих региональных проблем, в том числе, и в «торговле» с федеральным центром¹⁹³.

Формирование региональной идентичности в условиях современной России

В качестве основы формирования региональной идентичности у российского региона автор выделяет уникальность региона, позитивное самоощущение регионального общества. Над формированием региональной идентичности работают представители власти и бизнеса, главная цель – сформировать выгодный региональный имидж, повысить инвестиционную привлекательность региона. В связи с этим существует конкуренция между регионами. В такой ситуации, когда каждый регион стремится подчеркнуть свою уникальность, под угрозой находится их единство в составе России¹⁹⁴.

Типологически разговор о культурной региональной идентичности *с подозрением* можно рассматривать как протонационалистический, а можно конструктивно видеть в нем необходимый для управляемости (решения определенных управленческих задач) уровень идентификации массовых слоев населения и элит.

Социокультурная идентичность Северного Кавказа в составе России

Авторы монографии анализируют проблему интеграции северокавказского региона в российское цивилизационное пространство. Кавказ рассматривается ими как цивилизационная система, образовавшаяся в результате синтеза восточной и западной цивилизаций, и являющаяся регионом российской цивилизации. Они отмечают кризис в отношениях между центром и местными республиками. В текущей ситуации отсутствует целостность России из-за движений, направленных на политическую самостоятельность этнических общностей. Создание единого российского гражданско-политического сообщества возможно только в эффективном обществе (со стабильной экономикой, в отсутствии нищеты и безработицы, резкого социального неравенства). Необходима также идеология, содержащая конструктивную социальную программу. Агентами формирования идентичности выступают как духовная и политическая элита, национальная интеллигенция, так и представители этнических общностей¹⁹⁵.

Гражданское общество в российских регионах

Монография посвящена вопросам развития концепта гражданского общества и правового государства, а также анализу практик гражданского общества в историческом контексте и в современных условиях. Среди прочих тем авторами рассматривается и гражданская идентичность. Авторы приводят результаты эмпирических исследований (опрошены студенты Москвы и Орехово-Зуево), на основе которых составляют пред-

¹⁹³ Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск: НГУ, 2012.

¹⁹⁴ Еремина Е.В. Супиков В.Н., Тумакова К.Е. Формирование региональной идентичности в условиях современной России. Пенза: Приволжский дом знаний, 2012.

¹⁹⁵ Яхьяев М.Я., Поломошнов А. Ф., Гурбанов Э. А.-О. Социокультурная идентичность Северного Кавказа в составе России. М.: Парнас, 2013.

ставление о состоянии гражданского общества в регионах и взаимосвязи гражданской идентичности и социального капитала. Гражданское общество в регионах активно формируется. По мнению авторов, основой гражданской идентичности являются ценности гражданского общества. Наличие гражданской идентичности и принятие соответствующих ценностей способствует формированию доверия, солидарности и честности (накопление социального капитала). В свою очередь, социальный капитал обеспечивает исполнение гражданских социальных практик, необходимых человеку для осознания себя в структурах гражданского общества. Результаты исследования также показали, что на формирование гражданской идентичности оказывает влияние образовательная среда и специфика места проживания.

Региональная идентичность: управление процессом конструирования

Ю.А. Дроздова рассматривает региональную идентичность как феномен социальной коммуникации. Она пишет, что в настоящий момент наблюдается рост регионализации, консолидация местного сообщества и, соответственно, идентификация населения с местным сообществом, а региональная идентичность преобладает над национальной. Идентификация населения с региональным сообществом основывается на осознании географических особенностей местности (формирование привлекательного образа территории), стабилизации административно-территориального деления, и, что очень важно, за счет отражения регионального сознания в СМИ; также в коммуникативное пространство транслируется обеспечение возможностей самореализации представителей всех социальных групп, подчеркивается единство традиций. Помимо СМИ, агентом формирования региональной идентичности является власть. Вместе с этим наблюдается низкая территориальная мобильность населения, неравномерность развития регионов (по уровню доходов, по численности населения). Не происходит консолидации общества вокруг общих государственных идей. В работе изучается население Волгоградской области¹⁹⁶.

Этнокультурная интеграция в Республике Марий Эл: проблемы реализации

Авторами рассматривается процесс этнокультурной интеграции представителей различных национальностей, проживающих на территории республики Марий Эл. Происходит это за счет взаимного приспособления к экономической и культурной специфике, взаимного приобретения элементов культуры друг у друга. Но при этом происходит утрата части уникальных национальных ценностей объединяющихся народов, языковая ассимиляция – русификация. Так, например, марийский язык имеет ограничения в использовании при обсуждении сложных научных, политических, технических тем, поэтому в этих сферах он не может применяться полноценно, появляются заимствования, которые вытесняют часть оригинального словарного запаса. Многие марийские семьи отдают предпочтение русскому языку в общении. Основными хранителями марийской культуры и традиций являются деревни, но наиболее образованная часть марийцев проживает в городах и общается с представителями других культур, включается в процесс ассимиляции и не участвует в развитии культуры своего народа. Но при этом сре-

¹⁹⁶ Дроздова Ю.А. Региональная идентичность: управление процессом конструирования. Волгоград: ВАГС, 2011.

ди других представителей народа происходит рост национального самосознания, который может мешать межэтническому сближению¹⁹⁷.

Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан

Республика Дагестан является полиэтническим регионом, на территории которого проживает более 30 народов с отличительными языковыми, культурными, социальными чертами. В постсоветский период началась трансформация российского общества, которая привела к возникновению национальных движений, обозначавших проблему самоопределения и законодательного закрепления особого статуса малочисленных этносов региона. В условиях возрастания межэтнических контактов происходит поиск опоры в этнической принадлежности для восстановления ощущения целостности и упорядоченности мира. Автор говорит об усилении внутригруппового единства и солидарности малых народов Дагестана. Однако продолжительное совместное существование в полиэтническом и поликультурном пространстве, как отмечает автор, рождает новые формы межнациональных взаимодействий и этнокультурных взаимовлияний, поэтому нужно формирование принципов толерантности в современном обществе. Степень этнической толерантности в регионе автор определяет как высокую, но в ее основе лежит позитивная этническая идентичность. А выраженная этническая идентичность одновременно стимулирует этническую и религиозную дифференциацию, а значит, этническую интолерантность. Существует также угроза исчезновения специфических черт традиционной культуры малочисленных народов Дагестана¹⁹⁸.

Выводы

В целом академический дискурс гражданской идентичности слабо отличается от философско-публицистического дискурса. Академический дискурс сциентизмом не страдает, будучи (местами чересчур) гуманитарным и скорее недостаточно научным.

Модернизационные пожелания типично облекаются в требование модернизации цивилизационной и/или культурной идентичности *независимо от того*, в какой перспективе понимается эта модернизация: в перспективе постмодерна с ориентацией на самостоятельно, делиберативно делающих (умело, недирективно (!) подсказанные) идентификационные выборы, или в перспективе не(до)завершенного модерна, который вне технологий сплочения под знаменами (позитивной) государственной идеологии или (как альтернатива) без технологий десолидаризации и «разидентификации» граждан чувствует себя уязвимым как перед внешними, так и перед внутренними вызовами.

¹⁹⁷ Этнокультурная интеграция в Республике Марий Эл: проблемы реализации: сборник научных статей / [отв. ред. Е. В. Соловьев]. Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2012.

¹⁹⁸ Шахбанова М.М. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан. Махачкала: АЛЕФ (Овчинников М. А.), 2013.

2. Прикладные исследования

ИС РАН

Ситуация с гражданской активностью

В статье об исследовании «Гражданская компетенция: государственная политика или возможности для гражданина» И. Н. Трофимовой рассматривается формирование, функционирование и проявление гражданской компетенции в России. Компетенция в этой статье понимается как

...сложная комбинация знаний, навыков, понимания, ценностей, отношений, мотиваций, которые способствуют эффективной самореализации человека, как в конкретной сфере жизнедеятельности, так и в мире в целом.

Гражданская компетенция в этом ряду занимает важное место в силу своей комплексности, взаимосвязи с другими компетенциями, как результат процессов гражданского образования, социализации, самоидентификации и гражданского участия, что позволяет говорить о ней как о трансверсальной (универсальной) компетенции, выходящей за рамки отдельной сферы деятельности.¹⁹⁹

Гражданская компетенция выражается в интересе к политике, участию в общественно-политических событиях и уверенности в своей способности влиять на принятие политических решений. Она включает в себя знания, навыки, отношения и ценности, «которые позволяют людям действовать успешно в гражданском обществе, в условиях репрезентативной демократии и повседневной жизни, основанной на демократических ценностях».²⁰⁰ Национальная идентичность среди других видов идентичности (личной, идентичности местного сообщества, глобальной) является одним из структурных элементов гражданской компетенции, поэтому и интересны результаты этого исследования.

Автор отмечает, что в России гражданская культура является недостаточно зрелой, государство является доминирующей стороной во взаимодействии с гражданским обществом, институты гражданской социализации не развиты, а уровень гражданского самосознания является низким, причем это относится ко всем слоям российского общества.²⁰¹

Результаты исследования показали, что в России уровень гражданской активности зависит от уровня образования. В общем случае, даже если граждане нашей страны верят, что могут быть политически активными (создавать соответствующие организации), это не дает автоматической уверенности в том, что их действия действительно смогут оказать влияние на политику государства. Однако все же обладатели высшего образования в большей степени убеждены, что могут доносить свои интересы до власти и участвовать в изменении политики, по сравнению с теми, у кого среднее или среднее специальное образование. Получается, что среди менее образованных жителей нашей страны гражданская активность низка, то есть имеет место подданническая компетен-

¹⁹⁹ Трофимова И.Н. Гражданская компетенция: государственная политика или возможности для гражданина // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2015. С. 92.

²⁰⁰ Там же. С. 93.

²⁰¹ Там же. С. 94.

ция (следуют правилам, а не создают их, не оказывают политического влияния), как называет ее автор, и поэтому можно сказать, что гражданская идентичность также носит пассивный характер (они не верят в свою способность изменить жизнь страны и наблюдают за событиями со стороны).

И всё-таки респонденты с высшим образованием настроены в данном вопросе более оптимистично: 44 % из них уверены в своей возможности создавать общественные организации, 40 % — политические организации, 28 % — доносить свои интересы до власти и 15 % — влиять на политику государства.²⁰²

Одновременно с низким уровнем уверенности в результативном взаимодействии с государственной властью имеет место доверие государственным институтам. Автор называет это «подданнической компетенцией».

Автор полагает, что в настоящее время государственная политика направлена на стимулирование активного гражданского участия, повышение правовой грамотности.

Её отличительной чертой [государственной политики] можно назвать ориентацию на формирование: а) «законопослушной и общепринятой» модели поведения гражданина в отношениях с общественными и государственными институтами; б) общероссийской гражданской идентичности. Примечательно, что идея активного гражданского участия понимается не как отстаивание гражданских прав, а как активное участие граждан в осуществлении именно государственной политики, активном продвижении в общественное сознание модели законопослушного поведения в качестве общественно одобряемого образца.²⁰³

При этом формируется модель гражданского участия, которая соответствует «законопослушной», то есть линия поведения граждан должна быть направлена на поддержание и осуществление государственной политики, а не на активную защиту гражданских прав и не на участие в разработке и установления «правил игры». Эта модель должна стать общественно одобряемой. Действовать люди должны не ради себя, а ради государства.

Государственная политика патриотического воспитания направлена на формирование общероссийской гражданской идентичности, потому что...

В русской культурной традиции основа гражданской компетенции определяется не индивидуалистскими, а коллективистскими, общегосударственными ценностями. Данная постановка вопроса особенно актуальна в условиях культурного, социального многообразия регионов России.²⁰⁴

Поскольку территория нашей страны населена народами с разными культурами, и поскольку в ней имеет место быть социальное разнообразие, важно создать идею, которую примут все, и которая объединит разные группы населения. Таким образом, разнообразие населения России служит основанием для приоритета коллективистских ценностей перед индивидуальными.

Снижение готовности действовать в интересах своей страны

По материалам общероссийского исследования «Российское общество: год в условиях кризиса и санкций», проведенного Институтом социологии РАН в 2014–15 гг., россияне в некоторой степени стали еще менее готовы действовать в ущерб своим интересам,

²⁰² Там же. С. 104.

²⁰³ Там же. С. 109.

²⁰⁴ Там же.

благополучию ради нашей страны, даже если это касается вопроса упрочнения положения России на международной арене. Это связано и с условиями экономического кризиса, и с

*изменением нормативно-ценностных систем наших сограждан. Если старшие поколения воспитывались в убеждении, что важные для общества цели обладают приоритетом по отношению к личному благополучию отдельного человека (и это до сих отражается в большей распространенности соответствующих убеждений у их представителей), то молодежь и на нормативном уровне, без привязки к какой бы то ни было сегодняшней конкретике, в трёх четвертях случаев прямо говорит о том, что она не готова жертвовать личным благополучием даже ради важных общезначимых целей. В итоге даже на уровне деклараций в настоящее время заявляют о своей готовности пожертвовать личным благополучием ради общезначимых целей лишь 30% россиян.*²⁰⁵

Значит, молодое поколение россиян обладает гражданской идентичностью не в той же степени, что и старшее поколение. Граждане готовы действовать в интересах страны только в случае, если это не повредит их собственным интересам.

Так, один из элементов определения гражданской идентичности — готовность служить интересам государства — в настоящий момент не присутствует в полной мере. Готовность служить интересам своей страны и общества снижается из-за

поведения власти, бюрократизация и коррумпированность которой разрушают ту систему норм и ценностей, в которой именно государство является «становым хребтом» нации и общества. <...>

*Так, если противоречия между чиновниками и гражданами, к ним обращающимся, в числе основных конфликтов современного российского общества называют 25% россиян, то противоречия между властью и народом — 32%. Это значит, что о противоречиях между обществом и государством в двух ипостасях последнего («власть» и «чиновники») говорит более половины россиян, что намного больше, чем даже о противоречии между богатыми и бедными (37%).*²⁰⁶

Получается, что результаты этого исследования расходятся с результатами предыдущего: согласно такой статистике, государство не вызывает безоговорочного доверия со стороны народа вследствие бюрократизации и коррумпированности.

При этом запрос на активную роль государства в жизни общества остается высоким, как и готовность идентифицироваться с общностью россиян:

*Так, подавляющее большинство российского населения (88%) считает, что государство должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности, а 84% ощущают близость с гражданами России как «Мы-группой». Эти показатели остаются устойчивыми и в кризисных условиях.*²⁰⁷

По крайней мере, присутствует субъективный элемент гражданской идентичности — ощущение общности с другими гражданами государства, приписывание себе статуса члена «Мы-группы» россиян. Население нашей страны в большинстве своем также считает, что интересы всей общности россиян, которые должно защищать государство, важнее интереса одного человека; при этом сохраняется право человека на борьбу за свои интересы, протест, однако большинство не готово поддерживать открытые кон-

²⁰⁵ Российское общество: год в условиях кризиса и санкций: Информационно-аналитический материал по итогам общероссийского социологического исследования / Институт социологии РАН. М., 2015. С. 13.

²⁰⁶ Там же. С. 17-18.

²⁰⁷ Там же. С. 14.

фликты, создающие угрозу обществу. Еще один компонент гражданской идентичности — единство норм и ценностей — также присутствует в российском обществе, именно он обеспечивает чувство общности друг с другом как представителей одной нации.²⁰⁸

Гражданская идентичность и консолидационные процессы в обществе

В бюллетене «Ресурс межэтнического согласия в Москве» рассматриваются факторы, влияющие на межэтническое согласие и консолидацию общества на примере Московского мегаполиса. Среди них уделено внимание вопросу гражданской идентичности. Выводы, сделанные в тексте бюллетеня, основываются на опросе населения Москвы, проведенного осенью 2014 года, на анализе текстов, опубликованных в СМИ, экспертных интервью и собственных базах данных исследований ИС РАН.

Авторы начинают с определения гражданской идентичности:

*Гражданская идентичность это самоотождествление личности с обществом, представление о том, «кто мы» и чувство общности, солидарности, ответственности и за судьбу страны и жизнь окружающих.*²⁰⁹

Отмечается две трактовки гражданской идентичности в литературе:

- 1) когда её понимают как принадлежность, лояльность государству и соблюдение законов и норм,
- 2) когда в понимание добавляется чувство общности с народом.

В процитированном определении появляется еще и ответственность за сограждан и страну.

Ссылаясь на результаты своих опросов, авторы также отмечают, что гражданская идентичность в России – это, в первую очередь, государственно-гражданская идентичность, потому что самая большая доля респондентов отвечала, что с другими гражданами России их объединяет одно государство. Меньшие, но все равно значимые доли россиян в качестве других объединяющих факторов называли родную землю, природу, культуру, язык и ответственность за судьбу страны.

Результаты опроса подтвердили определение гражданской идентичности в разрезе чувства общности с остальными гражданами, пусть даже и другими, непохожими на респондентов. Еще одним важным результатом является то, что российская идентичность почти в равной степени свойственна и русским, и представителям других национальностей.²¹⁰

Авторы выделяют еще один фактор, который служит укреплению гражданской идентичности – это уровень доверия окружающим, государственным и общественным институтам.

Как видно из социологических данных, в том числе итогов опросов в Москве, как показано в разделе 3, уровень доверия у нас выше всего в первых двух кругах [самые близкие люди и непосредственные контакты], что, в общем, характерно и для других стран. Проблема в том, что пока за исключением Президента невелико доверие к институтам власти, особенно к судам и институтам принуждения.

²⁰⁸ Там же. С. 15-17.

²⁰⁹ Ресурс межэтнического согласия в Москве [Электронный ресурс] / Рук. проекта и отв. редактор Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2014. С. 106.

²¹⁰ Там же. С. 107.

Как показывают данные, в России всё в порядке только с уровнем доверия окружающим, но это касается только входящих в круг близкого или хотя бы частого общения. Местной власти доверяют гораздо меньше, чем Правительству. Но при этом всё равно есть чувство общности с гражданами России.

*То, что власти и особенно местной доверяют далеко не все, а общероссийское самосознание большинство людей имеют, дает основание говорить, что наша гражданская идентичность не только имеет значительный компонент государственной идентичности, но и **страновой**. Люди чувствуют себя как-то связанными со страной.*²¹¹

Различные данные подтверждают гражданскую солидарность, в том числе о поддержке нуждающихся в помощи россиян в разных трудных ситуациях.

В начале второго десятилетия XXI в. в целом региональная идентичность уже не была столь конкурентной, большинство чувствовало себя гражданами России в целом и москвичами, так же как кто-то чувствовал себя жителями республик и областей. <...>

*Наши коллеги из регионов в 2000-ые годы в публичном пространстве чаще говорили о региональной идентичности как части государственной, гражданской идентичности. И, как мы видели по результатам опросов со второй половины первого десятилетия XXI в. и до 2014 г., это было действительно так.*²¹²

Изменилась ситуация по сравнению с 90-ми годами, когда региональная идентичность конкурировала с государственной, теперь же это не так, региональная идентичность идет вслед за общегражданской идентичностью.

Есть также результаты наблюдения за негативным проявлением гражданской идентичности. В 90-е годы и первое десятилетие XXI века наблюдалось отрицательное отношение к мигрантам-представителям других культур со стороны россиян по причине ощущения ущемления или угрозы нарушения своих прав и интересов за счет соблюдения интересов мигрантов, и еще имело место неприятие другого поведения и образа жизни. Такое негативное проявление гражданской идентичности должно, по мнению авторов, исправляться действиями правительства, СМИ, образовательной системы. Упор должен быть сделан на значимость межнационального согласия, его поддержание. Но для успеха такой политики данную идею должно начать поддерживать само общество.²¹³

Подводя итог, можно сказать, что российская гражданская идентичность сейчас носит государственно-гражданский характер. Региональная идентичность выступает как составная часть идентичности, но не более значимой, чем гражданская. Важным направлением работы над гражданской идентичностью авторы считают «более широкое и глубокое ее наполнение гражданскими ориентациями и ответственностью за дела в стране, за судьбу нашего общества».²¹⁴

Гражданская идентичность и консолидационные процессы в обществе – 2

Выводы по результатам нового исследования, опубликованные во 2 ИНАБ 2015 года, подтверждают и дополняют результаты, которые представлены выше. Как и в других исследовательских работах, здесь отмечается, что одной из главных задач Стратегии

²¹¹ Там же. С. 109.

²¹² Там же. С. 109–110.

²¹³ Там же. С. 114.

²¹⁴ Там же. С. 115.

государственной национальной политики является укрепление российской гражданской идентичности. Формируемая государством через разные каналы гражданская идентичность должна утвердиться в сознании граждан, а произойдет это при наличии соответствующих оснований.

Новые данные подтверждают распространенность государственно-гражданской идентичности среди россиян.

Практически 80% по общероссийскому опросу ИС РАН согласилось, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации». При этом ответы русских и людей других национальностей совпали (79% и 78% соответственно). Сопричастность с гражданами России практически не различалась по образовательным группам и возрастам. Она чуть более выражена у людей старше 50 лет (75–77% против 69% у 18–30 летних).

Ответ: «мы – граждане России» выбирали в 2013–2015 гг. по данным опросов Института социологии РАН и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) – 75–80% респондентов. У большинства общероссийская идентичность совмещается с этнической идентичностью.²¹⁵

Большинство россиян признают важность возможности причисления себя к гражданам России (и считают себя таковыми), причем это справедливо как для русских, так и для представителей других национальностей. Авторы называют российскую идентичность государственно-гражданской потому, что в качестве наиболее объединяющего фактора с другими гражданами России респонденты называли общее государство («66% выборов в ходе общероссийского опроса, 75–77% в изучавшихся регионах»). Следующие по популярности значимые факторы объединения россиян таковы:

территория (54%), государственный язык (49%), историческое прошлое (49%), общие символы – флаг, герб, праздники (32–37%), ответственность за судьбу страны (32% по общероссийским данным, 36–50% в изучавшихся нами регионах). При высоком сходстве у русских и других национальностей, по значимости они совпадают в 3-х случаях (государство, символы, праздники) и почти совпадают еще в 3-х случаях (территория, язык, ответственность за судьбу страны). Последний фактор особенно важный, поскольку именно он характеризует нашу российскую идентичность не только как государственную, страновую, но и гражданскую.²¹⁶

Значимость ответственности за свою страну (хоть и не самый популярный фактор, но тем не менее важный, поскольку он делает российскую идентичность еще и гражданской, а не только государственной и страновой) отмечали как русские, так и представители других национальностей. Респонденты, которые считают себя гражданами России, в большинстве своем считают, что культуры всех народов нашей страны должны поддерживаться государством. Самоощущение гражданина делает индивида более открытым общению с представителями других этнических групп.

Тем не менее, проблемы, появляющиеся при взаимодействии людей разных национальностей (они также были отмечены в результатах предыдущего исследования), не решаются за счет заявленной открытости общению с представителями других этнических общностей. А проблемы возникают следующие:

²¹⁵ Межнациональное согласие в региональном контексте [Электронный ресурс] / Рук. проекта и отв. редактор Л. М. Дробичева. М.: Институт социологии РАН, 2015. С. 23.

²¹⁶ Там же. С. 23-24.

уважение к статусу этнических групп, обеспечение равенства возможностей в сфере труда, образования, сохранения культуры и др. Есть также противоречия, которые связаны с притоком инокультурных иммигрантов. <...> немало конфликтных событий были связаны именно с этим, и они накладывали отпечаток на все пространство межэтнических взаимодействий, что находило отражение в оценке межнациональных (межэтнических) отношений в целом.

В тексте информационно-аналитического бюллетеня 2014 года тоже освещались эти причины возникновения напряженности в межэтнических отношениях. Что касается подхода к решению спорных ситуаций межнационального взаимодействия, то большая часть респондентов против применения насилия (70-80%), но треть опрошенных настроены его использовать в ситуации, которую они сочтут несправедливой по отношению к их народу.

Авторы делают вывод, что в такой непростой ситуации важно объединить многонациональных граждан России вокруг таких общеразделяемых ценностей, которые подчеркивают равенство представителей всех национальностей, справедливость.²¹⁷

Актуализированные ценности современного российского общества

В монографии «Актуализированные ценности современного российского общества» присутствуют рассуждения, основанные на эмпирических данных, касающиеся ценностей, актуальных для самых различных социальных групп. Небольшая часть выводов связана с ценностями общества во всероссийском масштабе, поэтому кратко рассмотрим их. Авторы пишут, что, по мнению многих других исследователей, в настоящее время

«в современном российском обществе распалось единое нормативно-ценностное ядро, представленное базовыми для всех культур, называющих себя цивилизованными, нормами и традиционными для русской культуры ценностями³. Это является следствием комплекса различных факторов, проявившихся в ходе трансформационных процессов. Эти процессы осуществляются под воздействием западных образцов, что, по мнению ученых, выражается в «своеобразной инвазии – вторжение в русскую культуру чуждых ей норм и ценностей через подконтрольные «отечественные» СМИ с помощью так называемой хронополитики, когда во главу угла ставится не организация социального пространства, а процесс движения, в котором массам навязываются едва ли не разные эпохи и принципиально разные ритмы эволюции».²¹⁸

Получается, что нельзя говорить о существовании гражданской идентичности в России, если распалась группа базовых для цивилизованных культур норм и групп ценностей, традиционных для русской культуры. Произошло это вследствие трансформации российского общества под влиянием западных норм и ценностей, проникших в сознание россиян через СМИ.

В результате, по мнению ученых ИС РАН, существует «несколько России» с разными ценностями, идеями и порядком жизни. Этот вывод подтверждается тем, что протестная деятельность различных групп россиян соответствует совершенно различным направлениям интересов.

²¹⁷ Там же. С. 25.

²¹⁸ Актуализированные ценности современного российского общества: [монография] [Электронный ресурс] / отв. ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2015. С. 14.

Также авторы монографии говорят о том, что правительство прививает российскому обществу две установки: на финансовую состоятельность как основную ценность и на решение своих проблем без участия в урегулировании общественно значимых вопросов. Однако всё же нельзя сказать, что политическая активность и гражданское участие совсем не свойственны российскому обществу.

Несмотря на современное отчуждение граждан от участия в процессе принятия решений, нельзя утверждать, что такая установка полностью отсутствует в обществе.²¹⁹

Из текста этой монографии можно сделать неутешительный вывод о том, что если и можно говорить о российской гражданской идентичности, то в неё не включена общность ценностей и ярко выраженная ответственность за дела в стране. Но, как отмечают сами авторы, нельзя сказать, что гражданской активности в нашей стране нет совсем.

Сплоченность, доверие политическим институтам, патриотизм

Авторы отмечают слабую партийно-политическую идентичность (интересуют имеющиеся данные за 2012 год). Многие граждане России не имели стабильной приверженности политическим партиям, что осложняло деятельность партий и создавало угрозу стабильности партийной системе. Такая ситуация приводила к непредсказуемым и непостоянным результатам выборов.

В условиях, когда существующий партийный выбор не обеспечивает значительным группам населения возможности выражения подлинных политических запросов и требований, обнаруживается низкая гарантированность поддержки избирателями тех или иных политических партий и высокая вероятность постоянной переменчивости электоральных предпочтений.²²⁰

Россияне не могли сформировать устойчивые предпочтения политических партий, потому что имевшийся на тот момент выбор не гарантировал избирателям реальной защиты их интересов, выполнения их требований.

Также три года назад гражданская идентичность была, по мнению авторов, довольно слабой, по крайней мере, доля респондентов, отождествлявших себя с гражданами России, была самой низкой по сравнению с другими оценками идентичности.²²¹

Таблица 4. Распространенность некоторых групповых идентификаций, 2005-2012 гг. (в %)

Категории	2005 г.		2012 г.	
	Часто	Иногда	Часто	Иногда
Люди того же поколения, возраста	63,2	32,0	64,9	30,5
Люди той же профессии, рода занятий	53,2	33,3	57,6	31,2
Люди такого же достатка	44,9	42,5	48,8	39,8
Люди той же национальности	42,3	43,2	47,9	41,4
Жители того же города или села	40,0	47,9	43,3	45,2
Люди той же веры	30,3	39,0	34,6	39,5

²¹⁹ Там же. С. 18.

²²⁰ Козырева П.М., Смирнов А.И. Результаты радикальных реформ и проблема поддержки принципов и ценностей демократии в России. М.: Новый Хронограф, 2015. С. 115.

²²¹ Там же. С. 175.

Категории	2005 г.		2012 г.	
	Часто	Иногда	Часто	Иногда
Жители той же области, края, республики	25,5	49,1	30,5	48,9
Люди, близкие по политическим взглядам	23,0	37,0	26,3	35,7
Граждане России	19,8	45,0	24,6	49,0

Наиболее распространенными идентичностями были поколенческая / возрастная, профессиональная, по уровню дохода (то есть важно сходство по социально-демографическим характеристикам). Далее, соответственно, уже следуют этническая, региональная и религиозная идентичности. Показатель распространенности гражданской идентичности превосходил только политико-идеологическую идентификацию.

Чувство общности с согражданами по большей части присуще более образованным россиянам. При этом гражданская идентичность практически не связана с полом и материальным состоянием семьи.

Гражданская идентичность связана во многом с абстрактным доверием, уровень которого, как уже отмечалось в одном из исследований, рассмотренных выше, уступает доверию близким людям.

В меньших социальных общностях плотность доверия и ощущение единства, близости с согражданами оказываются выше. В этом убеждает более высокий и последовательно нарастающий удельный вес респондентов, идентифицирующих себя с жителями своей области, края или республики в составе России (часто – 30,5%; редко – 48,9%) и с жителями своего города, поселка или села (часто – 43,3%; редко – 45,2%).²²²

На гражданскую идентичность оказывает влияние нетерпимое/подозрительное отношение к непохожей группе населения:

бедных к богатым, обычных людей к чиновникам, законопослушных граждан к нарушителям закона, коренных жителей к мигрантам, консерваторов к реформаторам, патриотов к либералам и т.п. В обществе еще не достигнут баланс интересов между различными социальными группами, политическими партиями, не удалось определить и сформировать приемлемую и взаимовыгодную для большинства схему реализации этих интересов, отсутствует необходимое единство взглядов на жизненно важные интересы личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности, не найдены эффективные формы взаимодействия, взаимоотношений на разных уровнях.²²³

Нетерпимое отношение к противоположным по различным характеристикам группам обусловлено, в свою очередь, отсутствием уверенности в том, что интересы «других» могут быть удовлетворены не в ущерб «нашим», не достигнутым равновесием различных интересов как между группами, так и между индивидом, обществом и государством.

Соответственно, если респонденты толерантны (верят в возможность взаимопонимания и конструктивного взаимодействия между полярными группами), то их гражданская идентичность будет намного сильнее, чем у нетолерантных индивидов.

К 2013 году по оценкам многих исследователей, отмечают П.М. Козырева и А.И. Смирнов, снизился процент россиян, считающих себя патриотами, в сравнении с

²²² Там же. С. 176.

²²³ Там же. С. 177.

данными более ранних опросов. По данным ВЦИОМ, с 2005 по 2013 г. процент российских граждан, называющих себя патриотами, сократился с 84 до 80%. А данные Левада-Центра продемонстрировали более значительное уменьшение ощущающих себя патриотами россиян: с 2007 по 2013 г. показатель сократился с 78 до 69%.²²⁴ Однако авторы считают, что сокращение доли патриотов обусловлено несогласием россиян с тем понятием патриотизма, которое навязывалось государством, и способом внедрения этого понятия (например, призывы гордиться страной при высоком уровне коррупции, преступности, социальном неравенстве). Ведь по другим данным (исследования, проведенные ИС РАН), наблюдается рост российской национально-гражданской идентичности (которая включает в себя лояльность государству, чувство общности с согражданами, ответственность за судьбу страны и связанные с этим чувства).²²⁵

ФОМ

Индекс гражданской ответственности

По данным опроса ФОМ, проведенного в 2014 году с целью измерения индекса гражданской ответственности,

Россияне в разной мере чувствуют ответственность за происходящее на той или иной социальной дистанции. Доля тех, кто готов нести ответственность, снижается с ростом этой дистанции: 77% опрошенных чувствуют ответственность за происходящее на ближней социальной дистанции – в своем доме, дворе. За происходящее на средней социальной дистанции – в родном городе, селе – чувствуют ответственность около половины россиян, а за происходящее в стране – 41%.²²⁶

То есть, чем больше «зона ответственности», тем меньшая доля россиян склонна принимать её на себя. Получается, что этот важный компонент гражданской идентичности присутствует меньше, чем у половины россиян.

День народного единства

По данным опроса «ФОМнибус», проведенного 31 октября – 1 ноября 2015 г. в 104 населенных пунктах 53 субъектов РФ (1500 респондентов), на открытый вопрос «Скажите, пожалуйста, какой праздник отмечается 4 ноября? Чему он посвящён?» верно ответили 42 % (День народного единства); менее 5 % набрали также верные ответы: День Казанской иконы Божьей Матери и День освобождения Москвы от польско-литовских войск. Затруднились с ответом 34 %²²⁷.

Таким образом, не менее половины россиян не имеют четких представлений о названии государственного праздника, символизирующего народное единство россиян.

Вместе с тем, в ноябре 2015 за всю историю Дня народного единства была получена максимальная доля (69 %) тех, кто считал, что России такой праздник нужен, и минимальная доля (16 %) отрицавших необходимость подобного праздника²²⁸.

²²⁴ Там же. С. 179.

²²⁵ Там же. С. 179–180.

²²⁶ ФОМ. Индекс «Гражданская ответственность» // URL: [http://fom.ru/Obraz-zhizni/11691]. Проверено 21.12.2015.

²²⁷ ФОМ. День народного единства // Доминанты. № 44. 2015. 5 ноября. С. 24.

²²⁸ ФОМ. День народного единства // Доминанты. № 44. 2015. 5 ноября. С. 25.

ВЦИОМ

Гражданская ответственность: индекс моральной ответственности

Сходные данные за тот же период²²⁹, но иначе представил ВЦИОМ, опубликовавший сравнение данных опроса о том, «за чьи действия мы должны нести ответственность»²³⁰. Аналогичный Индексу гражданской ответственности ФОМ, Индекс моральной ответственности ВЦИОМ показывает, в какой степени россияне чувствуют моральную ответственность за поступки других людей. Индекс строится на основе вопроса: «По Вашему мнению, несет ли человек моральную ответственность...». Ответу «безусловно, несет» присвоен коэффициент 2, ответу «в какой-то мере несет» коэффициент 1, ответу «затрудняюсь ответить» коэффициент -1, ответу «безусловно, не несет» присвоен коэффициент -2. Индекс может принимать значение от -200 до 200 пунктов. Чем выше значение индекса, тем большую моральную ответственность чувствуют россияне. Архив ВЦИОМ позволил сравнить данные 1989 и 2014 гг.

Сегодня наши сограждане проявляют меньшую готовность поручиться за действия других людей, нежели 25 лет назад. Крепче всего чувство ответственности за поступки родных – индекс моральной ответственности составляет 55 пунктов (с 81 п. в 1989 г.). Три четверти респондентов (73%) уверены, что человек в ответе за действия родственников (в том числе 34% - в полной мере, 39% - частично).*

Членство в трудовом коллективе сегодня ощущается слабее, нежели в период существования СССР – значение соответствующего показателя в 2,5 раза ниже, чем в 1989 г. (43 и 112 п., соответственно). Если ранее только 7% опрошенных полагали, что человек не отвечает за работу своего предприятия, то сегодня – уже 26%.

Индекс ответственности за происходящее в государстве также снизился (с 20 до 4 п.). Принадлежность к национальной группе в настоящее время менее ощутима: индекс, измеряющий степень ответственности за действия людей своей национальности, со времен перестройки «перешагнул» через нулевую отметку и составил -15 п. (с 6 п. в 1989 г.).

Связь с действиями правительства, согласно данным опроса, ощущается сегодня сильнее, нежели 25 лет назад – индекс вырос с -37 п. до -21 п. За четверть века чувство общности с предками значительно окрепло: отождествлять себя с ними стали чаще, однако значение показателя по-прежнему остается отрицательным: с -117 до -54 п. Если в 1989 г. ответственность за поступки предков на человека возлагали 20%, то в наше время – уже 42%²³¹.

Наглядно результаты представлены в таблице 5.

**Таблица 5. По Вашему мнению, несет ли человек моральную ответственность за...
(закрытый вопрос, один ответ по каждой строке)**

	Безусловно, несет	В какой-то мере несет	Безусловно, не несет	3/0	Индекс моральной ответственности*
--	-------------------	-----------------------	----------------------	-----	-----------------------------------

²²⁹ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 22–23 ноября 2014 г. в 132 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России с выборкой в 1600 человек.

²³⁰ ВЦИОМ. Российская идентичность: мы вместе? Пресс-выпуск №2727. 2014. Дек. 02 // URL: [http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115072]. Проверено: 23.12.2015.

²³¹ ВЦИОМ. Российская идентичность: мы вместе? Пресс-выпуск №2727. 2014. Дек. 02 // URL: [http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115072]. Проверено: 23.12.2015.

		Безусловно, несет	В какой-то мере несет	Безусловно, не несет	3/0	Индекс моральной ответственности*
Действия своих родственников	2014 г.	34	39	24	3	55
	1989 г.	42	35	15	8	81
Работу своего предприятия	2014 г.	31	39	26	5	43
	1989 г.	46	41	7	7	112
Происходящие в стране события	2014 г.	19	41	35	5	4
	1989 г.	20	41	21	19	20
Действия лиц своей национальности	2014 г.	18	36	41	5	-15
	1989 г.	21	34	27	17	6
Действия своего правительства	2014 г.	17	35	43	4	-21
	1989 г.	14	29	37	21	-37
Поступки своих предков	2014 г.	15	27	53	5	-54
	1989 г.	7	13	63	17	-117

Значения большинства индексов с 1989 по 2014 гг. снизились. Снизился позитивный баланс ощущения ответственности за происходящее в ближайшем окружении — в семейном кругу и на работе. До трети выросла доля тех, кто определенно не ощущает ответственности за происходящее в стране. В минус ушел индекс ответственности за действия лиц своей национальности.

Позитивные изменения обнаружили только в снижении отрицательных значений индексов «действия своего правительства» и «поступки своих предков».

Народное единство

По данным ВЦИОМ, доля респондентов, считающих, что в России есть народное единство, с 2012 по 2015 г. выросла с 23% до 54%. При этом вера в народное единство сильнее у более молодых и образованных:

У молодежи (60% от 18 до 24 лет) и обучавшихся в вузах (57%) это чувство сильнее, чем у пожилых (51% старше 60 лет) и малообразованных (46%).²³²

По сравнению с 2012 годом уменьшилась, соответственно, доля респондентов, не ощущающих единства россиян (с 56% до 35%). Причины отсутствия этого ощущения в следующем (в порядке убывания популярности): человеческий эгоизм (32% от пессимистично оценивающих ситуацию единения); большой разрыв в доходах малоимущих и очень обеспеченных групп населения (10%); многонациональность общества (9%); отсутствие национальной идеи (5% — этот показатель снизился с 14% в 2012 году). Эти выводы пересекаются с мнениями исследователей, которые представлены выше. По мнению Алексея Фирсова, процесс сплочения общества происходит под воздействием внешних и внутренних вызовов нашей стране.

²³² ВЦИОМ. В трудные времена россияне объединяются // URL: [http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115448]. Проверено: 21.12.2015.

Левада-центр

Социально-политические права

По данным Левада-центра, россияне не придают большого значения социально-политическим правам:

Представления о наиболее важных правах и свободах у москвичей и жителей крупных городов довольно схожи. Первые три места занимают «право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность» (75% в Москве и 76% в крупных городах), «право на медицинскую помощь, социальную защиту, жизненный уровень» (по 75%) и «право на бесплатное образование, равный доступ к образованию» (63% и 68%). В отношении следующих четырех прав и свобод наблюдаются некоторые позиционные расхождения: «право на справедливый суд» у москвичей на четвертом месте, у жителей крупных городов на пятом (54% и 52%). «Свобода слова» – на пятом и шестом местах соответственно (50% и 39%). «Право на работу, хорошие условия и справедливую оплату труда» у москвичей на шестом, а у жителей крупных городов на четвертом месте (49% и 61%). «Неприкосновенность имущества, жилища» одинаково важна для тех и других (39% и 40%). Остальные права и свободы указывали менее 40% респондентов. Так, например, не высоко были оценены «право на получение информации» (30% и 32%) или «свобода вероисповедания и свобода совести» (23% и 27%). Наименее важными правами для опрошенных оказались «свобода мирных собраний и ассоциаций» (17% и 15%) и «право на участие в общественной и политической жизни» (17% и 14%)²³³.

С утверждением о том, что «свобода мирных собраний и ассоциаций» и «право на участие в общественной и политической жизни» «чаще всего ущемляются» отметили 7 и 4 % москвичей и 2–3 % жителей крупных городов²³⁴.

Больше недовольных положением со свободой слова: половина россиян считает ее важным правом, и 25 % россиян выбрали жесткую формулировку «чаще всего ущемляются»²³⁵.

Получается, что россияне больше ценят свободу слова, чем свободу дела.

Готовность участвовать в политической жизни

Вполне логичной выглядит низкая доля россиян, выражающих желание участвовать в политике:

Готовность участвовать в политике держится на протяжении десяти лет примерно на одном уровне и составляет по разным опросам около пятой части опрошенных (18–23%). Среди тех, кто не желает участвовать в политике, наиболее распространенным объяснением является то, что на это «нет времени», так отвечают около четверти всех опрошенных. Другими распространенными доводами являются мнение, что политика «не для рядовых граждан», и недостаток понимания того, как действуют органы власти. Эти убеждения в последние годы нарастали. При этом объясняют свое нежелание участвовать в политике опасением возмездия со стороны властей лишь около 2–3% (это постоянная цифра)²³⁶.

²³³ Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: Сводный аналитический отчет / Левада-центр. М., 2014. С. 8.

²³⁴ Волков Д., Гончаров С. С. 9.

²³⁵ Волков Д., Гончаров С. С. 8.

²³⁶ Волков Д., Гончаров С. Демократия в России: Установки населения: Сводный аналитический отчет / Левада-центр. М., 2015. С. 24.

Еще меньше распространена гражданская активность россиян:

По уровню гражданской активности можно условно разделить россиян на три группы: «активисты», которые участвуют в различных инициативах, секциях и ассоциациях хотя бы раз в месяц; «сторонники», которые принимают участие в таких мероприятиях реже одного раза в месяц, но хотя бы один раз в год; и «неактивные» граждане, которые в течение года ни разу не принимали участия в подобных инициативах и ассоциациях.

Применяя более строгие и менее строгие критерии гражданской активности, можно говорить о следующих масштабах гражданской активности в России. Согласно «строгой оценке» (участие в работе организаций, ассоциаций, инициативных групп, благотворительная активность, добровольчество) можно говорить о 10% активистов, 30% сторонников и 60% неактивных. Таким образом, более трети населения (около 40%) так или иначе проявляют активность по различным гражданским вопросам, однако большая часть из них — лишь эпизодически²³⁷.

Эти и другие результаты опросов показывают, что среди россиян государственно-гражданская деятельная идентификация преобладает над гражданской.

Выводы

Итак, по итогам рассмотрения публикаций эмпирических исследований, сложно дать единую оценку распространенности гражданской идентичности среди россиян, но можно сказать, что не все её элементы, указанные в определении по источнику «Ресурс межэтнического согласия в Москве» под редакцией Л.М. Дробижевой, выражены одинаково сильно в сознании граждан.

Далеко не все жители нашей страны готовы действием подтвердить свою ответственность за судьбу страны, пожертвовав своими интересами. Многие россияне просто не верят в свою возможность повлиять на решение политических вопросов. И данные разных исследований подтверждают неяркую выраженность ответственности за дела в стране.

Есть и позитивные сдвиги: по данным одних опросов, региональная идентичность сейчас не преобладает над гражданской, а вот по данным других опросов (Козыревой и Смирнова за 2012 год), ситуация была обратной.

²³⁷ Волков Д., Гончаров С. С. 38–39.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список процитированной литературы

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Соц. исслед. М., 2010. №2. С. 18–27.
2. Алаудинов А.А. Региональная идентичность - основа формирования общенациональной политической идентичности; науч. ред. В.Х. Акаев; отв. ред. В. В. Черноус; Чеченский гос. пед. ин-т, Центр региональных исслед. Ин-та социологии и регионоведения Южного Федерального ун-та. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2015.
3. Андрюшков А.А. Формирование российской идентичности как задача образования: мировоззрение, создающее будущее // Вопр. образования. М., 2011. № 3. С. 287–300.
4. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск: НГУ, 2012.
5. Арктические регионы России : проблемы парламентаризма, представительства и региональной идентичности [Текст] : от родовых общин - к парламенту Ямала: сборник научных трудов по итогам научно-практической конференции [г. Салехард, 5-6 октября 2012 г.] / Законодательное собрание Ямало-Ненецкого авт. окр., Ин-т филос. и права УрО РАН ; под общ. ред. В. Н. Руденко. Екатеринбург; Салехард; Баско, 2013.
6. Ачкасов В.А. Кризис национальной идентичности и проблемы безопасности России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Полит. науки. М., 2010. № 4. С. 63–67.
7. Ачкасов В.А. Кризис национальной идентичности и проблемы безопасности России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. - М., 2010. - N 4. - С. 63-67.
8. Байбородова Л.В. Воспитание гражданской идентичности сельских школьников // Образовательная панорама. 2015. № 1 (3). С. 63–72.
9. Батанина И.А., Бродовская Е.В. Идея коэволюции институциональных и ценностных изменений в исследованиях посткоммунистического пространства // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 3. С. 76–83.
10. Бзаров Р. С., Камболов Т. Т., Кучиева Л. А. Поликультурная образовательная модель как основа формирования российской гражданской идентичности обучающихся общеобразовательной школы. Владикавказ: Изд-во СОГПИ, 2011.
11. Богатова О.А. Социокультурные аспекты региональной и этнической идентичности в полиэтнических регионах РФ (на примере республики Марий-Эл, республики Мордовия и Удмуртской республики) // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М., 2015. С. 442–464.
12. Бойко И.И., Харитонов В.Г. Общероссийская, территориальная и этническая идентичности в Чувашии // Вестник Российской нации. 2015. Т. 2. № 40. С. 81–95.
13. Бритвина И.Б., Старостова Л.Э. Брендинг территории: проблема поиска ценностных оснований // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 129. № 3. С. 163-171.
14. Букин В.П. Самоидентификация провинциальной молодежи в контексте социально-статусной принадлежности // СоцИс: Соц. исслед. М., 2010. №3. С. 93-100
15. Веретевская А.В. Модели формирования наций в условиях полиэтничности // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / Сборник научных трудов. Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований; главный редактор: Ильин М.В. Москва. 2010. С. 146-159.

16. Веретевская А.В. Модели формирования наций в условиях полиэтничности // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований; глав. ред. М.В. Ильин. М., 2010. С. 146–159.
17. Власова-Ягодина А.А. Эволюция норм этносоциальных отношений: движется ли Россия к единой гражданской нации? // Управление мегаполисом. 2014. № 1. С. 112–116.
18. Волков Д., Гончаров С. Демократия в России: Установки населения: Сводный аналитический отчет / Левада-центр. М., 2015.
19. Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: Сводный аналитический отчет / Левада-центр. М., 2014.
20. Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации: сборник научных статей / отв. ред. А.Н. Чумаков. М.: Проспект, 2014.
21. ВЦИОМ. В трудные времена россияне объединяются // URL: [<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115448>]. Проверено: 21.12.2015.
22. ВЦИОМ. Российская идентичность: мы вместе? Пресс-выпуск №2727. 2014. Дек. 02 // URL: [<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115072>]. Проверено: 23.12.2015.
23. Галактионова Н.А. Гражданская идентичность как компонент личностной идентичности // Изв. вузов. Социол. Экономика. Политика. Тюмень, 2010. № 1. С. 10–12.
24. Галактионова Н.А. Особенности современных процессов регионализации и формирования региональной идентичности // Регионология. Саранск, 2010. №2 // URL: [<http://regionsar.ru/node/519?page=0,1>]. Проверено: 07.12.2015
25. Геворкянц Ж.А., Георгян А. Р., Кучиева Л. А. Сопровождение процесса формирования гражданской идентичности на этапе дошкольного детства. Владикавказ: Изд-во СОГПИ, 2014.
26. Георгян А.Р. Психолого-педагогическое сопровождение процесса формирования гражданской идентичности дошкольников в условиях поликультурного образования // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества. 2014. № 5. С. 39–46.
27. Глухов А.П. Коммуникативные стратегии российского националистического дискурса: отражение в медийном пространстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 5. С. 52–58.
28. Глухов А.П. Месседж национальной идентичности в медиуме рекламы // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 30–35.
29. Головнев А.В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 46–55.
30. Головнева Е.В. Концепт «регион» в контексте теории социального конструктивизма // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 132. №4. С. 113–122
31. Головнева Е.В. Многообразие дискурсов региональной идентичности // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 123. №1. С. 198–203
32. Головнева Е.В. Региональная идентичность в культуре постмодерна // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. Т. 141. №3. С. 105–112.
33. Гофман, А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 241–254
34. Гранин Ю. Формирование российской нации // Свободная мысль. 2012. № 7–8 (1634). С. 5–18.

35. Дворянское наследие в конструировании гражданской идентичности: Материалы Всероссийской научной студенческой конференции / редкол. : О. Р. Хасянов (гл. ред.) и др. Ульяновск : Ульяновская ГСХА им. П. А. Столыпина, 2013.
36. Делокаров К. Процесс модернизации и проблемы российской идентичности // Упр. мегаполисом. М., 2011. № 5. С. 18–26.
37. Делокаров К.Х. Проблема идентичности в эпоху глобализации: российская специфика // Национальная идентичность в северокавказском обществе: поиски путей укрепления / Под общ. ред. А.Ю. Шадже, Е.С. Куквы. Майкоп, 2015. С. 12-29.
38. Дзахова Л.Х. Политические партии в формировании гражданско-патриотической идентичности // Вестн. Северо-Осетин. гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. Обществ. науки. Владикавказ, 2010. №1. С. 36-40.
39. Дзахова, Л.Х. Политические партии в формировании гражданско-патриотической идентичности // Вестн. Северо-Осетин. гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. Обществ. науки. Владикавказ, 2010. № 1. С. 36–40.
40. Дзидзоева С.М. Перспективные направления профессиональной подготовки студентов педвуза к формированию у дошкольников основ гражданской идентичности в условиях полилингвальной модели поликультурного образования // Перспективы развития научных исследований в 21 веке: сборник материалов 4-й международной науч.-практ. конф., (г. Махачкала, 28 февраля, 2014 г.). Махачкала: ООО "Апробация", 2014. С. 181–183.
41. Дзидзоева С.М., Красношлык З.П. Теоретико-методологические основания формирования основ гражданской идентичности дошкольников в условиях поликультурного образовательного пространства // Вестник Владикавказского научного центра. 2014. Т. 14. № 2. С. 53–57.
42. Доржеева В.В., Сахибгоряев В.Х. В поисках идентичности: от региональной - к национальной идее (постскрипtum форума "Стратегия 2020", сентябрь, Магадан, 2010) // Северо-Вост. науч. журн. Магадан, 2010. №2(6). С. 23-26.
43. Дробижева Л.М. Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ // Вестн. Ин-та Кеннана в России. М., 2011. Вып. 20. С. 22–34.
44. Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. М.: ИС РАН, 2002. С. 213–244.
45. Дроздова Ю.А. Региональная идентичность: управление процессом конструирования. Волгоград: ВАГС, 2011.
46. Дугин А.Г. Русская идентичность // Геополитика: Информационно-аналитический портал. 2012-08-06. URL: [<http://www.geopolitika.ru/article/russkaya-identichnost#.VnqeBPmLTIU>]
47. Еремина Е.В. Супиков В.Н., Тумакова К.Е. Формирование региональной идентичности в условиях современной России. Пенза: Приволжский дом знаний, 2012.
48. Зайцева Н.В. Русская народная песня - неиссякаемый источник основ формирования гражданской идентичности современных школьников // Мир современной науки. 2013. №5(20). С. 61-65.
49. Идентичность как предмет политического анализа: Сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теорет. конф. (ИМЭМО РАН, 21-22 окт. 2010 г.) / Семенов И.С. (отв. ред.) и др. М., 2011.
50. Исмуков Н.А. Национализмы: теория и современность // Вестник Российского университета кооперации. 2013. № 2 (12). С. 111–126.
51. Козырева П.М., Смирнов А.И. Результаты радикальных реформ и проблема поддержки принципов и ценностей демократии в России. М.: Новый Хронограф, 2015.
52. Корнаева З.В. Формирование компетенций гражданской идентичности учащихся начальной школы // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества. 2012. № IV. С. 161–164.

53. Картунов С.В. Национальная идентичность как ресурс развития // Мы — Народ: Народ — главный Субъект развития, модернизации, управления Россией. М., 2011. С. 269–294.
54. Ленин В.И. Последние письма и статьи. 23 декабря 1922 г.– 2 марта 1923 г. // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356–362.
55. Магомедова М.А. Проблемы национальной идентичности в полиэтнической среде в условиях глобализации // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. - Ростов н/Д, 2010. - № 1. - С. 31-35.
56. Манчилина Е. Факторы формирования самосознания сахалинцев и курильчан: геополитические и правовые итоги Второй мировой войны // Развитие личности. М., 2010. №2. С. 89-98.
57. Манчилина Е. Факторы формирования самосознания сахалинцев и курильчан: геополитические и правовые итоги Второй мировой войны // Развитие личности. М., 2010. №2. С. 89-98.
58. Межнациональное согласие в региональном контексте [Электронный ресурс] / Рук. проекта и отв. редактор Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2015.
59. Менегетти А. Идентичность, общество и действие // Вестник Академии права и управления. 2011. № 23. С. 174–183.
60. Миронова Н.П. Представления об этнической принадлежности у студентов г. Сыктывкара // Человек. Культура. Образование. 2012. № 3. С. 88-96.
61. Мурзин А.Э. Проблема русской идентичности в национальной политике и стратегии государственного строительства постсоветской России // Человек в мире культуры. 2015. № 1. С. 3–13.
62. Новицкая М. Ю., Чигрина С. Г. Мы — граждане России: методические рекомендации для педагогов начальных классов по формированию гражданской идентичности у младших школьников в условиях поликультурного и поликонфессионального общества. М.: ФИРО, 2012.
63. Образование как фактор формирования этнической и гражданской идентичности в молодежной среде: сборник материалов открытой научно-практической конференции "Кавказ — крупным планом" / [сост.: Шкальной А. А., Шкальная А. В.]. Ставрополь: Сервисшкола, 2014.
64. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. URL: http://www.patriotica.ru/religion/panarin_prav.html
65. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
66. Резник Т.Е. Постгражданская личность: предпосылки конструирования // Вопросы социальной теории. 2015. Т. 7. № 1–2. С. 200–214.
67. Резник Ю.М. Человек гражданский: проблемы идентичности // Вопросы социальной теории. М., 2010. Т. 4. С. 305–325.
68. Ресурс межэтнического согласия в Москве [Электронный ресурс] / Рук. проекта и отв. редактор Л. М. Дробижева. — М.: Институт социологии РАН, 2014.
69. Российское общество: год в условиях кризиса и санкций: Информационно-аналитический материал по итогам общероссийского социологического исследования / Институт социологии РАН. М., 2015.
70. Соловей В.Д. Исторические смыслы русского национализма. URL: <http://www.apn.ru/publications/article11044.htm> (Дата обращения 10.12.2014)
71. Сухарева Е.А. Проблемы взаимоотношения глобального города и национального государства // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2011. № 12 (263). С. 36-41.

72. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
73. Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5–14.
74. Трофимова И.Н. Гражданская компетенция: государственная политика или возможности для гражданина // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2015. С. 91-112.
75. Тюпа В. И. Основания сравнительной риторики // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 66–87.
76. ФОМ. День народного единства // Доминанты. № 44. 2015. 5 ноября. С. 24–25.
77. ФОМ. Индекс «Гражданская ответственность» // URL: [<http://fom.ru/Obraz-zhizni/11691>]. Проверено 21.12.2015.
78. Шакурова М.В., Сырых Т.В., Лактионов В.В. Педагогическое сопровождение становления российской идентичности школьников. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2010.
79. Шахбанова М.М. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан. Махачкала : АЛЕФ (Овчинников М. А.), 2013.
80. Шнирельман В. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретич. проблемы историч. исследований. М.: МГУ, 1999. Вып. 2. С. 118–147.
81. Этнокультурная интеграция в Республике Марий Эл: проблемы реализации: сборник научных статей / [отв. ред. Е. В. Соловьев]. Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2012.
82. Яхьяев М.Я., Поломошнов А. Ф., Гурбанов Э. А.-О. Социокультурная идентичность Северного Кавказа в составе России. М.: Парнас, 2013.

Тематическая группировка источников

Центр

Собственно гражданская идентичность

1. Акимова М.К., Персиянцева С.В. Присвоение ценностей гражданского общества в зависимости от уровня интеллектуального развития // Инновации в образовании. 2015. № 4. С. 85-91.
2. Резник Т.Е. Постгражданская личность: предпосылки конструирования // Вопросы социальной теории. 2015. Т. 7. № 1-2. С. 200-214.
3. Резник, Ю.М. Человек гражданский: проблемы идентичности // Вопросы социальной теории. - М., 2010. - 2010. Т. 4. - С. 305-325
4. Сухарева Е.А. Проблемы взаимоотношения глобального города и национального государства // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2011. № 12 (263). С. 36-41.

Национально-гражданская идентичность

Аспект государственно-политический

1. Регнацкий В.В. Национально-государственная идентичность в России: теоретическая модель изучения // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1 (37). С. 39-46.
2. Титов, В.В. Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века. Москва : МАКС Пресс, 2012. 1 12-16/285 1 12-16/286
3. Титов, В.В.. Формирование национально-государственной идентичности молодежи в России [Текст] : учебное пособие / В. В. Титов. Москва : МАКС Пресс, 2014. 2 14-37/442 2 14-37/443
4. Политическая идентичность и политика идентичности [Текст] : очерки / [О. И. Зазнаев и др. ; науч. ред. О. И. Зазнаев] ; Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, Каф. политологии Философского фак., Каф. политических наук Фил. КФУ в г. Набережные Челны. Казань : Отечество, 2011. 1 15-44/22
5. Жаде, З.А. Политическая идентичность граждан России в электоральных процессах // Политические партии в избирательных кампаниях современной России: федеральный и региональный аспекты. - Майкоп, 2010. - С. 85-95
6. Зевако, Ю.В.. Технологии формирования политической идентичности в современной России: механизмы, ресурсы, эффективность [Текст] : научная монография / Зевако Ю. В. ; под ред. А. А. Вилкова. Саратов : Саратовский источник, 2013. 1 14-4/403 1 14-4/404
7. Идентичность как предмет политического анализа: Сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теорет. конф. (ИМЭМО РАН, 21-22 окт. 2010 г.) / Редкол.: Семенов И.С. (отв. ред.) и др. - М., 2011.
8. Колочарова, Е. Политическая идентичность в социологическом измерении // Вестн. обществ. мнения = Russi. publ. opinion herald. - М., 2010. - N 1. - С. 48-56
9. Комаровский В.С. Политическая идентификация России: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 6. С. 15-22.
10. Крестинина, Е.С. Феномен политической идентичности: подход к теоретическому осмыслению // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Политология. История. - Пермь, 2010. - Вып. 1. - С. 42-47
11. Малинова, О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политэкс = Politex. СПб., 2010. Т. 6, N 1. С. 5-28

12. Политическая идентичность и политика идентичности [Текст] : в 2 т. / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений Российской акад. наук Т. 1, 2. Москва : РОССПЭН, 2012. 11 12-1/332 11 12-1/333
13. Старостин, А.А. Политическая идентичность современных россиян: проблемы формирования // Социум и власть. - Челябинск, 2010. - N 2. - С. 53-58
14. Федорова, М.М.; Глинчикова, А.Г. Политическая идентичность России в условиях глобализации // Россия в диалоге культур. - М., 2010. - С. 167-204

Аспект культурный

1. Андреева Е.В. Роль культурной памяти в формировании национальной идентичности [Текст]. Ростов-на-Дону : РГУПС, 2011
2. Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 255-281.
3. Бызов, Леонтий Георгиевич. Контуры новорусской трансформации [Текст] : социокультурные аспекты формирования современной российской нации и эволюция социально-политической системы / Л. Г. Бызов. Москва : РОССПЭН, 2013. 1 13-30/198 1 13-30/199
4. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке [Текст] : Коллективная монография / Российский институт культурологии; отв. ред. Н. А. Кочеляева. Москва : Совпадение, 2012. Электронный ресурс
5. Пивоев В.М. Этнос и нация: проблемы идентификации [Текст] : [монография] / В. М. Пивоев. Москва : Директ-Медиа, 2013. Электронный ресурс
6. Проблемы формирования национально-культурной идентичности в современной России [Текст] : материалы исследования / Московский гуманитарный ун-т ; [отв. ред. А. В. Костина]. Москва : Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2011. 1 12-4/64 1 12-4/63
7. Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Макля; Под ред. Тишкова В.А. - М.: Наука, 2011.
8. Смакотина, Н.Л.; Хвыля-Олинтер, Н.А. Национально-культурная идентичность молодежи: социологический метод оценки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социол. и политология. - М., 2010. - N 2. - С. 59-79
9. Тишков В.А. О главных акторах цивилизационного диалога. Культурное и языковое разнообразие современных наций // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 77-85.
10. Тишков В.А. Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа / В. А. Тишков. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2010. 2 10-8/1347
11. Хартулари Г.С. К вопросу о соотношении национальной идентичности и культурно-ценностных ориентаций // Система ценностей современного общества. - Новосибирск, 2010. - С. 124-130
12. Холодковский К.Г. Двойственность российской идентичности // Полития. - М., 2011. - N 1. С. 85-97.
13. Шикова Р.Ю. Идентичность молодежи России в условиях социокультурной трансформации // Вестн. Адыг. гос. ун-та = Шэныгъэгъуаз. Сер.: Регионоведение: философия, история, социол., юриспруденция, политология, культурология. - Майкоп, 2010. - Вып. 1. - С. 111-115

Конфессиональный аспект

1. Васильева О.Б. Религиозная идентичность и ее роль в процессе национально-государственной идентификации России // Актуальные проблемы политики и политологии в России. - М., 2011. - С. 53-61

2. Рыжова С.В. Современная православная идентичность русских в культуре и гражданском контексте // Русские : Этносоциол. исслед. - М., 2011. - С. 66-82
3. Рыжова С.В. Становление православной идентичности русский: традиционно-культурные и гражданские основания // СоцИс : Соц. исслед. - М., 2010. - N 12. - С. 59-69

Патриотический аспект

1. Жовтун Д.Т. Ценностно-правовые аспекты понятия патриотизма // Право и государство: теория и практика. 2015. № 8 (128). С. 13-19.
2. Лысак И.В., Наливайченко И.В. Патриотизм в современной России: изменение содержания и трудности формирования // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 1. С. 21-24.
3. Науменков С.М. Современные исследования факторов формирования патриотизма личности // Социальная политика и социология. 2013. № 1 (91). С. 233-241.

Формирование идентичности

1. Василенко И.В. Роль формальных политических институтов в процессе формирования гражданской идентичности // Общественные отношения в условиях становления гражданского общества в России. - Волгоград, 2010. - С. 5-14
2. Веретевская А.В. Модели формирования наций в условиях полиэтничности // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин Сборник научных трудов. Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований; главный редактор: Ильин М.В.. Москва, 2010. С. 146-159.
3. Гизатова, Г.К., Иванова, О.Г. Идеология как фактор формирования идентичности // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. - Казань, 2010. - Т. 152, кн. 1. - С. 66-73
4. Гизатова, Г.К.; Иванова, О.Г. Роль национально-исторического сознания в формировании идентичности // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. - Казань, 2011. - Т. 153, кн. 1. - С. 42-51
5. Глухов А.П. Коммуникативные стратегии российского националистического дискурса: отражение в медийном пространстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 5. С. 52-58.
6. Глухов А.П. Месседж национальной идентичности в медиуме рекламы // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 30-35.
7. Дзахова, Л.Х. Политические партии в формировании гражданско-патриотической идентичности // Вестн. Северо-Осетин. гос. ун-та им. К.Л.Хетагурова. Обществ. науки. - Владикавказ, 2010. - N 1. - С. 36-40
8. Кто мы?". Проблемы формирования национально-культурной идентичности в современной России [Текст] : коллективная монография / [А. В. Костина и др. ; отв. ред. А. В. Костина]. Москва : Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2011. 1 12-3/210 1 12-3/209
9. Мурзин А.Э. Проблема русской идентичности в национальной политике и стратегии государственного строительства постсоветской России // Человек в мире культуры. 2015. № 1. С. 3-13.

Формирование идентичности: образование

1. Андриюшков, А.А. Формирование российской идентичности как задача образования: мировоззрение, создающее будущее // Вопр. образования. - М., 2011. - N 3. - С. 287-300
2. Байбородова Л.В. Воспитание гражданской идентичности сельских школьников // Образовательная панорама. 2015. № 1 (3). С. 63-72.
3. Бзаров Р. С., Камболов Т. Т., Кучиева Л. А. Поликультурная образовательная модель как основа формирования российской гражданской идентичности обучающихся общеобразова-

- тельной школы [Текст]. Владикавказ : Изд-во Северо-Осетинского гос. пед. ин-та, 2011. 1 13-6/27 1 13-6/28
4. Геворкянц, Ж.А. Сопровождение процесса формирования гражданской идентичности на этапе дошкольного детства [Текст] / Ж. А. Геворкянц, А. Р. Георгян, Л. А. Кучиева. Владикавказ : Изд-во СОГПИ, 2014. 1 14-19/282 1 14-19/283
 5. Георгян А.Р. Психолого-педагогическое сопровождение процесса формирования гражданской идентичности дошкольников в условиях поликультурного образования // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества. 2014. № V. С. 39-46.
 6. Гранин Ю. Формирование российской нации // Свободная мысль. 2012. № 7-8 (1634). С. 5-18.
 7. Зайцева Н.В. Русская народная песня - неиссякаемый источник основ формирования гражданской идентичности современных школьников // Мир современной науки. 2013. № 5 (20). С. 61-65.
 8. Как рождается гражданская идентичность в мире образования: от феноменологии к технологии [Текст] : монография : в 2 ч. / [А. Г. Асмолов и др.] ; под ред. А. Г. Асмолова ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральный ин-т развития образования, Центр стратегии развития образования и организационно-методической поддержки программ. Ч. 1, 2. М., 2011. 11 12-1/159 11 12-1/160
 9. Корнаева З.В. Формирование компетенций гражданской идентичности учащихся начальной школы // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества. 2012. № IV. С. 160-164.
 10. Коряковцева О.А. Технологии развития гражданской идентичности студенческой молодежи в образовательном пространстве вуза [Электронный ресурс] : учебно-методическое пособие / О. А. Коряковцева, И. Ю. Тарханова. Ярославль : ЯГПУ, 2013. ИЭР О 18-9/180
 11. Новицкая М.Ю. Мы - граждане России [Текст] : методические рекомендации для педагогов начальных классов по формированию гражданской идентичности у младших школьников в условиях поликультурного и поликонфессионального общества / [М. Ю. Новицкая, С. Г. Чигрина]. Москва : Федеральный ин-т развития образования, 2012. 3 13-5/256
 12. Образование как фактор формирования этнической и гражданской идентичности в молодежной среде [Текст] : сборник материалов открытой научно-практической конференции "Кавказ - крупным планом" / М-во образования и молодежной политики Ставропольского края, Гос. бюджетное образовательное учреждение доп. образования детей "Краевой центр развития творчества детей и юношества им. Ю. А. Гагарина" ; [сост.: Шкальной А. А., Шкальная А. В.]. Ставрополь : Сервисшкола, 2014. 1 14-26/363
 13. Омарова П.О. Формирование общероссийской идентичности как фактор патриотического воспитания младших школьников [Текст] / П. О. Омарова, З. Г. Джамалудинова ; Ин-т нац. проблем в образовании Российской акад. образования, гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Дагестанский гос. педагогический ун-т". Москва : Парнас, 2012. 1 13-24/230 1 13-24/231
 14. Ростова Е. Н. Формирование гражданской идентичности у студентов вузов (на основе смысловых ориентаций личности) [Текст] : методическая разработка / Ростова Е. Н., Пивнева Н. С. ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Российский гос. социальный ун-т", Фил. в г. Таганроге ПЕД. В. О. Таганрог (Ростовская обл.) : Ступин А. Н., 2013 (Таганрог (Ростовская обл.) : Ступин А. Н.)
 15. Рысакова, П.И. Национальная система образования как агент формирования глобальной идентичности // Филос. науки. М., 2010. N 10. С. 110-127

16. Формирование гражданской идентичности как ключевая задача образования в социокультурной модернизации России [Текст] : монография / под науч. ред. А. Г. Асмолова. Москва : Федеральный ин-т развития образования, 2012. 1 13-11/192 1 13-11/193
17. Формирование основ гражданской идентичности у младших школьников [Текст] : монография / [И. И. Бондарева и др. ; под ред. Н. Н. Демeneвой, С. К. Тивиковой]. Нижний Новгород : Нижегородский ин-т развития образования, 2014. 2 14-78/211 2 14-78/212
18. Формирование российской идентичности и правовой культуры студенческой молодежи в полиэтничном регионе / [авт.-сост.: В. А. Шаповалов и др.]. Ставрополь : Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2011. 2 11-52/194
19. Шакурова М.В. Педагогическое сопровождение становления российской идентичности школьников [Текст] : монография / М. В. Шакурова, Т. В. Сырых, В. В. Лактионов. Воронеж : Воронежский гос. пед. ун-т, 2010. 1 11-8/236 1 11-8/237
20. Шик С.В. Идентичность, самопонимание и духовно-нравственное воспитание [Текст] : учебное пособие / Шик С. В., Гончарова Т. М. Красноярск : Фил. НОУ ВПО Московского психолого-социального ун-та в г. Красноярске, 2013. 3 13-27/205
21. Дзидзоева С.М., Красношлык З.П. Теоретико-методологические основания формирования основ гражданской идентичности дошкольников в условиях поликультурного образовательного пространства // Вестник Владикавказского научного центра. 2014. Т. 14. № 2. С. 53–57.
22. Дзидзоева С.М. Перспективные направления профессиональной подготовки студентов педвуза к формированию у дошкольников основ гражданской идентичности в условиях полилингвальной модели поликультурного образования // Перспективы развития научных исследований в 21 веке: сборник материалов 4-й международной науч.-практ. конф., (г. Махачкала, 28 февраля, 2014 г.). Махачкала: ООО "Апробация", 2014. С. 181–183.

Вызовы модернизации

1. Батанина И.А., Бродовская Е.В. Идея коэволюции институциональных и ценностных изменений в исследованиях посткоммунистического пространства // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 3. С. 76-83.
2. Делокаров, К. Процесс модернизации и проблемы российской идентичности // Упр. мегаполисом. - М., 2011. - N 5. - С. 18-26
3. Король М.П. Модификация общества в нацию: российский вариант // Социальная политика и социология. 2015. Т. 14. № 3-1 (109). С. 113-118.
4. Костина, А.В. Национально-культурная идентичность как проблема развития современной России // Обсерватория культуры. - М., 2011. - N 2. - С. 37-42

Вызовы глобализации

1. Ачкасов В.А. Кризис национальной идентичности и проблемы безопасности России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. - М., 2010. - N 4. - С. 63-67
2. Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности [Текст]. Санкт-Петербург : Изд. дом Санкт-Петербургского ун-та, 2012. 1 13-6/273 1 13-6/272
3. Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации [Текст] : сборник научных статей / А. Н. Чумаков (отв. ред.). М.: Проспект, 2014. 1 14-11/145 1 14-11/146 Электронный ресурс
4. Гобозов И.А. Государство и национальная идентичность [Текст] : глобализация или интернационализация? / И. А. Гобозов. Москва : URSS, cop. 2012. 1 12-49/515 1 12-49/516

5. Делокаров К.Х. Проблема идентичности в эпоху глобализации: российская специфика // Национальная идентичность в северокавказском обществе: поиски путей укрепления / Под общ. ред. А.Ю. Шадже, Е.С. Куквы. Майкоп, 2015. С. 12-29.
6. Картунов С.В. Национальная идентичность как ресурс развития // Мы - Народ : Народ - главный Субъект развития, модернизации, упр. Россией. - М., 2011. - С. 269-294
7. Магомедова М.А. Проблемы национальной идентичности в полиэтнической среде в условиях глобализации // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. - Ростов н/Д, 2010. - N 1. - С. 31-35
8. Омер С.О. Национальная идентичность в изменяющемся мире: локализация и глобализация. Южно-Российский гос. технический ун-т (Новочеркасский политехнический ин-т). Новочеркасск: Лик, 2010. 1 10-31/432 1 10-31/431
9. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. этнос и нация как субъекты глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 4. С. 218-231.

Синкретичные источники о национально-гражданской идентичности

1. Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций [Текст] : [монография] / [Панов П. В. и др.] ; под. ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. Москва : РОССПЭН, 2012. 1 13-10/75 1 13-10/76 Электронный ресурс
2. Власова-Ягодина А.А. Эволюция норм этносоциальных отношений движется ли россия к единой гражданской нации? // Управление мегаполисом. 2014. № 1. С. 112-116.
3. Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. - С. 241-254
4. Дягтерев А.К.; Черноус В.В. Гражданская идентичность в пространстве националистического дискурса // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. - Ростов н/Д, 2011. - N 3. - С. 16-20
5. Имгрунт С.И. Гражданская идентификация россиян в условиях социального неравенства [Текст] : курс лекций для студентов высших учебных заведений. Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2015
6. Исмуклов Н.А. Национализмы: теория и современность // Вестник Российского университета кооперации. 2013. № 2 (12). С. 111-126.
7. Кравченко Н.Ю. Российская гражданская идентичность: опыт социологической реконструкции [Текст] / Н. Ю. Кравченко. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2014. 1 15-30/494 1 15-30/495
8. Медова Ю.А. О соотношении этнической и национальной идентичности // Философия и общество = Philosophy a. society. - М., 2010. - N 4. - С. 119-125
9. Меркулова Е.М. "Русский" и "российский" в современной речи // Рус. речь. - М., 2011. - N 5. - С. 39-43
10. Михайлова В.А. К дискуссии о проблеме российской идентичности // Вопросы национальных и федеративных отношений : Сб. науч. ст. - М., 2010. - С. 5-16
11. Нухажиев Н.С. В поисках национальной идентичности [Текст] / Нухажиев Н. С., Умхаев Х. С. Грозный : Грозненский рабочий, 2012. 2 14-35/281
12. Орлов И.Б. Национальная идея России как механизм духовной мобилизации и цивилизационной идентичности // Мир и политика. М., 2010. N 7. С. 79-85
13. Палий И.Г. Проблема национальной идентичности в условиях современной России // Философские проблемы: вчера, сегодня, завтра : Ежегод. сб. науч. ст. Каф. философии и культурологии. - Ростов н/Д, 2011. - Вып. 2. - С. 73-78
14. Похилько А.Д.; Губанова М.А. Поиски методологии изучения российской национальной идентичности // Науч. мысль Кавказа. - Ростов н/Д, 2010. - N 4. - С. 24-28

15. Санина А.Г. Социальные основания гражданской идентичности в современном обществе: субстанциональный, пространственный и деятельностный аспекты // Вестн. С.-Петерб. ун-та : Научно-теоретический журнал. Сер. 12, Психология. Социол. Педагогика. - СПб., 2010. - Вып. 4. - С. 281-286.
16. Семенова Ю.А. Кризис гражданской идентичности в условиях трансформации современного общества // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. - Оренбург, 2010. - N 7. - С. 87-92
17. Сикевич З.В. Образ России в контексте национальной идентичности русских: (По материалам социологических исследований) // Вестн. С.-Петерб. ун-та : Научно-теоретический журнал. Сер. 12, Психология. Социол. Педагогика. - СПб., 2009. - Вып. 3, ч. 1. - С. 166-173
18. Социологический ответ на "национальный вопрос": пример Республики Башкортостан [Электронный ресурс] / Дробижева Леокадия Михайловна. Москва : ИС РАН, 2012. ИЭР О 17-6/106
19. Тишков В.А. Российский народ [Текст] : история и смысл национального самосознания / В. А. Тишков ; Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва : Наука, 2013. 1 13-22/224 1 13-22/223
20. Федотова В.Г. Проблема российской идентичности: выбор пути или ракурсы интерпретации // Человек в интеллектуальном и духовном пространствах : Сб. науч. тр. к 90-летию проф. В.Ж. Келле. - М., 2010. - С. 74-115
21. Шадже А.Ю. Российская идентичность в контексте постнеклассической науки // Вестн. Адыг. гос. ун-та = Шэныгъэгъуаз. Сер.: Регионоведение: философия, история, социол., юриспруденция, политология, культурология. - Майкоп, 2011. - Вып. 3. - С. 123-130
22. Шадже А.Ю. Российская идентичность в синергетической парадигме // Социал.-гуманит. знания. - М., 2011. - N 4. - С. 203-217

Региональный аспект

1. Ширманов Е.В. Региональная идентичность как фактор политического процесса // Регионоведение. 2015. № 3 (92). С. 14-21.
2. Абдулаева З.Э. Этнокультура в духовно-антропологическом пространстве современной России: региональный аспект [Текст] : монография / Абдулаева Заира Эсенбулатовна ; М-во здравоохранения РФ, Дагестанская гос. мед. акад. Махачкала : [б. и.], 2013. 1 13-28/341. 1 13-28/342
3. Авксентьев В.А, Аксюмов Б.В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // СоцИс : Соц. исслед. - М., 2010. - N 12. - С. 18-27.
4. Алаудинов А.А. Особенности региональной идентичности как объекта политологического исследования // Вестник Российской нации. 2011. Т. 17. № 3. С. 74-85.
5. Алаудинов А. Формирование общенациональной политической идентичности в современной России: проблемы и перспективы // Вестн. рос. нации. М., 2011. N 4/5. С. 69-81
6. Алаудинов А.А. Региональная идентичность - основа формирования общенациональной политической идентичности [Текст] : [монография] / Алаудинов Апты Аронович ; науч. ред. В. Х. Акаев ; отв. ред. В. В. Черноус ; Чеченский гос. пед. ин-т, Центр региональных исслед. Ин-та социологии и регионоведения Южного Федерального ун-та. Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2015. 2 15-56/352
7. Анисимова А.А. Сибирская идентичность [Текст] : предпосылки формирования, контексты актуализации / А. А. Анисимова, О. Г. Ечевская. Новосибирск : НГУ, 2012. 1 12-48/102 1 12-48/101
8. Арктические регионы России : проблемы парламентаризма, представительства и региональной идентичности [Текст] : от родовых общин - к парламенту Ямала : сборник научных трудов по итогам научно-практической конференции, [г. Салехард, 5-6 октября 2012 г.] / За-

- конодательное собрание Ямало-Ненецкого авт. окр., Ин-т филос. и права УрО РАН ; под общ. ред. В. Н. Руденко. Екатеринбург ; Салехард : Баско, 2013. 1 13-22/255 1 13-22/256
9. Национальная идентичность в северокавказском обществе: поиски путей укрепления / Под общ. ред. А.Ю. Шадже, Е.С. Куквы. Майкоп, 2015.
 10. Аствацатурова М.А. Российская идентичность в Северо-Кавказском регионе: гражданское содержание и полиэтничные формы [Текст] : учебное пособие. Пятигорск : Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2012. 2 13-42/201 2 13-42/202
 11. Баратова К.М. Проблемы этноконфессиональной идентичности дагестанской молодежи в современных условиях // Россия и Кавказ: история и современность. - Махачкала, 2010. - С. 552-558
 12. Богатова О.А. Социокультурные аспекты региональной и этнической идентичности в полиэтничных регионах РФ (на примере республики Марий-Эл, республики Мордовия и Удмуртской республики) // РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ Горшков М.К., Гусейнов А.Г., Дмитриев А.В., Акимкин Е.М., Барков Ф.А., Бийжанова Э.К., Богатова О.А., Богданов В.С., Волков Ю.Г., Воронов В.В., Герций Ю.В., Давыденко В.А., Заборова Е.Н., Капицын В.М., Кинсбургский А.В., Козлов Д.В., Кубякин Е.О., Куликов Е.М., Лапин Н.И., Малышев М.Л. и др. Москва, 2015. С. 442-464.
 13. Бойко И.И., Харитонов В.Г. Общероссийская, территориальная и этническая идентичности в Чувашии // Вестник Российской нации. 2015. Т. 2. № 40. С. 81-95.
 14. Бритвина И.Б., Старостова Л.Э. Брендинг территории: проблема поиска ценностных оснований // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 129. № 3. С. 163-171.
 15. Букин В.П. Самоидентификация провинциальной молодежи в контексте социально-статусной принадлежности // СоцИс: Соц. исслед. - М., 2010. - N 3. С. 93-100
 16. Васильева Е.Ю. Специфика формирования региональной идентичности // Философско-культурологический аспект культурной и цивилизационной идентичности. - Пятигорск, 2011. - С. 12-19
 17. Власкина Н.А. «Казачий бренд» поселений ростовской области: вопросы идентичности и культуростроительства // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. Т. 127. № 2. С. 100-107.
 18. Галактионова Н.А. Особенности современных процессов регионализации и формирования региональной идентичности // Регионология. - Саранск, 2010. - N 2. - С. 257-264
 19. Галактионова Н.А. Региональные особенности этнических явлений: становление института гражданской идентичности в Тюменской области [Текст] : монография / Н. А. Галактионова. Тюмень : ТГАКИСТ, 2011. 2 11-32/322 2 11-32/321
 20. Головнева Е.В. Концепт «регион» в контексте теории социального конструктивизма // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 132. № 4. С. 113-122.
 21. Головнева Е.В. Многообразие дискурсов региональной идентичности // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 123. № 1. С. 198-203.
 22. Головнева Е.В. Региональная идентичность в культуре постмодерна // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. Т. 141. № 3. С. 105-112.
 23. Гражданское общество в российских регионах [Текст] : монография / [М. К. Акимова и др. ; под ред. Т. А. Гужавиной]. Новосибирск : СибАК, 2015. 2 15-63/174 2 15-63/175

24. Грошева Г.В. Этническая государственность как фактор формирования региональной идентичности (на примере республики Хакасия 1990-х - 2000-х гг.) // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. - Томск, 2010. - Вып. 9. - С. 125-131
25. Денисова Г.С. Южно-российская идентичность [Текст] : факторы и ресурсы / Г. С. Денисова, А. В. Дмитриев, Л. В. Клименко. Москва : Альфа-М, 2010. 1 10-39/246 1 10-39/245 Электронный ресурс
26. Доржиева В.В, Сахибгоряев В.Х. В поисках идентичности: от региональной - к национальной идее (постскриптум форума "Стратегия 2020", сентябрь, Магадан, 2010) // Северо-Вост. науч. журн. - Магадан, 2010. - N 2(6). - С. 23-26
27. Дроздова Ю.А. Региональная идентичность: управление процессом конструирования [Текст] = Regional identity: managing the construing process : монография / Ю. А. Дроздова. Волгоград : ВАГС, 2011. 1 12-42/20 1 12-42/19
28. Егоров Н.И. Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей [Текст] : от конфессионального к этнонациональному : доклад на научной сессии Чувашского государственного института гуманитарных наук по итогам работы за 2012 год / Н. И. Егоров. Чебоксары : Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук, 2012. 1 13-21/490 1 13-21/491
29. Еремина Е.В. Формирование региональной идентичности в условиях современной России [Текст] : монография : (научное издание) / Е. В. Еремина, В. Н. Супиков, К. Е. Тумакова. Пенза : Приволжский дом знаний, 2012. 1 12-34/370
30. Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: от гения места к имиджевым ресурсам // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. Т. 9. № 2. С. 25-31.
31. Замятин Д.Н. Вообразить Россию. Географические образы и пространственная идентичность // Культура и пространство. М., 2010. Кн. 2: Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест. - С. 84-95
32. Идентичность и консолидационный ресурс жителей республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс] / Дробижина Леокадия Михайловна. Москва : ИС РАН, 2012. ИЭР О 17-6/250
33. Кисляков М.М. Региональные выборы и региональная идентичность: состояние, проблемы, перспективы // Российский парламентаризм: региональное измерение. Материалы III Всероссийской конференции с международным участием. Под редакцией А.И. Щербинина, Н.Г. Щербининой. Томск, 2014. С. 93-97.
34. Клименко Л.В. Идентичность населения Республики Адыгея: соотношение общероссийского, регионального и этнического компонентов // Журн. социол. и социал. антропологии = J. of sociology a. social anthropology. - СПб., 2011. - Т. 14, N 1. - С. 148-159
35. Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане [Электронный ресурс] / Дробижина Леокадия Михайловна [и др.]. Москва : ИС РАН, 2012. ИЭР О 17-6/251
36. Кочина Е.А. Надэтническая идентичность в условиях современных социокультурных трансформаций (на примере республики хакасия) // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 1 (50). С. 227-231.
37. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России = Regional identity in the European Russia / М. П. Крылов ; Российская акад. наук, Ин-т географии, Российский науч.-исследовательский ин-т культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Москва : Новый Хронограф, 2010. 1 10-16/242 1 10-16/241 Электронный ресурс
38. Куква Е.С. Идентичность на северном кавказе: исследовательский ресурс синергетики // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 4. С. 308-315.
39. Кучумов И.В. К проблемам идентичности и межкультурного взаимодействия (на примере русского населения Башкортостана) [Текст]. Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2010. 1 10-37/14 1 10-37/13

40. Литвинов Н.Н. Бренд-стратегия территорий. Алгоритм поиска региональной идентичности (часть 1). Бренд-менеджмент. 2010. № 4. С. 244-255.
41. Логинов А.В., Магдеев А.М. Влияние на политический процесс российского менталитета и региональной идентичности // Регионология. - Саранск, 2010. - N 4. - С. 38-51
42. Магомедова М.З. Этническая идентичность и толерантность в поликультурном пространстве Республики Дагестан // Вестн. Дагестан. науч. центра = Herald of Dagestan scientific center. - Махачкала, 2010. - N 37. - С. 68-76
43. Магомедова М.З. Этническая идентичность народов Северного Кавказа // Россия и Кавказ: история и современность. Махачкала, 2010. С. 101-109
44. Магомедова М.А. Этническая идентичность и патриотизм как факторы сохранения общественно-политической стабильности Республики Дагестан [Текст] : [монография] / М. А. Магомедова ; Дагестанский науч. центр Российской акад. наук, Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Региональный центр этнополитических исслед. Махачкала : Наука ДНЦ, 2012. 1 13-19/205 1 13-19/206
45. Мажитова А.Р. Национальная политика Республики Башкортостан как путь решения проблемы идентичности личности в современном обществе // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Философия. Социол. Культурология. - Челябинск, 2010. - N 16 (197), вып. 17. - С. 108-111
46. Макарова Г.И. Динамика российской региональной и этнических идентичностей в татарстане // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 71-77.
47. Макарова Г.И. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурной политики Российской Федерации и Республики Татарстан. Казань: Казанский ун-т, 2010. 1 11-27/455 1 11-27/454
48. Манаков А.Г., Евдокимов С.И. Скобари: историческая зрелость границ и региональная идентичность в псковской области // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 28-38.
49. Манчилина Е. Факторы формирования самосознания сахалинцев и курильчан: геополитические и правовые итоги второй мировой войны // Развитие личности. - М., 2010. - N 2. - С. 89-98
50. Михайлова В.В., Надькин В.Б. Религиозная идентичность и этноконфессиональные отношения в республике саха (якутия) // Вестник Российской нации. 2014. Т. 2. № 2-2 (34). С. 138-148.
51. Михалева А.В. Роль ислама в конструировании региональной идентичности Республики Дагестан // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Политология. История. - Пермь, 2011. - Вып. 4. - С. 75-87
52. Мордовский народ в формировании общероссийской гражданской идентичности [Текст] / М-во по нац. политике Респ. Мордовия, Межрегиональная общественная орг. мордовского (мокшанского и эрзянского) народа ; [редкол.: Т. С. Баргова (авт.-сост.) и др.]. Саранск : [б. и.], 2015
53. Морозова В.С. Трансформация региональной культуры и формирование новой социокультурной идентичности в процессе межкультурного взаимодействия рф и кнр (на примере забайкальского края) // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 6. С. 95-99.
54. Население Сибири : межнациональные отношения, образование и культурная идентичность [Текст]: [сборник научных трудов] / Фил. Фонда Розы Люксембург в России, Общественное движение "Образование - для всех", Омский региональный благотворительный фонд возрождения народной культуры "Наша Родина - Сибирь" ; [редкол.: М. А. Жигунова, Е. М. Данченко (отв. редакторы) и др.]. Омск : Полиграфический центр КАН, 2011. 1 12-29/328 1 12-29/327

55. Наумлюк М.В. Региональная литература Кольского Севера XX-XXI века в аспекте идентичности и мультикультурности. Страницы истории и современность [Текст]. Мурманск: Мурманский гос. гуманитарный ун-т, 2013. 2 13-103/138 2 13-103/139 ФБ 0 2014/867
56. Немировский В.Г. Особенности социокультурной самоидентификации населения Восточной Сибири // СоцИс: Соц. исслед. М., 2011. N 8. С. 88-94
57. Николаев В.В. Множественность идентичностей и формы самоопределения коренного населения предгорий Северного Алтая (конец XX - начало XXI века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск, 2011. - Т. 17. - С. 324-327
58. Олескин А.В. Сетевые структуры и задача сохранения этнической и региональной идентичности в условиях глобализации // Глобализация и проблема сохранения культурного многообразия. - М., 2010. - С. 51-75
59. Павлова О.С. Религиозная и этническая идентичность мусульман северо-западного и северо-восточного Кавказа: содержание и особенности соотношения // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 2. С. 75-86.
60. Понделков А.В.; Старостин, А.М. Феномен идентичности региональных элит: российская версия // Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия. - М., 2010. С. 159-167
61. Попов М.Е. Конфликты идентичностей и социокультурная интеграция в современной России // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2015. № 2 (47). С. 277-280.
62. Попов М.Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: общероссийский и региональный аспекты. Ставрополь : Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2011. 1 12-1/11 1 12-1/12
63. Разумова И.А. Миграционный опыт и формирование локальной идентичности жителей Кольского Севера // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. - М., 2010. - С. 290-297
64. Региональная культура как фактор устойчивого развития общества: социально-политические, этнонациональные и информационные аспекты [Текст] : материалы Международной научной конференции, г. Геленджик, 16-18 сентября 2013 г. / М-во культуры Российской Федерации, М-во культуры Краснодарского края, Федеральное гос. бюджетное учреждение высш. проф. образования "Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств"; [редсовет: Н. Б. Зиновьева (отв. ред.) и др.]. Краснодар : КГУКИ, 2013. 2 13-103/84 2 13-103/85
65. Гриценко В.П. Культура и культуры: противоречия глобализации и регионализации // С. 9-19.
66. Гребенюк М.Н. К вопросу о формировании общероссийской идентичности: идеология и политика. С. 19-25.
67. Российская идентичность на Северном Кавказе [Текст] = The russian identity in the North Caucasus / З. Жаде [и др.] ; науч. ред. А. Ю. Шадже ; М-во образования и науки Российской Федерации, Адыгейский гос. ун-т, Российское философское о-во. Москва : Социально-гуманитарные знания ; Майкоп : Качество, 2010. 1 10-47/92 1 10-47/93
68. Савоскул С.С. Краеведение и локальная идентичность : (На примере малых городов Центральной России) // Этногр. обозрение. - М., 2011. - N 6. - С. 83-99
69. Самошкина И. Город как фактор формирования территориальной идентичности // Развитие личности. - М., 2009. - N 2. - С. 116-126
70. Северный Кавказ в фокусе российской идентичности [Текст] : [сборник научных статей] / Адыгейский гос. ун-т, Российское филос. о-во ; под общ. ред. А. Ю. Шадже. Москва : Российское филос. о-во ; Майкоп : Адыгейский гос. ун-т, 2011. 1 12-18/418 1 12-18/419
71. Согомонов А. Современный город: стратегия идентичности // Неприкосновенный запас. - М., 2010. - N 2. - С. 244-254

72. Старостова Л.Э. Прагматический подход к моделированию территориальной идентичности: социокультурный аспект // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. Т. 141. № 3. С. 95-105.
73. Степанов В., Тишков В. Кем себя считают россияне: региональный аспект // Вестн. рос. Нации. - М., 2010. - N 3. - С. 112-153
74. Толерантность, этнокультурная компетентность и основы профилактики ксенофобии в Алтайском крае [Текст] : научно-методическое пособие / Администрация Алтайского края, Некоммерческое партнерство "Сибирский центр социальных технологий" ; [сост.: Н. А. Шабалина, О. Е. Ноянзина]. Барнаул : НП "Сибирский центр социальных технологий", 2012. 2 13-58/567 2 13-58/568
75. Файзуллин Г.Г., Файзуллина Л.Х. Роль субъектов российской федерации в развитии межэтнического и межконфессионального взаимодействия культур: этнополитический аспект // Аграрное и земельное право. 2014. № 11 (119). С. 119-124.
76. Шабаетов Ю.П. Народы Европейского Севера России: положение, специфика идентичности // СоцИс: Соц. исслед. - М., 2011. - N 2 (322). - С. 54-63
77. Шерстова Л.И. Областная идеология: некоторые аспекты региональной идентичности // Областная тенденция в русской философской и общественной мысли. - СПб., 2010. - С. 150-165
78. Яхьяев М.Я. Социокультурная идентичность Северного Кавказа в составе России [Текст] : [монография] / Яхьяев М. Я., Поломошнов А. Ф., Гурбанов Э. А.-О. Москва : Парнас, 2013. 1 13-47/385 1 13-47/386

Периферия

Культурная идентичность

1. Исхаков Р.Л., Карамов Н.С., Нурмаметов Р.Р. Российские мусульмане: к вопросу об этноконфессиональной идентификации // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. Т. 141. № 3. С. 175-187.
2. Реснянский С.И. Русская православная идентичность в эру глобализма // Групповая идентичность в истории и культуре: этнос, религия, социальный организм: Сб. науч. ст. - М., 2011. - С. 196-201
3. Мельникова Л.В. Российская социокультурная идентичность в исторической перспективе [Текст] / Л. В. Мельникова, А. Ф. Поломошнов. пос. Персиановский, Ростовская обл. : [б. и.], 2012. 1 12-35/287 1 12-35/288
4. Митрошенков О.А. Смена идентичности как социокультурный проект: управленческие контексты (социально-философский анализ) // Вопросы социальной теории. 2011. Т. 5. С. 242-261.
5. Когатько Д.Г. Российская идентичность : культурно-цивилизационная специфика / Д. Г. Когатько, В. Х. Тхакахов. Санкт-Петербург : Алтейя, 2010. 1 10-10/96 1 10-10/95 Электронный ресурс
6. Бочарникова И.С. Народная культура в современных условиях: стратегия сохранения национальной идентичности [Текст] : монография. Астрахань : Астраханский ун-т, 2010. 1 11-21/129 1 11-21/128
7. Васильева Е.Ю. Культурная идентичность в обеспечении безопасности современного российского общества // Вестн. Ставропол. гос. ун-та. - Ставрополь, 2011. - Вып. 73(2). - С. 179-184

8. Волова Л.А. О трансформации духовных ценностей и культурной идентичности в России // Философско-культурологический аспект культурной и цивилизационной идентичности. - Пятигорск, 2011. - С. 29-36.
9. Воронина Н.И. Идентичность и толерантность в многоукладности российской культуры // Толерантность в культуре и процесс глобализации. М., 2010. С. 288-445
10. Йорданова П.И. Культурная идентичность в России // Философско-культурологический аспект культурной и цивилизационной идентичности. - Пятигорск, 2011. - С. 66-75
11. Кузнецова Т.В., Ремизов В.А. Теория и практика современных культурных процессов в России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (58). С. 15-25.
12. Маликова Н.Р. Социально-культурные феномены проявления "новых обликов" идентичности и "смутных" идеалов россиян в глобализации // Гуманитарные чтения РГУ-2010 : Теория и методология гуманитарного знания: Россияведение. Общественные функции гуманитарных наук. - М., 2011. - С. 423-436
13. Морозова И.Н. Культурная идентичность России: православное наследие // Духовно-нравственная культура России и Болгарии: православное наследие. - Челябинск, 2010. - Вып. 2, ч. 2. - С. 94-99
14. Ремизов В.А. Ризомизация культурного пространства: апогей или деконструкция? // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (64). С. 42-47.
15. Сергеева К.В. Культурная идентичность: концептуально-социологический аспект проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 3. С. 272-284.
16. Степанянц, М.Т. Культура и идентичность // Россия в диалоге культур. - М., 2010. - С. 110-121.
17. Федотова Л.В. Народная культура как основание поисков романтизмом национальной идентичности. Москва : Альтаир, 2011. 2 11-66/368 2 11-66/367
18. Шабаетов Ю.П. Культурное пространство "Русского Севера" // Антропология социальных перемен: Сб. ст.: К 70-летию В.А. Тишкова. - М., 2011. С. 481-496

Идентичность России

Россия как субъект и объект идентификации в международном контексте

1. Ружейников В.В. Противодействие угрозам национальной идентичности Российской Федерации // Безопасность России - 2001 : Эксперт.-аналит. обозрение. - М., 2010. - С. 93-110
2. Смирнов А.Н. Россия в процессе международной идентификации: "европейская перспектива", "исламский вектор", "русский путь" // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. - М., 2010. - N 4. - С. 84-100
3. Соловьев Э.Г. Российская внешнеполитическая идентичность и национальный интерес: особенности конструктивистских подходов // Мир и согласие. - М., 2011. - N 1. - С. 8-14
4. Соловьев Э.Г. Россия в меняющемся мире: геополитические аспекты формирования российской национальной идентичности. Москва : ИМЭМО РАН, 2010. 2 11-19/59 ВО 920/19
5. Терновская Л.О. Идентичность как фактор глобального диалога // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 2. С. 20-30.

Россия как объект (авторской) идентификации в терминах империи и цивилизации

1. В поисках России [Текст] = Auf der suche nach Russland : серия публикаций к дискуссии об идентичности : [в 5 т.] / Фонд им. Фридриха Эберта в Российской Федерации, образова-

- тельно-исслед. и изд. центр "Вестн. Евразии", Камчатский гос. ун-т им. Витуса Беринга ; сост., отв. ред. Сергей Панарин]. Т. 3. 2011. 12 11-9/67 12 11-9/68
2. Евразия в поисках идентичности [Текст] : [коллективная монография] / [И. И. Орлик и др.]; Российская акад. наук, Ин-т экономики ; отв. ред.: С. П. Глинкина, А. З. Зевин. Москва : [б. и.] ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2011. 1 14-27/85
 3. Козин Н.Г. Россия. Что это? [Текст] : в поисках идентификационных сущностей / Н. Г. Козин. Москва : Альма Матер : Акад. проект, 2012. 1 12-38/121 1 12-38/122 Электронный ресурс
 4. Кузнецова М.Б., Кузнецова М.Н. Идентичность России: восток, запад, востокозапад? // Академический вестник. 2015. № 1 (31). С. 14-22.
 5. Никишенков А.А. Образ России в контексте цивилизационной, государственной и этнической идентичностей // Личность. Культура. О-во = Culture. Personality. Soc. - М., 2011. - Т. XIII, Вып. 2 (63-64). - С. 102-114
 6. Никишенков А.А. Столкновение образов России: идентичность в контексте конкурирующих мифоидеологий // Антропология социальных перемен : Сб. ст.: К 70-летию В.А. Тишкова. - М., 2011. - С. 513-530
 7. Трунов А.А., Черникова Е.И. Идентичность России в XXI веке и ее культурно-цивилизационный контекст // Проблемы российского самосознания : Архаич., традиц. и инновац. начала. - М., 2010. - С. 121-126
 8. Бутенко Н.А. Российская цивилизация: слагаемые идентичности // Система ценностей современного общества : Сборник материалов XVIII Междунар. науч.-практ. конф. - Новосибирск, 2011. - С. 326-333
 9. Капицын В.М. Космополитизм и цивилизационная идентичность России // Информ. войны. - Юбилейный (Моск. обл.), 2010. - N 3. - С. 24-31
 10. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. М., 2010. Т. 4. - С. 282-304
 11. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху [Текст] : культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты / И. В. Кондаков, К. Б. Соколов, Н. А. Хренов; Гос. ин-т искусствознания. М.: Прогресс-Традиция, 2011. Электронный ресурс
 12. Лихоманов И.В. Феноменологическая проблематика цивилизационной идентичности России // Вестник НГУ. Сер.: Философия = Vestnik Novosibirsk state univ. Ser.: Philos. - Новосибирск, 2010. - Т. 8, Вып. 4. - С. 61-66.
 13. Мишучков А.А. Цивилизационная идентичность в системе общенациональной безопасности России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 11 (172). С. 244-250.
 14. Поломошнов А.Ф., Мельникова Л.В. Жизнеспособность российской цивилизации на рубеже тысячелетий // Монография / Под общей редакцией А.Ф. Поломошнова. п. Персиановский, 2015.
 15. Сунь Р.Г. Империя как таковая : Имперская Россия, "национальная" идентичность и теории империи // Государство наций : Империя и нац. стр-во в эпоху Ленина и Сталина. - М., 2011. - С. 31-87
 16. Сургуладзе В.Ш. Грани российского самосознания: Империя, нац. сознание, мессианизм и византизм России. - М.: W.Bafing, 2010. - 2-е изд., испр. и доп. - 479 с.